

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Питер ДЖОНС

Голосуйте ЗА ЦЕЗАРЯ

В наши дни богачи хвастаются тем, как много они зарабатывают. Во времена Древнего Рима они хвастались тем, как много они тратили на других людей.

Питер Джонс

VI век до н.э. — наши дни

РУСИЧ

Голосуйте
ЗА ЦЕЗАРЯ

П. ДЖОНС

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

РУСИЧ

Питер ДЖОНС

Голосуйте **ЗА ЦЕЗАРЯ**

В наши дни богачи хвастаются тем, как много они зарабатывают. Во времена Древнего Рима они хвастались тем, как много они тражили на других людей.

Питер Джонс

VI век до н.э. — наши дни

РУСИЧ

УДК 931/939
ББК 63.3-7
Д 42

Серия основана в 2010 году

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента. Любые другие публикации настоящего произведения являются противоправными и преследуются по закону.

Перевод с английского *Р. Р. Муфтахова*

Джонс Питер

Д 42 ГОЛОСУЙТЕ ЗА ЦЕЗАРЯ / Пер. с англ. Муфтахова Р. Р. – Смоленск: Русич, 2010. – 384 с. – (Историческая библиотека).

ISBN 978-0-7528-9140-8 (англ.)

ISBN 978-5-8138-0956-9 (рус.)

Технический прогресс сделал нашу жизнь цивилизованной и комфортной. Сегодня мы с ужасом взираем на мрачное средневековье и не менее ужасную древность. Но, оказывается, такое наше отношение к прошлому совершенно неоправдано. Автор произвел сравнительный анализ античного и современного западного общества и утверждает, что жизнь в Древней Греции и Древнем Риме по многим аспектам не только не уступала, но (представьте себе!) даже превосходила современную! Если бы у автора был выбор, он смело отдал бы свой голос за Цезаря. Прав ли он – убедитесь сами.

УДК 931/939

ББК 63.3-7

ISBN 978-0-7528-9140-8 (англ.)
ISBN 978-5-8138-0956-9 (рус.)

© Peter Jones, 2008
© Р. Р. Муфтахов. Перевод, 2009
© Оформление серии.
«Русич», 2010

Предисловие

Сколько себя помню, древние греки и римляне делали для меня ту же самую работу, что и Би-биси. То есть обучали меня, развлекали и информировали о предметах, совершенно ничего общего между собой не имеющих, – о прихотях богачей и образовании; о преимуществах лука-порейя и астрологии; о народе как носителе власти и предрассудков; о смысле и пользе деторождения; о религиозном опыте и эффективности судебной системы; о самопознании и опасности безудержного законотворчества; о миногах и преимуществах государственной независимости; о вреде празднеств и причинах зла; о благотворительности и чувстве долга; о жизни и смерти; о тщетности метафизики и о многом, многом другом.

В этой книге – итоги моего общения с античным миром. Некоторые главы начали свою жизнь еще в моей рубрике «Древность и современность», которую я вел в издании «Spectator». Удивительным образом они отражают интересы, предубеждения и даже невежество автора. Однако древние не несут никакой ответственности за тот выбор, ко-

торый я сделал из всего многообразия суждений и воззрений об античной эпохе. На каждый приведенный здесь довод читатель может привести свой контрдовод, найденный где-то еще. Другими словами, я не претендую на истину в последней инстанции и на полный охват такой безграничной темы, как «жизнь античного общества». Любые обобщения и любая статистика, вполне возможно, еще будут нуждаться в уточнении и обсуждении.

Мой сын Том, с присущей ему пронизательностью, спросил меня: «Эта книга – труд по истории или манифест?» Даже я не настолько наивен, чтобы думать, будто настоящее можно целиком спроецировать на прошлое, по крайней мере, без учета огромной разницы между эпохами в области, например, медицины или технологий. Тем не менее древние римляне и греки подарили человечеству огромное количество идей и открытий, в чем читатель, я надеюсь, убедится сам, прочитав эту книгу.

И, наконец, я хочу выразить особенную признательность издательству «Орион» и лично Иану Маршаллу. Еще ни один издатель, с которым я имел дело, не относился с таким тщательным, плодотворным и дружеским вниманием к публикации моих трудов.

Питер Джонс
Ньюкасл-он-Тайн
Январь 2008 г.

ДВЕ СТОЛИЦЫ – РИМ И ЛОНДОН

Город, который вас перемалывает

Поездка на работу, встреча с друзьями, футбольный матч – по какому бы поводу жителям Лондона ни приходилось бы передвигаться по мегаполису – все они проклянут тесноту и давку в общественном транспорте и стонут от автомобильных пробок. Особенно в центре города. Особенно в снегопад. Но ничто не ново под Луной. Те же самые ощущения, только гораздо более обоснованные, испытывали и жители древнего Рима. Не было ни метро, ни автомобилей, а теснота и давка – те же.

Лондонец, которого буквально «выносит» со стадиона толпа футбольных фанатов, лондонец, уши которого закладывает на мегадецибельном поп-концерте в «Альберт-Холле», испытывает те же чувства, что и римский сенатор, возлежавший на паланкине и покрикивавший на рабов-носильщиков, едва пробирававшихся сквозь многотысяч-

ное людское море, многоцветное и многоязычное, заполнившее до краев торговую площадь. Вот как это описывает поэт-сатирик Децим Юний Ювенал (датировано 120 г.н.э.):

«На улицах мы, пешеходы, зажаты толпою со всех сторон. Впереди идущие не дают нам свободного шага, в то время как сзади напирают. Чужие локти упрутся в наши бока. Того и гляди – получишь по голове коромыслом а то и бочонком. Ноги мои, облепленные грязью по колению, распухли от бесчисленных пинков, а тут еще здоровенный, подбитый гвоздями солдатский сапог отдал мне палец... Нескончаемый уличный гул, вопли и крики – как здесь вообще можно заснуть? Здоровый ночной сон – привилегия богатых римлян (многие умирают от бессонницы). Грохочущие повозки то там, то здесь образуют заторы, и тогда над узкими кривыми улочками стоит отборная ругань возниц...»

Да и наши нынешние лондонские толпы вовсе не состоят из одних только благородных, честных, правдивых, прямодушных англичан. Лондон – одна из столиц мира. Множество представителей других народов и рас приезжают сюда, в том числе и для работы. Люди отовсюду: из Шотландии и России, из Австралии и Сирии, Африки и Франции, США и Польши. Так было и в древнем Риме, где, кстати, очень долго общепринятым языком общения был повседневный язык всего Средиземноморья – древнегреческий. Стремившийся к точности и правдивости, Ювенал называл иностранцев, особенно греков, «несчастливыми», что указывает на толерантность и терпимость древнеримского общества, не делавшего в большинстве своем различия между народами и расами.

Живи мы в древнем Риме, все проблемы густонаселенного города казались бы нам куда как острее и значительнее. Давайте посмотрим: говорят, в Лондоне проживает семь с половиной миллионов человек. Но это не совсем так. Столько народу живет во всем Большом Лондоне, и только малая часть – в пределах собственно Лондона. Огромная масса жителей ежедневно приезжает в Лондон утром на работу, а вечером уезжает домой. Эти гигантские приливы и отливы отражены в статистике – 6,3 млн. поездок в день на автобусах и 4 млн. в метро. Между тем в древнем Риме проживало около одного миллиона человек. Казалось бы, и проблем меньше, но это совершенно не так. Дело в том, что в Риме *не было* общественного транспорта и весь этот миллион жил, работал и передвигался на площади 17,9 кв. км (сопоставимо с семью квадратными милями исторического ядра Лондона).

Если римляне и выбирались за город, то бедняки делали это пешком, а богачи – на паланкинах, если, конечно, они аристократы, решившие прогуляться по окрестностям в сопровождении друзей и телохранителей. Богатым не приходилось добираться по утрам до своих офисов, так как, окруженные рабами, советниками, домочадцами и коммерческими агентами (также, зачастую, рабами), они совершали торговые сделки, не выходя из дому.

Как известно, порождением Великой индустриальной революции XVIII – XIX вв. стала необходимость отрыва рабочих масс от мест своего проживания, попросту говоря, каждое утро нужно было идти куда-то на работу – в другой район, в другой квартал или даже другой город. Лишь теперь, в эпоху развития информационных техноло-

гий, сама необходимость регулярно покидать свой кров постепенно отпадает. Кстати, чем более развита экономика, тем больше работников трудится «неподалеку от обеденного стола». Более того, такой труд считается наиболее эффективным, и очень жаль, что многие предприниматели этого не понимают, сохраняя ментальность XIX в.

Большой Лондон, как известно, состоящий из 32 районов («боро») и Сити, занимает площадь 1572 кв. км, т.е. плотность населения – порядка пяти тысяч жителей на квадратный километр. Так вот, древний Рим превосходил этот показатель в десять раз! Очень шумный и скученный, он представлял собой этакий людской муравейник, где было затруднено любое движение, особенно днем.

«Город, который вас перемалывает» – так называл его древнеримский поэт, составитель остроумных эпиграмм Марциал.

Расизм

Почему-то обычно утверждается, что древние греки и римляне слыли «расистами». Кто же такой расист? Как правило, это индивидуум, считающий других людей ниже себя из-за «не той» наружности или национальной принадлежности. Если следовать этому определению, то ни греки, ни римляне расистами не были. Древние оценивали людей не по внешности, не по наследственным признакам, а по образу жизни. А раз так, то чужаки и пришлые могли стать «как все», стоило лишь предпринять усилия. Тех же, кто не хотел или не мог перенять «нужный» образ жизни, называли «варварами». И цвет кожи, волос или

глаз был здесь совершенно ни при чем. «Варвары» оставались «варварами» по делам их, а вовсе не из-за генов или физиологии. Древнеримский архитектор Витрувий утверждал, что южане, благодаря климату, «быстры умом, но трусоваты», а северяне, наоборот, «медленно соображают, но смелы до глупости». И ничего о цвете кожи. Ничего. Ничего о том, как именно нужно относиться к северянам или южанам, тем более что их «ничто не могло изменить». Простые наблюдения Витрувия тем и ценны, что он не принижал одних и не превозносил других, рисуя объективную картину жизни современников в стиле «итальянцы днем любят вздремнуть».

В целом древние римляне считали, что человек, выросший в здоровом климате, по определению не может быть плохим. Кстати, ничего странного они не видели и в том, что императором мог стать выходец из Испании, Северной Африки и даже Дакии. Конечно же, среди римлян находились и ксенофобы, и вообще люди с предубеждениями и стереотипами. Но такие были всегда и везде. Расизм же в чистом своем виде как общественная политика, политика элит, появился лишь в XVIII в. Расизм – порождение работорговли. Занесенный белым «господином» бич над спиной чернокожего невольника и высек ту первую искру, которая разожгла пожар этого позорного явления.

Засилье многоэтажек

Скученность населения в мегаполисе заставила римлян строить многоэтажные дома. Жилые здания (на латыни – «инсулы») достигали шести

и даже семи этажей. Могло быть и больше, но при Августе попытались ограничить максимальную высоту строений двадцатью одним метром. В ту эпоху насчитывалось 46602 многоэтажных здания. Сравните с какими-то жалкими 1790 частных одноэтажных домов. «Граффити», сохранившиеся на древних стенах, доносят до нас некоторые обстоятельства из жизни тогдашних ответственных квартиросъемщиков, например, как в Помпеях:

«Сдаются с 1 июля: лавки с надстройками (пять прекрасных комнат) в доме «Арниус Поллио». Домовладелец – Гней Аллей Нигидий Май. Интересующиеся могут обратиться к Примусу – его рабу»; «Сдаются на пять лет с 13 августа «термы Венеры» для достойных людей. Также лавки, верхние комнаты и апартаменты – все в собственности Юлии Феликс, дочери Спурия».

Несмотря на высокую арендную плату, «апартаменты» были перенаселены. В точности так же, как где-нибудь в Гонконге, где пятеро жильцов умудряются втиснуться в комнатку три на четыре метра. Такое жилье скорее напоминает трущобы.

Древнеримское строительство не отличалось высоким качеством и тщательностью планировки, что приводило нередко к обрушению зданий. Они превращались в то, что римляне называли «*ruinae*», т.е. в руины. Обыкновенно это происходило во время пожаров или наводнений. Надо добавить, что Тибр угрожал Риму так же, как Темза Лондону. Дамб тогда еще не знали. В 27 г. н. э., например, рухнул амфитеатр в Фиденгах. Построенный на скорую руку для извлечения быстрой прибыли, амфитеатр, по свидетельству историка Тацита, унес с собой в могилу 50 тыс. жителей. Вновь обратимся к Ювеналу:

«Вот так мы и живем, в Укрепленном Городе, — среди скрипящих балок и подпорок. Домовладельцы попросту пускают пыль в глаза, успокаивая и убаюкивая арендаторов, хотя иные здания готовы вот-вот развалиться, как карточные домики. Где мне найти такое место, спокойное и безопасное, где не приходилось бы жить в ожидании очередного пожара или полуночной паники? Это же обычное явление: ваш третий этаж уже заполняется дымом, а сосед снизу в сполохах пламени мечется в поисках воды...»

Но, как в любом большом городе, люди должны были жить в домах, а на кону стояли очень большие деньги... Богачи строили доходные дома, ничуть не заботясь о безопасности их обитателей. Политический деятель, оратор и философ Цицерон вспоминает в одном из своих писем о разрушении двух своих собственных домов, и не только своих: «вместе с жильцами сбегали даже мыши», писал он. Однако оратора эти потери не смутили. Его друг Висторий тут же выделил средства на восстановление зданий.

Планирование городов (или отсутствие такового?)

Как и Лондон, Рим застраивался без определенного плана, и лишь катастрофические пожары (наподобие того, что случился в Лондоне в 1666 г.) давали возможность внести в развитие городов хоть какое-то разумное планирование. В Риме подобное случилось в 64 г. н. э. И один из мифов гласит, что Нерон во время пожара радовался, весе-

лился и даже музицировал. Но это не так. Когда начался пожар, Нерон отдыхал на вилле в Антиуме, в тридцати пяти милях от Рима, и вернулся в столицу для организации противопожарных мероприятий. А музыку Нерон действительно любил, считал себя знатоком оперы и мог спеть целиком «Падение Трои».

Древнеримская пожарная охрана

Правители всех времен поражены зудом «организовывать и совершенствовать» различные городские службы, в том числе и пожарную охрану. Начало же этому бесконечному процессу положено в древнем Риме.

Первоначально эту функцию возложили на так называемый «комитет трех» – орган, ведавший общественными рабами. Т.е. невольниками, принадлежавшими не частным лицам, а городским властям. Рабы эти, как правило, дежурили у городских ворот и по периметру городских стен и, рассредоточенные, зачастую не успевали к месту событий. В 6 г. н. э. император Август озаботился этой проблемой и, начав взимать 4% от цены перепродажи рабов, повелел основать институт «префектов», которые встали во главе семи «когорт» (бригад) пожарных (на латыни – «vigiles»). Каждая когорта состояла из пятисот пожарных, которые, в свою очередь, делились на семь «центурий». Когорта отвечала за состояние дел на двух из четырнадцати районов древнего Рима (так называемых «regiones») и размещалась в казармах.

Спичек и зажигалок тогда не было. Огонь до-

мохозяева поддерживали непрерывно, и бывало так, что стоило им отлучиться или заснуть беспробудным сном, как возникал пожар. Особенно часто огню было тесно в очагах именно в ночное время. Домовладельцам, в свою очередь, вменялось держать под рукой различные орудия («instrumentae») борьбы с пожарами и их последствиями – покрывала, жерди, лестницы, уксус и губку, ведра с водой и метлы. В отсутствие водопровода полные ведра с водой были вопросом жизни и смерти.

Прибывавшие по тревоге пожарные привозили с собой насосы, крючья, кирки, топоры, а также баллисты – стенобитные орудия для обрушения близлежащих домов. Смысл в том, что руины и завалы должны были препятствовать дальнейшему распространению огня. Интересно, что в каждой когорте несли службу и четыре «medici», т.е. санитары.

В среднем в городе ежедневно возникало до сотни пожаров, из них двадцать больших и два – очень серьезных. Однако одновременно возникало не более четырех возгораний, поэтому, вероятно, когорты пожарных с ними справлялись.

Пожар бушевал десять дней, и в конце концов из четырнадцати регионов нетронутыми огнем остались лишь четыре. По окончании трагедии Нерон лично приступил к восстановлению и перепланировке города. Узкие кривые улочки были расширены и выпрямлены; высоту застройки вновь, уже который раз, ограничили; было запрещено возведение стен, перегораживающих жилые кварталы; было ограничено использование деревянных материалов; шире внедрялись огнеупор-

ные материалы, в частности бетон; стали строже относиться к отсутствию противопожарных подручных средств; «инсулы» (жилые дома) стали опоясывать пешеходными ярусами (так называемые «porticus»). В дальнейшем каждый, кто намеревался использовать для приготовления пищи очаги с открытым огнем (жаровни и прочее), рисковал нарваться на очень серьезное наказание со стороны властей. Для приготовления пищи организовали коллективные кухни.

Конечно же, эта «пожарная» планировка не украсила город, и многие писатели, как современники, так и более поздние, не выражали восторгов по поводу архитектуры Рима эпохи Нерона. Более того, перестройка города вызвала одно очень неприятное последствие: резко увеличилась плотность застройки и как результат (согласно утверждениям Тацита) – заоблачные цены на городскую землю, а следовательно, и на аренду жилья. С тех пор ничего не изменилось: сегодня в центре Лондона за пентхауз с видом на Гайд-Парк с вас запросят 84 млн. фунтов стерлингов. Как сказал Марк Твен: «Покупайте землю, потому что больше вам ничего не остается».

Уличная преступность

Многие проблемы современных городов зародились еще в древнем Риме. Уличное освещение, а точнее, его недостаточность или полное отсутствие – тому яркий пример. Скученные, высокие древнеримские инсулы загораживали солнечный свет днем; ночью же освещения не было совсем. Не

было и системы адресации в современном понимании – адреса были описательными, например: «Лавка напротив источника воды у храма Юпитера». Те же, кто пускался в рискованный путь по темным ночным улочкам, должен был делать это в сопровождении рабов, несших факелы; и горе тому, у кого не было рабов-телохранителей.

Ювенал пишет, что прохожих ожидало много других опасностей: на головы их часто падал мусор, попросту выбрасываемый с верхних этажей зданий; на путников выливались нечистоты; незакрепленный в повозках груз мог травмировать, ушибить и даже убить прохожих – о безопасности никто не думал. Но самое страшное – уличный разбой.

«Даже когда вы заперли двери вашего дома или лавки, укрепили вход цепями; когда, вроде бы, все спокойно, обязательно найдется вор или грабитель, готовый прикончить вас ножом». Ювенал продолжает: «Казалось, все железо, производимое в Риме, идет на производство цепей и кандалов. Плуги, серпы и мотыги скоро будут недоступны».

Дело в том, что чем выше плотность населения, тем выше уровень преступности. Правило действует и поныне. Мы не знаем статистику по древнему Риму, но в Лондоне 2006–2007 гг. было совершено почти 700 тыс. преступлений. Из них 34 тыс. случаев грабежей и разбоев; 2500 преступлений с применением огнестрельного оружия; 1800 изнасилований и 125 убийств. Остальное – ДТП и кражи с проникновением в жилье.

Историк и писатель Светоний повествует о том, как император Август с совершенным умилением наблюдал за уличными потасовками, что говорит

о равнодушии и безразличии древнеримских властей к этой стороне жизни тогдашнего общества. В общем, каждый был сам за себя. Вот типичное настенное объявление той эпохи:

«Из этой лавки выкраден медный котел. Тот, кто вернет мне эту вещь, получит награду в 65 сестерциев. Тот, кто приведет вора, также получит вознаграждение».

Криминальные хроники тех лет вторят Ювеналу и подтверждают картину повседневной, далеко небезопасной уличной жизни в древнем Риме: «Однажды один лавочник поставил фонарь на тротуар напротив входа в свое заведение. Проходивший мимо воришка вдруг схватил фонарь и бросился наутек. Торговец пустился в погоню, догнал вора и в завязавшейся драке подбил злодею один глаз». Другое сообщение гласит о еще более печальном событии – по сути, это эпитафия:

«Вечная память Юлии Реституте – несчастнейшей из людей. В свои десять лет у нее отняли жизнь из-за драгоценных украшений. Юлий Реститутус и Стация Пудентилла – любящие родители – написали это».

Ювенал описывает, как тащился однажды усталый домой, держа в одной руке зажженную свечу и загораживая ее от ветра ладонью. К несчастью, на пути встретился пьяный верзила:

«И не важно, отвечаешь ли ты на его оскорбления или, стараясь не связываться, пытаешься уйти – все равно будешь избит и ограблен».

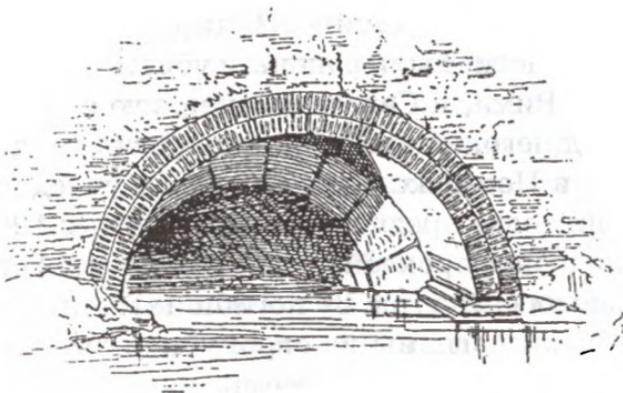
Мы не знаем, насколько обыкновенны были все эти преступления, но подозреваем, что достаточно часты. В противном случае они не удостоились бы

упоминаний в анналах древнеримских историков и литераторов. Видимо, размах преступности вызывал даже какие-то политические последствия, как это произошло в Помпеях. Именно в этом городке в 70 г. до н. э. был построен самый древний из известных нам амфитеатров, предназначенных для гладиаторских боев. Сооружение вмещало 20 тыс. зрителей и имело вход, обращенный, для удобства, прямо к городским воротам. Как и современные зрелища, футбол, например, древние представления вызывали такой же взрыв зрительских эмоций. Зачастую в этом не было ничего плохого. Найдены настенные мозаичные рисунки, передающие нам радость и гордость тогдашних «фанатов» за успехи своей команды гладиаторов. Однако историк Тацит пишет, что однажды после таких состязаний в 59 г. н. э. ярость болельщиков вылилась в кровавые беспорядки, которые даже изобразили на фресках. Все началось, пишет Тацит, когда соседний городок Нуцерия прислал в Помпеи свою гладиаторскую команду. Обычный в таких случаях обмен оскорблениями привел сначала к швырянию друг в друга камней, ножей и палок, а затем к настоящей кровавой бойне. Нуцирийцам досталось больше – многие были ранены и убиты. Новость эта дошла до Рима, и Сенат, осознав всю серьезность происшедшего, на десять лет запретил гладиаторские бои в Помпеях и даже наказал учредителей. Могли ли тогда предположить, что через 1900 лет нечто подобное произойдет на голландском стадионе «Эйзель» (1985 год, 39 погибших)? Английские клубы были изгнаны из еврокубков на пять лет, «Ливерпуль» и вовсе на восемь.

Антисанитария

Санитарные условия в таком перенаселенном городе, как древний Рим, были далеко не идеальными. Сейчас мы можем предположить, что в мегаполисе «производилось» около семисот тонн человеческих испражнений в день. Как с этим справлялся город? Во многих домовладениях имелась общая уборная, располагавшаяся на самом нижнем этаже. Существовала и примитивная канализационная сеть, соединявшаяся в итоге с главными сточными канавами, так называемыми «cloaca maxima». По клоакам нечистоты спускались в Тибр; и горе, когда уровень воды в реке поднимался – нечистоты возвращались туда, откуда и приходили. В такие дни Рим окутывала страшная вонь; к тому же по канализации в дома проникала различная живность, в том числе и опасная для здоровья. Описан случай, когда в один дом буквально «вплыл» морской осьминог, которого привлек запах соленой рыбы, хранившейся в доме.

Странно представить, но отсутствие уборных некоторым приносила и ощутимую пользу. Мно-

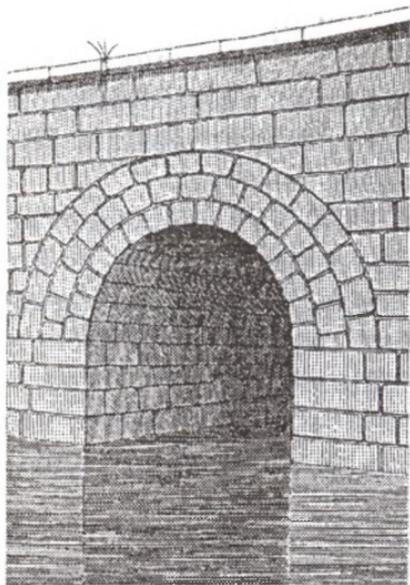
Cloaca maxima. VI в. до н. э.

гие римляне продавали свои нечистоты неким «стеркорариям» («stercorarii» – работники-ассенизаторы), а те перепродавали их в качестве удобрений сельским производителям-аграриям. Неприятное, но весьма доходное занятие.

Кстати, и в Британии 1960-х годов существовали уличные уборные (на задних дворах), из которых нечистоты выгребали люди, которых мы называли «ночные уборщики»; а в Викторианскую эпоху уличные подметальщики убирали с мостовых конские яблоки, коих было так много, что женщины не могли ходить по улицам, не задрвав свои юбки.

Интересно, что канализация в некоторых помпейских домах была соединена напрямую с садами. Что ж – остроумно, но чересчур «ароматно»! Может быть, и нашим экологам пора задуматься о чем-нибудь этаком? «Собирание» мочи в древнем Риме также было неплохим бизнесом. Она использовалась в качестве составной части травящих веществ, используемых перед покраской. Обычно мочу собирали в терракотовых сосудах, которые выставлялись прямо на улицах, словно урны. Известно, что сосуды часто бились или опрокидывались, со всеми «вытекающими» отсюда последствиями. Мудрее всего поступили в порту Остия: там провели свинцовый «мочепровод» из писсуара в общественных банях прямо в подвальное помещение, где располагалась лакокрасочная мастерская.

Удивительно, но мочевой бизнес был столь доходным, что даже был обложен императором Веспасианом специальным налогом. Когда сын императора Тит принялся осуждать нововведение отца, Веспасиан поднес к его носу монету (из первого

Cloaca maxima. III в. до н. э.

налогового поступления) и спросил: «Отвращает ли тебя запах этой монеты?» – «Нет», – ответил сын. «Так вот, она сделана из мочи». Этот эпизод и послужил основой известного латинского изречения: «*Pescunia non olet*» – «Деньги не пахнут».

Нынешние власти, конечно, еще не дошли до таких фантазий, но, похоже, еще все впереди: муслируется вопрос о введении налога на мусор. Не сбор за вывоз бытового мусора, а вообще налог для всех и для каждого – видимо, для того, чтобы неповадно было этот самый мусор производить. Так и видятся толпы снующих «мусорных» инспекторов с раздутыми ноздрями, жадно втягивающих в себя воздух в поисках специфического аромата.

Не сказать, что с мусором в древнем Риме совсем не боролись. Характерно, что первой ступенью на карьерной лестнице, ведущей к высотам городской власти, была должность так называемого «эдила» («*aedil*»). Эдиль должен был следить за чистотой улиц в прямом и переносном смысле, т.е. совмещал в себе должности смотрителя, дворника и полицейского. Все владельцы лавок, мастерских и прочей деловой недвижимости отвечали за чистоту участка улицы непосредственно перед заведением. Был даже такой лозунг – «*Cura urbis*», т.е.

«Заботьяся о городе». Иногда помогала и природа. Хороший летний ливень буквально преображал город. Вносила свою лепту и рукотворная стихия. Вода из близлежащих водоемов текла в город по акведукам, а затем распределялась по общедоступным источникам. Естественно, воду никто не перекрывал, и она, предоставленная самой себе, текла ручьями по улицам города, кое-где смывая грязь, а кое-где застаиваясь в зловонных лужах.

Ужасную картину дополняют и брошенные при рождении младенцы. Имена *Stercorosus*, *Stercorius* (буквально – «найденные в куче дерьма») как раз и давались таким детям, подобранным, а затем проданным на невольничьем рынке. Мертвых гладиаторов относили на свалку, раскинувшуюся на одном из островов Тибра. Бросали там и несчастных рабов, иногда еще живых, но старых или немощных. Хотя все это звучит ужасно, но такие примеры есть и в наши дни где-нибудь в Каире или Бомбее. В третьем тысячелетии от рождения Христа!

Город страдал от засилья бродячих животных. Брошенные собаки, сбившись в стаи, терроризировали население. Иногда можно было застать их за поеданием человеческих трупов, брошенных немущими жителями прямо на улицах. Светоний рассказывает, как император Веспасиан однажды пришел в ужас, обнаружив, что его собака припрятала под его обеденным столом изглоданную человеческую руку. Очевидно, пес побывал на каком-то страшном пиршестве своих сородичей. У поэта Марциала есть строки о том, как умирающий в нищете римлянин, лежа в городской пыли, пытается из последних сил отогнать от себя свору голодных собак и кружащихся над ним воронов.

Дизайнерский центр?

Но давайте капнем ложку меда в бочку дегтя. И древние греки, и древние римляне все-таки не сидели сложа руки и понимали, что многие проблемы можно решить, правильно планируя и совершенствуя. Грек по имени Иподамус первым придумал «квадратную» планировку городов. Пример – Помпеи. Изначально этот заштатный городок строился абы как, без всякого плана, но затем появились просторные, геометрически выверенные жилые районы. Со временем улучшения произошли во всех сферах, начиная от водосточных труб и порядка на улицах, кончая совершенным (по тем временам) вооружением легионеров и устройством военных городков.

Мы тоже понимаем всю важность планирования. Угонов автомобилей и преступлений в сфере обращения кредитных карточек стало меньше наполовину в результате усиления мер безопасности, например усовершенствования пин-кодов. Светлые, просторные, напичканные видеокамерами вестибюли станций метро стали безопаснее – не то что старые, узкие, грязные платформы первых линий подземки. Некоторые решения античных дизайнеров служат примером до сих пор. Так, современные стадионы точь-в-точь повторяют конструкцию древнеримских арен даже в мелочах. Служба безопасности на стадионах странным образом экипирована, как древние легионеры. Пограничная стена в Израиле копирует стену Адриана, служившую защитой от проникновения преступников.

Мировой центр власти

Зададимся философским вопросом: для чего нужен был древний Рим? Как он функционировал? Что искали, на что надеялись миллион его жителей, волею судьбы оказавшись на маленьком пятачке земли в условиях, которые сейчас мы назвали бы адскими? Ответ банален. Причина разрастания древнего Рима та же, что и для любого другого мегаполиса, в том числе и современного – там, где власть, там концентрация могущества, богатства и возможностей. Богатство рождает спрос на рабочую силу, а спрос притягивает людей из провинции. Возьмем Лондон. Этот город как будто всегда только этим и занимался: чеки, банкноты, акции... И поныне это крупнейший экономический центр Соединенного королевства: 335 тыс. работающих в лондонском Сити производят 8,8% от всего британского ВВП. Ежедневный оборот британских трейдеров на Форексе составляет 1 трлн. 100 млрд. американских долларов (32% от всего мирового оборота). Сити ворочает 40% мировой биржевой торговли и 70% евробондов.

Лондон был всегда и политическим центром. Именно здесь находятся королевский двор, парламент, верховный суд, центральный банк, министерство иностранных дел, а самое главное – основные средства массовой информации. Все это – локомотивы британской экономики; и как следствие, здесь в основном, происходит самовоспроизводство той особой прослойки общества, которая называется «элита», а попросту «богачи». Но элита – это верхушка общественного айсберга. Сердцевина же – класс зажиточных людей, так назы-

ваемый «средний класс». У этого слоя свои запросы, не такие «элитные», как у сверхбогачей, но также очень значительные. Эти запросы обеспечиваются людьми, находящимися на более низких ступенях общественной лестницы. Но и у этих людей есть свои нужды и запросы.

В течение пятисот лет Рим был величайшим центром силы в античном мире. Отсюда древнеримский Сенат (весь поздний республиканский период 260–31 гг. до н.э.) и императоры до самого падения Западной Римской империи в V в. вершили судьбами народов от Британии до Междуречья, от устья Рейна до Ливии и Египта.

В результате в великой империи сложилась великолепная, многоукладная, высокоразвитая для своего времени экономика, а также общественная, военная и культурная инфраструктура. Выросла и своя элита. Возникла такая система, когда какой-нибудь глиняный горшок, произведенный в Тунисе, мог быть продан в лавке на каком-нибудь острове в Ионическом море. Если где-нибудь и были недовольны политикой Рима, это никак не отражалось на экономике. Так же и поныне – как сказал один иракский торговец: «Мы не питаем к американцам добрых чувств, но это никак не мешает коммерции».

Город лавочников и ремесленников

Античная экономика, несмотря на свою относительную развитость, имела один существенный изъян: до промышленной революции было еще далеко, и основными источниками благосостояния

оставались сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых. Отметим, что последнее приобрело в наше относительно мирное время куда большее значение. Нефть и газ, бесполезные в античную эпоху, являются «кровью» современной экономики. Мало-помалу растет напряженность даже вокруг Арктики и Антарктики. Вечные льды до сих пор не особо интересовали человечество, но неожиданно там обнаружили много нефти и газа...

Особой ценностью в античную эпоху (да и поныне) считалась плодородная земля, которая была способна или не способна прокормить население Римской империи. Именно избыток сельскохозяйственной продукции (когда был хороший урожай), своеобразная прибыль, мог выступать в качестве той ценности, которую можно было обменять на другие нужные продукты и услуги. Но при чем тут Рим? Как такой урбанизированный мегаполис вписывался в общую экономическую картину?

Ответ прост: город создавал «добавочную стоимость». Другими словами, покупая «первичную материю» – сырую кожу, воск, руду, зерно, мясо и прочее, – через мириады «*tabernae*» (сравните: «таверна»), мелких мастерских и ремесленных лавок горожане превращали все это добро в товары, т.е. в то, что можно продать.

Древние римские эпитафии донесли до нас названия около 160 профессий и занятий, распространенных в пределах города: и сапожник, и рабочий прачечной, и повар, и прядильщик, и цирюльник, и портной, и пекарь, и металлист, и садовник, и санитар-носильщик, и ныряльщик, и банщик, и маляр, и даже клерк. Мастера и подмастерья работали с любым материалом: шер-

стью, кожей, металлом, глиной, соломой, маслом, вином и многим прочим. На предметы роскоши также существовал спрос, потому было и предложение: ювелирные изделия, дорогая одежда и даже парфюмерия.

Наполеон как-то язвительно назвал англичан «нацией лавочников», и мы прекрасно знаем, что «лавочники» сделали с этим выскочкой. Древний Рим также был городом лавочников. Когда военачальник Камилл с небольшим отрядом вошел в местечко Тускулум, казавшееся безмятежным, он увидел «множество лавок с широко открытыми дверями, весь товар был выставлен на обозрение. Каждый ремесленник был занят своей работой. Отовсюду доносились детские голоса, причем дети играли в обучающие игры. Полководец нашел улицы городка полными прохожих, внимательно изучавших витрины магазинов, лавок и мастерских».

Таким был и Рим – сердцевина империи – город-ремесленник. И чем богаче он становился от своих бесчисленных завоеваний, чем выше поднимался общий уровень жизни, тем более привлекательным становился он для жителей провинций, готовых попытать свое счастье в «кузнице мира».

В результате империя покрывалась все более плотной и сложной паутиной экономических отношений. Трудовые отношения коснулись всех – от сверхбогачей до рабов. Производились товары для всех слоев общества: от предметов роскоши для элиты до дешевой одежды для плебса.

А главное – именно в Древнем Риме впервые появился настоящий рынок труда, причем довольно гибкий. Многие из плебеев нанимались в качестве «вольных работников», т.е. работников без опреде-

ленных навыков, которым приходилось делать все что угодно, все, «что прикажут». Одна скабрзная, но весьма поучительная настенная надпись гласит:

«Кем ты только не работал: и виночерпием, и пекарем, и батраком, и даже чеканщиком монет; теперь вот торгуешь горшками. Лижи клитор, и тогда ты перепробуешь все на свете!»

Секс в большом городе

Мы ничего не можем сказать об отношениях полов в античном обществе с точки зрения женщины, потому как не осталось никаких свидетельств, написанных именно женщинами. Мужской взгляд на вещи в этом смысле очень хорошо задокументирован – в основном это литературные произведения, предназначенные как бы для «просвещения» читателей мужского пола. Существует также множество юридических документов.

Например, брачный контракт, найденный в античном грекоязычном Египте: «Будет незаконно для (мужа) Филискуса привести домой еще одну жену вдобавок к Аполлонии, или же любовницу, или же мальчика-любовника». Греческий моралист Диос сетовал, что «в наши дни женщин так легко соблазнить, что мужчины, потеряв к ним всякий интерес, повернутся к мальчикам». Что касается гомосексуализма, то было постыдно быть «пассивным», и абсолютно наоборот – «активным». А слова «лижи клитор» и вовсе были оскорблением. Мужская роль признавалась только одна – доминирующая. Поучительную историю рассказал слепой провидец Терезий, который был одновременно

и мужчиной и женщиной. Гера, жена Зевса, спросила его: кто испытывает больше удовольствия от близких отношений? На что Терезий ответил, что женщины, причем в соотношении 10:1.

Стены в Помпеях полны любовных надписей различного характера: романтических («Марк любит Спендузу»), полных реализма («Я сюда пришел, переспал с ней и ушел») и даже печальной иронии («Любящие, словно пчелы, наслаждаются сладкой жизнью. И я хочу»). Высокие чувства древним были также знакомы. Вот строки из Петрония:

*О что это была за ночь! О боги и богини!
Как мягко ложе. Наших душ как радует слянье!
Тела сплелись, сплелись уста. И слышат наши уши
Далекий, приглушенный глас блаженства и тревоги...*

Поэма эта повествует о том, что душа человеческая никогда не успокоится, пока не найдет другую родственную душу. О ценности семейных отношений хорошо рассказано в «Одиссее» Гомера. Одиссей буквально зарыдал, заключив свою Пенелопу в крепкие объятия, а счастливая Пенелопа поклялась никогда не отпускать от себя любимого мужа... Удивительно, что греки, считавшие гомозеротизм вдохновляющим источником Света, Правды и Божественности, при всем при том сам гомосексуализм считали делом постыдным и отвратительным. Попробуйте в наши дни выразить эти чувства древних греков вслух на публике...

Знаменитый «старец» Катон (Катон Старший – древнеримский писатель, поборник старых нравов, автор знаменитого трактата «О земледелии») обри-

совал круг занятий, диапазон интересов древнеримского бизнеса. В своем труде «О земледелии» он советует везти в Рим любые товары и сырье, «ибо все раскупят». В перечне такие предметы первой необходимости, как туники, тоги, одеяла, отрезы материи, гвозди, металлические заготовки и многое другое. Тем не менее автор другого труда, «Книги откровений», предвидит экономический и политический коллапс города и прочит для торговцев предметами роскоши следующее: «Торговцы всего скоро заплачут и зарыдают... ибо никто больше не будет покупать их товар, их золото и серебро, драгоценные камни и жемчуга, их пурпурные и багряные мантии, шелка и тончайшее белье, благородную древесину и слоновую кость; изделия из драгоценного дерева, бронзы, железа или мрамора; корицу и специи, фимиам и благовония; вина, масло, муку и зерно, овец и коров, лошадей, колесницы и рабов... и жизни людей...»

Древнеримский комедиограф Плавт (200 г. до н.э.) обрисовал нам, что ждет обеспеченного римлянина, женившегося на расточительной женщине:

«Кредиторы стоят на пороге, а еще есть сукновальщик, вышивальщица, ювелир, шерстящик, окантовщик по бахrome, белошвейка, мастер по вуалям, покрасчик пурпуром и шафраном, втачивальщик рукавов, бельевщик, парфюмеры, сапожники – мастера по сандалиям и тапочкам, – красильщики кожи, корсетчики и даже специалист по поясам. И всем надо платить. А как только вы избавляетесь от всех них, на пороге появляются еще триста человек, потрясающих счетами, – рукодельницы, отделочники, сумочники и красильщики, красильщики...»

Иммигранты

Итак, древний Рим был настоящим мегаполисом-магнитом. Перенаселенность, как мы видим, была чисто эндемической, местной проблемой, и римляне как могли все-таки пытались с ней бороться. «Свободные работники» шли только к тем, у кого был постоянный адрес (т.е. свое жилье или мастерская), но обман (подчас с обеих сторон) был явлением таким же частым, как и сейчас. Цицерон жаловался, что люди, работавшие на его вилле в 12 милях от города, сбежали оттуда в город в поисках бесплатного зерна. Безработных отправляли в малонаселенные италийские провинции заниматься тяжелым, но, по понятиям римлян, честным и благородным сельским трудом. Гай Юлий Цезарь, например, считал, что для незанятых лучшая работа в порту Коринфа, где можно было прилично заработать. Нынешние наши тори и лейбористы одновременно считают, что наиглавнейшие современные проблемы – сокращение налогов и трудоустройство незанятых – необходимо срочно решать, и делают многое, помимо решения других политических вопросов.

Римляне не препятствовали притоку иностранцев, особенно зажиточных. Когда сенаторы в эпоху императора Клавдия подняли крик о том, что галлы рвутся даже в Сенат, император ответил им, что приезд чужеземцев только усилит Рим. Вновь прибывшие уже доказали свою ценность тем, что «впитывают нашу культуру и обычаи и создают семьи с гражданами Рима». Именно так – женятся и ассимилируются.

Древние афиняне также не видели в иммигра-

ции ничего плохого; они только требовали, чтобы у каждого приезжего был местный спонсор. Интересная деталь. Прославленный оратор Лисий (известный «логограф», зарабатывавший тем, что писал речи для других) высказывал ту же мысль; его отец Цефал, сиракузец по рождению, разбогател в Афинах на изготовлении оружия, а Платон начал свой знаменитый диалог «Республика», проживая в его доме. В Элладу приезжали на заработки так же охотно, как и в Рим.

А теперь Лондон. Несмотря ни на какие трудности – от транспортных проблем до высокой преступности, – город по-прежнему остается привлекательным для приезжих. Именно поэтому в нем ожидается прирост населения до 8,15 млн. жителей к 2016 г. В случае же с древним Римом, каким бы привлекательным этот город ни был для пришедшей элиты, уровень притягательности для всех остальных не идет ни в какое сравнение с современным Лондоном. Все-таки великая империя не была государством благоденствия в современном понимании.

Так мы подошли к великой (неправильно переведенной) фразе Ювенала «*panem at circenses*» – «хлеба и зрелищ». Этот феномен мы осветим в следующей главе и покажем, в чем его отличие от грядущих современных событий в области зрелищ, например приближающихся Олимпийских игр в Лондоне.

«ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ»

Культура, зрелища и деньги

Культурное и зрелищное просветительство лондонцев не вызывает у властей сильной головной боли. Отдельно от того, чем Лондон является сам по себе – вечным городом-спектаклем со своими храмами, супермаркетами, ресторанами, парками, набережными и т.д., – есть масса коммерческих зрелищных предприятий: выставки, театры, стадионы, кинотеатры, опера, где люди с удовольствием выкладывают свои деньги. Зрелища – это бизнес, предложение на спрос. Зрелище формирует вкусы и даже сам рынок. Например, в туризме как части такого бизнеса «крутится» второй по величине денежный поток в лондонской экономике.

Правда, этот бизнес довольно серьезно субсидируется налогоплательщиками (постановка «Парней из истории» Алана Беннетта, например, получила дотацию в добрых 16,5 млн. фунтов стерлингов), но

в конце концов эти субсидии в косвенном виде так или иначе возвращаются к налогоплательщикам в виде доступных по цене билетов, поддержки зрелищной инфраструктуры, поддержки начинающих деятелей искусств и т. д. Причем правительство должно советоваться с обществом, а люди – знать, куда идут их деньги. Когда же власть в приступе «мудрости» вкладывает деньги в сомнительные проекты, общество охватывает чувство протеста и раздражения. Так случилось совсем недавно: «Миллениум-Доум» стал не знающим себе равных монументом неспособности правительства и его советников считаться с действительными пожеланиями людей. После этого будет очень тяжело убедить общество, что лондонская Олимпиада станет нашим успехом, особенно учитывая ее стоимость. Смета строительства Олимпийского стадиона, например, увеличилась за два года вдвое, дойдя до 500 млн. фунтов. Большая часть сооружения будет снесена после трехнедельных Игр, а на его месте останется стадион-«наследник» стоимостью в 75 млн. фунтов. Ничего себе «наследничек! Общая стоимость Игр уже исчисляется 9 млрд. фунтов вместо запланированных 2,3 млрд., а до Игр еще три года! Последние прогнозы говорят, что стоимость «может вырасти еще» до 10 млрд. Не до пятнадцати ли? В конце концов правительство израсходовало 431 млн. фунтов на строительство здания Шотландского парламента – в 11 раз больше запланированного.

Древним римлянам все это было известно. Доверенное лицо, наперсник императора Августа Мекенас, сетовал:

«Города не должны растрачивать свои ресурсы на неисчислимыя игрища, а иначе они разорят-

ся в бесполезных усилиях и скандалах из-за пустого тщеславия. Нельзя опустошать общественную казну и частные хозяйства таким никчемным образом».

Запросы плебса

Обратившись к теме развлечений плебса, сатирик Ювенал взглянул на проблему совершенно по-иному. В своем третьем сатирическом произведении он рассказывает о дороговизне жизни в Риме такими эпитетами, будто речь о покупке недвижимости в современном Лондоне, правда, с существенной поправкой: «Вы можете купить превосходный дом с правом безусловной собственности за городом по цене годового найма какой-нибудь плохо освещенной причердачной квартирки здесь в Риме – но если вы перестанете играть на скачках».

В другом месте он пишет: «Было время, когда народ выбирал полководцев, государственных мужей, командующих легионами. Больше этого нет. Теперь у них только два желания – хлеб и зрелище».

В обеих выдержках говорится об одном и том же: бесплатные развлечения, которые обеспечивала бы власть – лучшее, о чем мог бы желать древний римлянин.

Как уже говорилось в предыдущей главе, вся Римская империя существовала в целях удовлетворения запросов Рима, а самым большим запросом древнеримских граждан («plebs urbana» – т.е. «городского народа») были уличные зрелища.

Гражданином можно было родиться, а можно было им стать (например, освободиться от раб-

ства). Конечно же, граждане очень сильно различались по уровню доходов, однако при желании любой гражданин, обладай он здоровьем и усердием, мог бы разбогатеть. «*Salve lucrum*» (буквально: «Приветствую тебя, богатство») читаем мы мозаичную надпись на пороге одного из домов в Помпеях. Но стремление «делать деньги» – это уже дух жестокосердного мира наживы. Если вы выкарабкались – честь и хвала вам; а если нет – вас ждет нищета и погибель. В обществе, где каждый сам за себя, неизбежно социальное расслоение и, как следствие, рост недовольства. Кстати, одна из причин падения Древнеримской Республики – именно социальное недовольство. Пока Рим захватывал – где силой, где на союзнической основе – соседние италийские города и провинции, дела шли неплохо, и постепенно город превращался из небольшого полиса в самый могущественный центр всей Италии (к 260 г. до н.э.). Прибрав к рукам всю Италию, Рим стал «*ager publicus*», т.е. государствообразующим городом. Основывались новые города и местечки, стал развиваться землеоборот; римляне принялись продавать или сдавать землю тем, кто мог и желал ее обрабатывать. Одновременно преследовалась цель – помощь свободным землепашцам, составлявшим костяк древнеримской армии. Но – и это очень существенный момент – покинутая, брошенная земля вновь попадала в руки богачей-перекупщиков. Такое случалось, если хозяин земли погибал или получал увечье в очередном военном походе. Чаще всего запустевшие угодья передавались новым хозяевам за неуплату долга.

В результате ко II в. до н. э. богачи-аристокра-

ты практически монополизировали всю обрабатываемую землю. Зачастую незаконно. Известно, что в ту эпоху имелись ограничения на площадь землевладений. Отобранная за долги земля уже не отдавалась свободным землепашцам, которых могли призвать на военную службу – на ней стал широко использоваться только труд рабов. Оставались очень малые крестьянские хозяйства, но они постепенно присоединялись к огромным латифундиям.

Кстати, деятельность комиссии Евросоюза по сельскохозяйственной политике также первоначально пыталась дать возможность выжить мелким фермерским хозяйствам во Франции, но из этого ничего не вышло. В итоге, в выигрыше остались только крупные сельхозпроизводители.

Но вернемся в античную эпоху. В 133 г. до н. э. народный трибун Тиберий Гракх выступил за усиление закона, который ограничивал площадь землевладений. Освободившуюся землю он предлагал раздать бедным гражданам. Плебсу были по душе предложения Гракха, но Сенат, многие члены которого и слышать не хотели о каких-то ограничениях, был непреклонен. Историк Аппиан пишет о позиции обеих сторон:

«Они (аристократы) в течение долгого времени обустроивали свои земли, возводя на ней постройки и разбивая плантации; многие потратили огромные деньги, чтобы застолбить свои права на купленные или присвоенные земли, и теперь они должны были терять землю и вложенные деньги? У многих там уже появились фамильные склепы; многим земля перешла в качестве приданого их жен; многие отдавали землю как приданое за сво-

ими дочерьми, и заимодавцы уже смотрели на землю как на залог, обеспечивающий ссуду».

Аппиан слышит и бедняков-землепашцев, потерявших свою землю:

«Оставшись без земли, они лишились достойной жизни и скатились в бедность. Они не помышляют более о детях – на что содержать семью? А ведь многие участвовали в военных походах и заработали свои наделы кровью. Теперь на земле трудятся рабы, а не свободные граждане».

Трибун Гракх обращался напрямую к народу, чем вызвал десятилетие волнений. В конце концов он, как и его брат Гай, был убит вследствие заговора сенаторов.

Древнеримские плебеи не соглашались молча сносить все, что решит Сенат. Они были свободными гражданами, жителями величайшего города, и властям приходилось считаться с их мнением. Чтобы предотвращать взрывы недовольства, с народом приходилось заигрывать самыми изощренными способами. Если, по Марксу, «опиумом для народа» являлась религия, то для простого народа Древнего Рима таким «опиумом» была возведенная в ранг государственной система «ублажения и подачек»; система, даровавшая плебсу иллюзию близости к власти и аристократии. Цицерон так отзывался о политике Юлия Цезаря:

«Он развратил невежественные массы зрелищами и празднествами, расплодив попрошайек. Он привязал к себе своих последователей богатыми вознаграждениями, а своих оппонентов – проявлениями милосердия и снисходительности. Короче говоря, он превратил свободное общество в сборище развращенных прислужников».

Цицерон

В конце концов Цезарь дорого заплатил за свою политику. Страшно подумать, что сказал бы Цицерон, окажись он в нашем обществе потребления. Скорее всего то же, что и экономический советник Рональда Рейгана: «Если подачками понуждать людей оставаться в бедности, они оттуда не вырвутся никогда».

Как бы на это не сетовал Цицерон, факт остается фактом: древнеримскому государству долгое время удавалось гасить искры народного недовольства, умело внушая людям, что они не просто жители величайшего города – витрины могущества и власти, – но и привилегированные его граждане. Несмотря на все опасности и проблемы, свойственные жизни в огромном городе – пожары, наводнения, эпидемии, разорения, долги, конкуренцию и т.д., – в древнем Риме сложилась довольно развитая культура благотворительности и меценатства; и эта культура, эта система, несомненно, во многом скрашивала вопиющие недостатки.

Перевозка товаров

Древний Рим занимал пересеченную территорию; его знаменитые «семь холмов» в ту пору были, несомненно, выше, чем сейчас. Главной транспортной артерией был Тибр. Задолго до изобретения парового двигателя тяжелые грузы перевозились

крайне медленно, ровно со скоростью задумчиво бредущих волов – «целых» 2 мили в час (не обычная ли это скорость для нашей транспортной компании «South-West Trains»?). До конца XIX в. водный путь так и оставался самым распространенным способом перевозки тяжелых грузов. Чем дальше путь по воде, тем лучше – это объясняет, например, такое длительное процветание Венеции. Это был самый удаленный в Средиземноморье и самый близкий к странам Центральной и Восточной Европы перевалочный пункт для доставки грузов водным путем, а значит, и самым выгодным. Для Рима, самым неудобным образом оказавшегося в 20 милях от морского побережья, Тибр и стал той транспортной «палочкой-выручалочкой», способствовавшей экономическому расцвету города.

Арки и бетон

Необычайно важную роль в развитии древнего Рима сыграли Албанские холмы (21 км на юго-восток от города). Состоящие из вулканических пород, эти невысокие горы обеспечивали город материалом для мощения дорог и улиц, а вулканический туф, очень удобный для обработки, использовался римлянами в качестве превосходного строительного материала. Изобретение (поистине, великое) арок и сводчатых потолков позволило строить многоэтажные дома, огромные стадионы и акведуки; римляне научились строить террасы, что позволило делать холмы более пологими, как бы «выравнивать» город. И, наконец (самое главное), древние римляне изобрели бетон, что привело к самым невероятным

последствиям с точки зрения строительства и архитектуры. Отголоски этого открытия слышатся до сих пор. Первоначально скрепляющим веществом в строительстве являлся известковый раствор, получаемый обжигом мела или известняка в печи с дальнейшим добавлением воды. Когда раствор подсыхал, добавляли песок, и субстанция походила по своим свойствам на цемент. Технология эта очень старая – ее изобрели еще в Древнем Египте в III тысячелетии до н.э., – и римляне стали использовать ее с IV в. до н.э. Этим раствором обмазывали бутовую каменную основу стены, а затем облицовывали стену кирпичом или декоративным камнем.

В I в. до н.э. римляне вдруг обнаружили, что, смешивая известковый раствор с пуццоланом (вулканическим туфом), найденным у Везувия и на Албанских холмах, и добавив немного гравия, можно получить новое вещество – чрезвычайно прочное, сравнительно легкое, которое можно было залить в опалубки и которому можно было придать любую форму. Это был бетон. Строительство арок, сводов и мостов стало делом технически легко выполнимым; а главное, невероятно быстро можно было построить любое военное укрепление. Дело дошло и до таких грандиозных сооружений, как Колизей и акведуки. Теперь по строительным и архитектурным достижениям Рим мог сравниться со светочем эллинистического мира – Александрией.

Дороги и не только

Безудержное строительство в древнем Риме вселяло в сердца плебса огромную гордость. Ведь каждый считал себя причастным к неслыханному чуду,

которое являл собой растущий вширь и ввысь мегаполис. Ко II в. до н.э. городу было чем похвастаться: и мощеными улицами, и торговыми центрами-площадями, и жилыми многоэтажными домами (из кирпича). Гай Гракх, такой же яростный реформатор, как и его брат Тиберий, в 120-х годах до н.э. положил начало новой, еще более грандиозной строительной программе. Прокладка дорог стала его особой заботой:

«Он убеждал всех, что дороги должны быть не только полезными, но и красивыми». Они были спланированы так, что походили на натянутые струны, пересекавшие всю страну; часть их (дорог) были замощены камнем, а некоторые представляли собой полотно из утрамбованного гравия. Естественные впадины надлежало засыпать, а через водные преграды и овраги – перекинуть мосты. Обе стороны полотна выравнивали до одного уровня так, чтобы дорожное полотно выглядело красиво и симпатично на взгляд. Помимо этого, дорогу размеривали на всем протяжении, и через каждую милю вбивался столб с указанием пройденного пути. Также ставили каменные тумбы, позволявшие взбираться на лошадь без посторонней помощи.

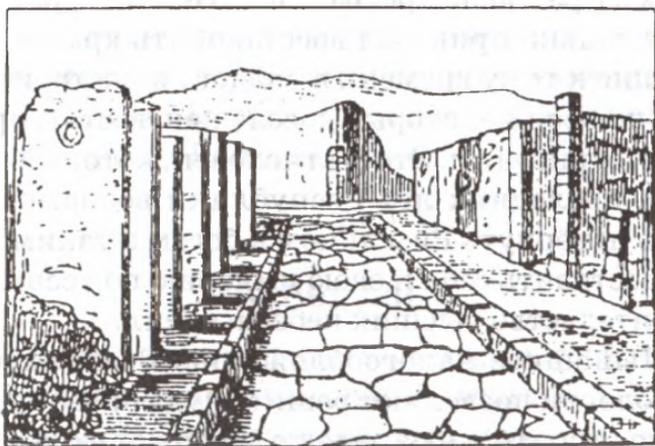
Via Appia – первая римская дорога

В 55 г. до н.э. Помпей построил первый в Риме постоянный (т.е. каменный) амфитеатр на десять тысяч зрителей. К 33 г. до н.э. соперник и критик Августа Агриппа реконструировал старые акведуки и построил новые. Под его началом были построены: 700 цистерн – хранилищ воды, 500 общедоступных источников воды и 130 водонапорных башен – и все это в один год. Это было то самое время, когда Октавиан (впоследствии Октавиан Август) вступил в смертельную схватку с Марком Антонием и Клеопатрой за лидерство в античном мире. Все это, как известно, закончилось знаменитой победой Августа у мыса Акций в 31 г. до н.э. и позволило стать ему первым римским императором.

Древнеримские дороги

Древнеримские дороги первоначально, конечно же, были предназначены для использования в военных целях – так сказать, для уверенной поступи легионеров. Потому и мостились они твердым кремниевым или базальтовым камнем. По сторонам дорогу ограждал камень бордюрный. Поэт Стаций в своей поэме оставил нам единственное упоминание о строительстве дорог – там он восхваляет императора Домициана за то, что он спрямил знаменитую Аппиеву дорогу, что позволило сократить день пути до двух часов. Одновременно он коснулся и технологии: ров – засыпка щебнем и грунтом – основной материал – мощение полотна брусчаткой – бордюры, – и во всем этом участие несметного количества мастеровых.

Запланированное строительство дорог велось за казенный счет, но иногда, чем могли, помогали и местные землевладельцы. Часто финансирование было государственно-частным, т.е. составляло комбинацию из бюджетных средств, личных вливаний членов императорского двора и средств заинтересованных городов и частных лиц. Нынче в этом нет ничего необычного. Например, автострада Уэстфилд, поднимающаяся над станцией метро «Шефердз Буш» и ведущая к современному торговому комплексу. Конечно, строительные технологии разнились от провинции к провинции, и потому некоторые дороги служили сотни лет, а некоторые требовали постоянного ремонта. Надписи на некоторых «верстовых» столбах доносят до нас свидетельство безобразий той эпохи: «ремонт прошел тогда-то, стоило столько-то, тот-то оплатил, но дорога снова пришла в негодность»; опять «тогда-то за дорогой не следили», а некоторые надписи гласили, что дорога строилась изначально неправильно (вот так-то!). Император Тибе-

Древняя римская дорога

рий потребовал от властей Трeбии вложить денег в ремонт близлежащей дороги вместо задуманного амфитеатра, но тщетно. Однако в провинциях бытовала привычка прихорашивать дороги перед приездом высоких гостей – совсем как в наши дни, когда, например, ожидается проезд по тому или иному пути кортежа Ее Величества. Поддержание в порядке дорог для нужд армии соблюдалось особо. В Македонии, например, император Траян во время войны с придунайскими племенами приказал отремонтировать одну важную дорогу по всем военным стандартам, и всем богачам из близлежащего города пришлось выплатить необходимую дань.

«Все дороги ведут в Рим» – поговорка, которая отражает особые отношения римлян к своим дорогам. Именно дороги способствовали культурному и экономическому расцвету великой империи, хотя их строительство, как и поныне, дело очень не дешевое.

Август уже знал, чем завоевать сердца и умы своих сограждан. Провозгласив себя императором, он не только приказал восстановить храмы, пришедшие к тому времени в упадок, и построить новые, но ввел некоторые доселе неизвестные религиозные ритуалы. Это был человек, который после хаоса последних лет Республики вознамерился вновь повернуть Рим лицом к богам и таким образом поставить себя и свою империю под сень и покровительство высших небесных сил.

Нынешнее налогообложение и современные технологии позволяют решить куда более грандиозные строительные задачи. Дело встает лишь за ценой. Строительство лондонского Кроссрэйла

(скоростного радиального пути) было обещано дважды, да и то после массовых выступлений под эгидой лейбористов. Недавно обещали опять, оценив это строительство в 8 млрд. фунтов. Нечего и гадать, во что эта цифра выльется в реальности.

Но есть еще один момент: раз уж это наши народные деньги, очень тяжело свыкнуться с мыслью, что освоены они будут так, что в итоге родится какое-нибудь чудовище. Ужасающий контраст между грациозной архитектурой XVIII в. и нынешним «модерном» в глаза бросается особенно. Так и хочется выдернуть рукой весь этот новострой. Но это уже отдельная история.

Вода

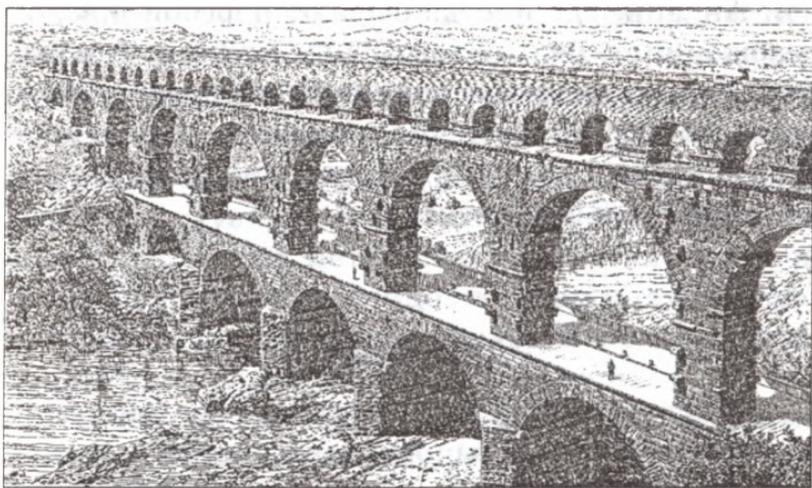
Все мы постоянно пользуемся водой и воспринимаем ее как нечто само собой разумеющееся, кроме, разве что, некоторых районов Юго-Восточной Англии, где иногда бывают перебои в водоснабжении по ряду объективных причин. Там это дело сопровождается изрядной нервозностью и строгими предупреждениями в стиле «уходя, проверьте краны». Кстати, отключения воды случаются иногда и в Лондоне.

Акведуки

Древние римляне первыми в мире организовали водоснабжение в промышленных масштабах. Инженеры той эпохи, пользуясь ошеломляющими техническими достижениями, буквально «несли» цивили-

лизацию и комфорт в массы. Первый акведук «сработали» в Древнем Риме еще в 312 г. до н.э. В свое время один лишь город сам по себе снабжался одиннадцатью (!) акведуками общей длиной 300 миль, потребляя 12 млн. кубометров воды за один только день. Акведук рекордной длины (по прямой 75 миль, но с изгибами все 155 миль) снабжал величественный Константинополь.

Так как напор воды целиком и полностью зависит от наклона водовода, это обстоятельство учитывалось прежде всего. И по всей империи мы находим блестящие решения этой проблемы. Вода накапливалась в резервуарах-накопителях, состоявших из баков, водозапорной арматуры и шлюзов, а уже оттуда, не испытывая никаких затруднений и уж точно никакого контроля, днем и ночью шла напрямик в город. Уличные фонтанчики и общественные источники, коим не было числа, радовали простых горожан. Водой снабжались и многие домовладения (вкуче с уборными). В этом слу-

Акведук Понт дю Гар

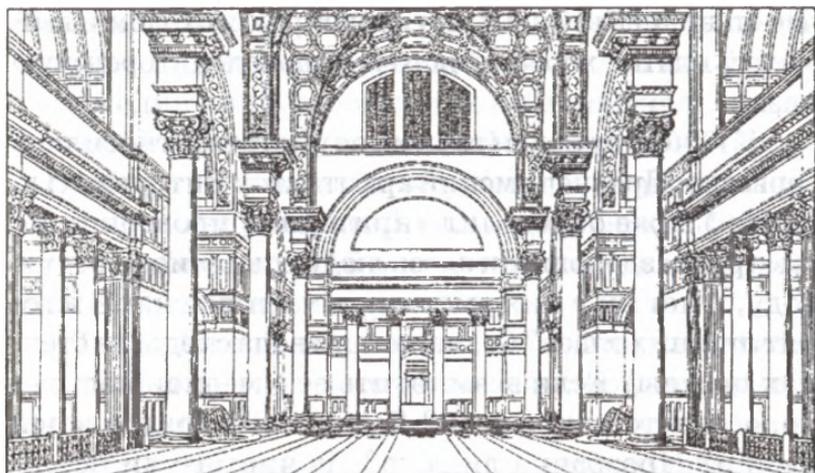
чае ставились краны с регулируемым расходом и взималась плата – хороший источник доходов в городскую казну.

К качеству воды (точнее, ее чистоте) относились серьезно. Древнеримский архитектор Витрувий (I в. до н.э.) даже определил «критерии» проверки: посмотрите, здоровы ли здесь люди, пьющие местную воду, и нет ли у них умственных отклонений, и горят ли у них глаза? Оставляет ли вода следы на стенках посуды? Если вскипятить ее в медной кастрюле, останется ли осадок? Быстро ли варятся в ней овощи? Прозрачна ли вода? Из чистого ли источника? Витрувий знал, что занятия со свинцом не укрепляют здоровья («посмотрите на бледную наружность мастеровых, делающих свинцовую посуду и трубы») и изделия из свинца крайне вредны (единственное преимущество свинцовых труб – отсутствие коррозии).

Римскую империю погубил не свинец – в конце концов, вода осаждала на стенках труб известковые отложения, уменьшая тем самым проникновение ядовитых частиц свинца в саму воду. Интересно, что о вреде свинца человечество знало за тысячелетия до Витрувия, но лишь с развитием химии люди узнали об истинной опасности этого тяжелого металла. Лишь ужаснувшись, они по-настоящему задумались о свинце в бензине, красках и т.д.

Бани

И до строительства акведуков многие города не испытывали особой жажды. Вполне хватало воды колодезной, от источников, рек или дождей – да в

Термы Каракаллы. Рим. 206 г. н. э.

конце концов, на безводной местности люди селились крайне неохотно и о строительстве городов не помышляли. Но! Для древних римлян вода была не просто источником жизни, а чем-то большим – главным условием для строительства бань, или, как их называли сами римляне, «терм» и, как следствие, источником здоровья и удовольствий. Кстати, главным и очень требовательным потребителем была армия, где бы она ни устраивала свои лагеря. Император, аристократы, плебс, да и рабы – все стремились получить свою порцию наслаждений (это же касалось и женщин: термы были общими и отдельными, в зависимости от нравов, господствовавших в данной местности).

Входная плата была минимальной. Пришедших римлян вначале ожидало умасливание и физические упражнения – можно сказать, что «фитнес» был в большом почете, – затем парная, где следовало основательно пропотеть, и лишь после этого начиналась собственно помывка: купание в горячей воде,

теплой, прохладной и, наконец, холодной. Марк Аврелий по-своему комментирует священный обряд: «Термы – это не что иное, как масло, пот, грязь и вода». На современный взгляд, древнеримские бани – это фитнес-зал и паб в «одном флаконе». Хотя бани были доступны для всех, каждый знал свое место и общался с себе подобными.

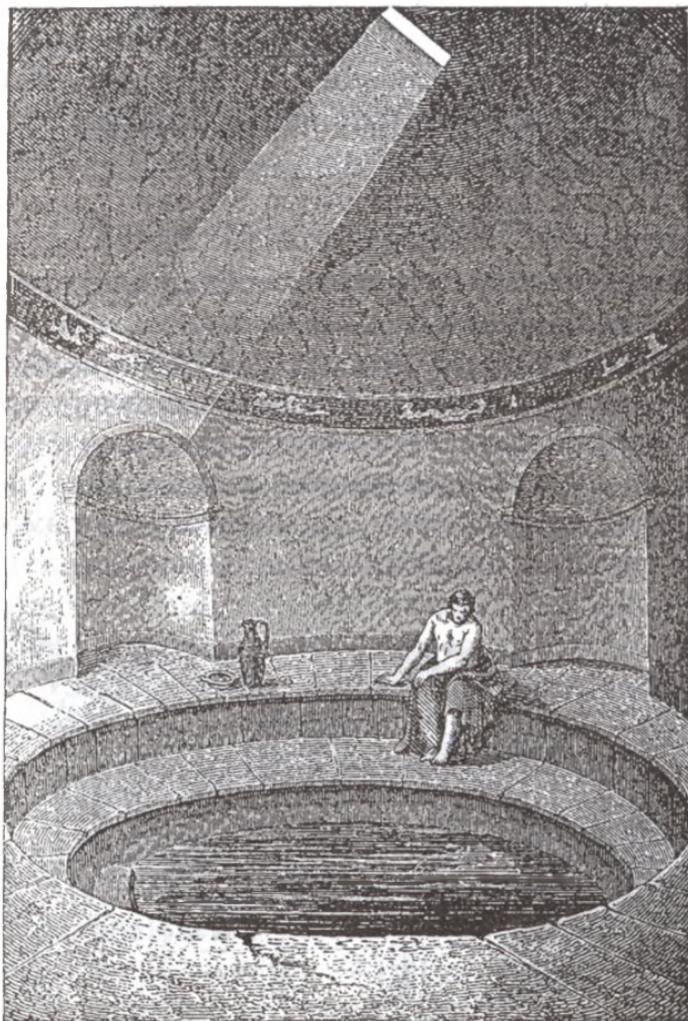
Богачи приходили со своими рабами. Невольники смазывали тело господина благовониями и маслами, затем растирали его толстыми шерстяными полотенцами. В это время знатный римлянин, осушая высокий бокал со слегка разбавленным вином, вел неспешную беседу с другими посетителями из высшего света. Едкий сатирик Марциал заметил, что частота общения со знатью ничуть не приблизила его к их кругу.

В смысле смешения разных слоев общества (хотя и временного) в одном месте древнеримские бани напоминают современную среднюю английскую школу: дети из семей с разным достатком, одетые в единую форму, проводят полдня вместе, не испытывая никаких социальных различий и

Римские термы. Рисунок эпохи Возрождения

учась, таким образом, демократичности. Раздетые, люди в банях также равны (это не касалось лишь рабов). Сплетни, слухи, новости, анекдоты и даже деловые переговоры – нега и наслаждение способствовали дружескому общению. Древнеримские термы – особый микрокосм. Одна античная эгегическая надпись гласит:

Ванна в доме. Помпеи

Balnea, vina, Venus corrumpunt corpora nostra,
set vitam faciunt balnea, vina, Venus.

(«Баня, вино и секс разрушают наше тело,
но возрождают нас к жизни, так что купайтесь,
пейте вино и любите».)

Без бань древнеримское общество было бы неполноценным, а большие общественные бани, в свою очередь, появились благодаря акведукам. В начале трактата «De aquaeductu» (работа смотрителя всех древнеримских акведуков Фронтинуса, 97 г. н.э.) читаем:

«Умоляю вас, вы только сравните нашу безграничную, монументальную сеть акведуков с бессмысленными египетскими пирамидами или ничемными чудесами греков!»

Дело здесь не в восхищении какого-то инженера-чиновника своими достижениями. Почему таких «достижений» нет у наших чиновников? До сих пор загадка, почему древние римляне могли доводить воду до своих городов, а у нас на юго-востоке страны до сих пор перебои с водой...

Хлеба и зрелищ

Древнеримский сатирик Ювенал в 100 г. едко заметил, что «народ ныне интересуется только хлебом и зрелищами». К тому времени императоры правили уже более сотни лет. Возможность народа хоть как-то повлиять на своих правителей исчезла совершенно уже при императоре Тиберии в 14 г. Обязанности по поддержанию «обратной связи» с народом он возложил на Сенат.

Хлеба...

Под «хлебом» Ювенал подразумевал даровое зерно, а иногда мучные хлебные изделия, раздаваемые государством определенным слоям римских граждан. Этой практике положил начало в 123 г. до н.э. великий реформатор Гай Гракх. В эпоху Гракхов хлеб для бедняков еще не был бесплатным, но цена его была ниже рыночной и к тому же постоянной. С точки зрения диетологии «дары государства» вполне покрывали суточные потребности человека, давая три-четыре тыс. калорий в день (считается, что взрослому мужчине достаточно 3 тыс. калорий в день). На всю семью, особенно большую, хлеба не хватало, тем не менее такая раздача привлекла в Рим огромные массы народа и имела большое политическое звучание.

К 58 г. до н.э. Клодий сделал выдачу хлеба совсем бесплатной.

Гуманитарная помощь и бюрократия

Настоящая проблема заключалась в том, кому именно дать право на бесплатный хлеб. В 46 г. до н.э. Юлий Цезарь, эффективный диктатор и политик, составил поименный список получателей хлеба. Раздача велась порайонно, под присмотром назначенных в каждом доме помощников. Список Цезаря вдвое сократил число получателей государственного хлеба – с 320 000 до 150 000 (проблемы современных социальных служб, как видите, не новы). С тех пор каждый последующий правитель стремился удержать число соискателей в диапазоне 150 000–

200 000 человек. Никого не отлучали от дарового хлеба за «плохое поведение». Как сказал известный политический деятель, философ и писатель Сенека:

«Каждый, кто внесен в благотворительные списки, будь он вор, лжесвидетель или прелюбодей, получит свою долю государственной помощи. Кем бы он ни был, он получит ее не потому, что хороший или плохой, а потому, что он римский гражданин».

Со временем государственное мероприятие обеспечивало громадная армия чиновников. Сперва хлеб убирали, складировали, грузили на транспорт (в частности, на корабли в портах Северной Африки) и доставляли в порт Остия – ближайший к Риму. Здесь зерно перегружали на баржи и везли вверх по течению Тибра до самой столицы; и все это под зорким оком уполномоченных чиновников. В Рим доставлялось около 200 тыс. тонн зерна (или 4 тыс. груженых барж) в год.

Впоследствии, в III в. н. э., выдаваемое зерно заменили на хлебобулочные изделия. В 260 г., или около того, все булочные и пекарни перешли под государственный контроль. Отныне пекари не могли сменить свою работу; их сыновьям надлежало продолжать дело отцов. Известны даже случаи, когда беглых детей пекарей отлавливали в тавернах и борделях и возвращали на место работы (в наши дни, возможно, это был бы не лучший способ борьбы с нехваткой учителей физкультуры и математики, хотя борделей, может быть, стало бы и меньше).

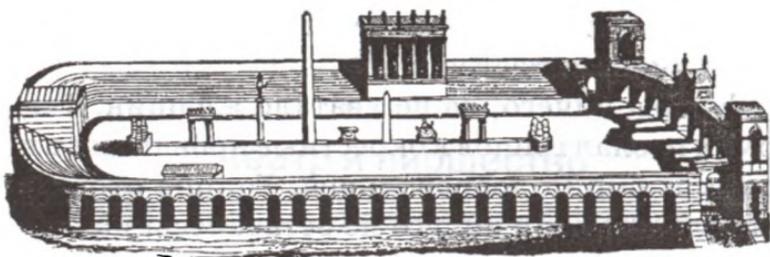
Хлеб пекли и распределяли ежедневно (его не хранили долго) под бдительным официальным присмотром; у каждого получателя имелся специальный жетон, где указывались количество причитающегося ему хлеба и «точка», где он мог по-

лучить на руки вождеденный товар. Последующие императоры пошли еще дальше: при Септимии Севере стали выдавать оливковое масло, а при Аврелии даже свинину и вино.

Но... некоторые вещи не меняются никогда. Хотя древние римляне и считались людьми практичными, их бюрократия, как и везде, не отличалась особым усердием. Мы находим официальные приказы, повторявшиеся из года в год в стиле «улучшить и усилить», но, видимо, мало что «улучшалось и усиливалось» – сокращалось даже число пунктов раздачи бесплатных продуктов. Тем не менее такая система заигрывания с плебсом была необычайно эффективна. Рядовой римлянин чувствовал себя этаким «аристократом»: подумать только, для него высококачественное зерно грузили в трюмы кораблей где-то в Африке, доставляли к нему домой, дарили бесплатно... и все ради него одного – настоящего римского гражданина. Как тут не надуть щеки от гордости? А еще и масло, и мясо, и вино! Как же хорошо быть гражданином самого великого города на свете!

...и зрелищ

«Panem et circenses» – фраза, которую привыкли переводить как «хлеба и зрелищ», дословно означает «хлеба и цирков». Что касается цирков, важно отметить, что подразумевались вовсе не те цирки, к которым мы привыкли в последнее время. Слово это первоначально означало «замкнутый беговой круг» и, без сомнения, относилось к гонкам колесниц. Ювенал использовал это слово для обозначения

Римский ипподром «Circus Maximus»

всех публичных зрелищ, устраиваемых государством для ублажения и аристократизации плебса. Одним из главных зрелищ, несомненно, были бега.

По легенде, изобретение скачек восходит к самому Ромулу, устроившему первые бега, а заодно и знаменитое «изнасилование сабинянок». Скаковые лошади, некий эквивалент «Феррари» в античную эпоху, были привилегией только очень богатых людей, а состязания колесниц (с двойкой или четверкой запряженных лошадей) – феноменально дорогим предприятием (как и сейчас, не в последнюю очередь из-за того, что лучшие фермы по выращиванию беговых пород находятся в Испании, Южной Африке и на Ближнем Востоке).

Изнасилование сабинянок

Латинское слово, переводившееся в контексте как «изнасилование», первоначально означало «захват, увод». Легенду поведал древнеримский историк Ливий. Ранний Рим (основанный, как считается, в 753 г. до н.э.) остро нуждался в прибытке населения, и Ромул решил превратить Капитолийский холм в некое место пришествия изгоев и отшельников со всего мира, где бы у них

была возможность укрыться и начать свою жизнь заново (чем не Австралия?).

Все бы ничего, да не хватало женщин. Тогда Ромул послал гонцов в окрестные провинции в поисках женщин-добровольцев. Гонцов отовсюду изгнали. Ромулу ничего не оставалось, как прибегнуть к хитрости: он объявил об устройстве грандиозных состязаний колесниц. Окрестный народ живо откликнулся на «объявление» и ринулся в Рим – и чтобы скачки лицезреть, и себя показать, а самое главное, увидеть, что же собою представляет этот самый Рим. Окрестное племя сабинян послало своих женщин и детей. И вот в самый разгар скачек похитили всех девушек-сабинянок. Ромул объяснил, что римляне единственно хотели «сделать из сабинянок достойных женщин». Соседние племена не приняли объяснений и двинулись на Рим войной. Вскоре все агрессоры были разбиты; все, кроме сабинян. Однако самим похищенным понравился напор римлян, «их желание и любовь, что проникает в самое женское сердце», и они в конце концов примирили враждующих. Однако это версия самого Ливия.

Древнеримские бега и скачки – зрелище должно было быть и вправду грандиозное. Например, «Circus Maximus» в дни своего величия вмещал 150 тыс. зрителей. Скачки древности рождали у болельщиков такие же эмоции, что и заезды «Формулы-1» у нас нынешних. Молва о победителях разносилась по окрестным городам со скоростью гонцов-всадников. Говорят, один зритель на трибунах так разволновался, увидев победу любимой

колесницы, что упал в обморок. Привели в чувство его с помощью губки, смоченной уксусом.

Театр и пиршество

В 366 г. до н. э. Рим подвергся одной знаменательной «напасти». Чтобы задобрить богов, римляне начали давать бесплатные театральные представления. Сначала (повествует Ливий) ставили короткие пьесы. Затем постепенно на авансцену вышел новый, по-настоящему «романизированный», шумный жанр – пантомима. Эти представления отличались неприкрытой распущенностью, похабщиной, обилием женской наготы и включали в себя множество других жанров – песнопения, пляски, акробатические номера – и по сути своей представляли собой мелодраматические истории о кражах детей, семейных скандалах или адюльтере. Пантомимы были чрезвычайно популярны. Мы склонны думать, что античная классическая драма – это нечто серьезное, однако в действительности на сцене просто отражалась окружающая простого человека жизнь. Низкопробные, крикливые или чересчур слащавые представления и составляли главную духовную диету римского плебса. В общем-то, это напоминает мне наше телевидение.

Позже организованные свыше «*ludi*» («игры», «зрелища») стали включать в себя массовые пиршества – «аристократические» пиры для всего народа. По Сенеке, «в дни пиров народу всюю скармливался блеск и изыск». Попросту, людям давали попробовать «красивой жизни», окунуться в роскошную действительность, окружавшую лишь богачей.

Последствия

Организация зрелищ и пиршеств имела и весьма благоприятные последствия: старые арены и театры реконструировали и начинали строить новые. Появлялась работа для мастеровых и инженеров; новое строительство, в свою очередь, способствовало развитию города и всей империи. Таверны превращались в то, чем они стали – пиршества продолжались днем и ночью, до тех пор, пока не заканчивались продукты. Фестивальный разгул, как ни странно, подогревал древнеримскую экономику. Да и в социальном смысле праздники чревоугодия и развлекательные зрелища объединяли богатых и бедных, «элиту и массу», власть и подчиненных.

По мере того как Рим становился все величественнее, а жизнь его граждан все более зыбкой, у власти находилось все больше и больше причин для умиротворения взрывоопасной толпы. Система «хлеба и зрелищ» как раз и была ключевой частью такой стратегии власти. Раздача бесплатного хлеба вызывалась желанием не только не дать плебсу умереть с голоду, а бега, театры, гладиаторские бои и пиршества – не просто банальная подачка. Все это был некий моральный бонус, символ причастности к особой общности – «граждане Рима». Видимо, в такой социальной «дрессуре» древний Рим зашел очень далеко. Часто на фронтонах античных зданий мы видим аббревиатуру «SPQR» – «Senatus Populusque Romanus» – это своеобразный девиз «Сенат с народом Рима». Как бы мы сейчас расхохотались, увидев на каком-нибудь фешенебельном здании лозунг «Палата лордов и народ Англии едины»!

Контраст между этим самым «SPQR» и разочарованием нынешним государством благоденствия (несмотря на такие общественно полезные расходы, какие римлянам и не снились) более чем очевиден. Причина, думается, в том, что (отбрасывая всякую риторику) современная власть видит народ скорее в разделе «убытки», нежели в «прибыли» в своей бухгалтерской книге доходов и расходов. От народа не отмахнуться, как от назойливой мухи. Его нужно кормить, поить, снабжать тестами для беременности, для него надо строить фитнес-залы; его нужно обучать, лечить, перевозить автобусами, давать «права», читать лекции о вреде курения, об использовании зубной пасты во время авиаперелета; а еще нужно одергивать бунтующую молодежь. И на все это нужны деньги, много денег!

Возможно, это и хорошо, что правительство не собирается развлекать нас за наши же деньги. Выше уже упоминалось о фиаско «Миллениум-Доума». Кто-то мог бы вспомнить и о «Би-би-си», которое правительство давно уже хотело упразднить. Раз уж правительство не озабочено прибылью и равнодушно к ситуации на финансовых рынках – сам бог велел заниматься развлекательной индустрией частным компаниям и инвесторам. Государство – плохой капиталист, но оно вполне могло бы устроить голосование среди потребителей медиапродукции по поводу того, сколько денег отпускать, например, тем или иным телестанциям или программам.

Если бы правительство приумножало свои деньги, развлекая нас и доставляя нам удовольствие, то это было бы уже другое правительство. Идей таких

Солон

мало, но они кажутся мне удачными (в азартных играх, например, – «Национальная лотерея», «Премиальные облигации»). Самая последняя идея – провести телевизионное голосование, чтобы решить, какой из четырех проектов достоин финансирования из «Большого лотерейного фонда» – по сути своей

верная. Публика в состоянии сама решить, какому проекту жить – «Эдему» в Корнуолле, «Шервудскому лесу», «Черной стране» или же на достойные деньги понастроить больше велосипедных дорожек.

Если бы правительство вознамерилось поставить под контроль секс-индустрию и проституцию, за что оно частенько ратует, то несомненно набил бы шишки. Это уже проходили древние. Идеи по этому поводу высказывали такие столпы мысли, как древнегреческий поэт и политический реформатор Солон (начало VI в. до н. э.), древнеримский политический деятель и прозаик Катон Старший (234–149 гг. до н.э.) и даже св. Августин (354–430 гг. н. э.).

Однажды Катон увидел молоденького аристократа, выходящего из борделя, и поймал себя на мысли, что чем легче будут удовлетворяться сексуальные желания, тем больше времени будет у молодых людей для достойных занятий. Св. Августин отметил, что, если бы вдруг исчезли все проститутки, общество «немедленно погрузилось бы в хаос из-за неудовлетворенной похоти». Но именно Солон довел все эти умозаключения до логического конца – он открыл в Афинах вполне легаль-

ный публичный дом. В среде афинской молодежи намечался кризис: природа брала свое, и неудовлетворенные молодые люди начали сходиться на кривую дорожку. Согласно Солону:

«В определенных помещениях находятся женщины, торгующие собой и согласные на все; они стоят голые, чтобы вы не разочаровались в их телах. Никакой стыдливости, никакого ханжества, никакого отказа – вы приходите и наслаждаетесь. У вас право отпустить ее. Если вы прикажете ей прыгнуть в озеро – она прыгнет; она – ничто по сравнению с вами».

Древний бордель?

Возможно, что многие древнеримские бани несли с собой и параллельную «пикантную» нагрузку, а попросту являлись борделями. В так называемых «загородных термах» в Помпеях найдены помещения (скорее всего, раздевалки), пронумерованные от I до XVI и богато иллюстрированные настенными изображениями самых различных сексуальных поз. Странные «раздевалки». Не верится как-то, что фрески с пикантными рисунками – всего лишь безвинные украшения, а не «руководство к действию». Неужели такой забавный орнамент служил лишь для того, чтобы вы, впечатлившись, уже точно не перепутали свою раздевалку и не принялись искать свою тогу в другом месте? Разукрашенные помпейские бани были построены задолго до извержения Везувия в 79 г. н. э.

Но это еще не все. Солон не просто основал бордели – он направил получаемую прибыль на стро-

ительство храма Афродиты Пандемос (т.е. «Афродиты для всех»). Солон видел, что его затея с борделями не очень-то популярна в широких слоях населения, и строительство храма должно было служить тому оправданием.

Наверняка и нынешнее правительство могло бы обратить какие-то сомнительные стороны нашей жизни (раз уж от них быстро не избавиться) нам же на пользу. Выбросы углекислого газа или фреонов, например. Почему бы не брать с загрязнителей окружающей среды определенный налог, чтобы потом направить его, допустим, на озеленение?

Древнеримские правители прекрасно знали, что нравится их народу, и во многом ему угождали. В эпоху Юлия Цезаря в календаре значилось 59 праздничных дней, а во времена Августа – уже 77. Сразу же зададимся вопросом: если бы римляне не были опутаны системой налогов и сборов, откуда же брались бы деньги на обеспечение всех этих фестивалей и праздников? А на бесчисленные игрища и пиршества? А на строительство необходимой инфраструктуры – храмы, стадионы, амфитеатры и прочее? Можем ли мы, потомки, вынести какие-то уроки?

ДРЕВНИЙ РИМ И НАЛОГИ

Налоги? Да что вы!

«HM Revenue and Customs» – британская компания, созданная специально для сбора налогов, формирования бюджета и финансирующая, таким образом, общественные расходы. Каждый год министерство финансов объявляет, каким будет бюджет страны на предстоящий финансовый год и сколько именно налогов, сборов и платежей предстоит платить британским частным и юридическим лицам. Ключевые налоги для частных лиц следующие: подоходный налог, налог на прибыль (в случае размещения капитала), налог на наследство, гербовый сбор, налог на добавленную стоимость (в случае предпринимательской деятельности) и некоторые другие сборы.

Что говорится на правительственном сайте (и можем ли мы это проверить)? Из 457 млрд. фунтов стерлингов, собранных в виде налогов, по-

шлин и сборов в 2005–2006 финансовом году, 331,3 млрд. фунтов (75%) вынуты из наших с вами карманов, и лишь остальные 25% (125,7 млрд. фунтов) – поступления от бизнеса. Т.е. получается, что министерство финансов тратит, в основном, наши народные деньги, не особо афишируя их происхождение. И при этом еще ждет аплодисментов. Контраст с Древним Римом в этой части разителен. Античные «финансовые органы» (даже в тогдашнем зачаточном состоянии) никогда не тратили (за редким исключением) деньги своего народа. Тратились средства и ресурсы, поступавшие от других, покоренных, стран, народов и племен.

Правители античного мира выполняли две функции, две задачи: первую – быть способными вести бесчисленные войны, и вторую – как можно дольше оставаться у власти (потому как власть – это статус и богатство). Для выполнения обеих функций нужны огромные деньги. В отсутствие крупного мануфактурного производства существовали только два источника богатства – сельское хозяйство, а также добыча и переработка полезных ископаемых. Сельское хозяйство в силу своей развитости было гораздо важнее; а древние государства, использовавшие оба источника богатства, были наиболее успешными.

Что же было характерно для Древнего Рима с точки зрения налоговой политики? Известно, что Древний Рим был государством политически унитарным; там очень рано сошли на нет города-полисы (в отличие от Древней Греции и Малой Азии); не было никаких автономных провинций, никакой самостоятельности. И в условиях жесткой, централи-

зованной, сильной власти поборы с населения – вопрос не самый сложный. Однако уже древние понимали – опустошив свой народ, вывернув у всех карманы, вы тем самым теряете свою опору. Поэтому древние правители всегда обращали свой хищный взор на народы соседние. В итоге, в древности, и не только в древности, Средиземноморье всегда оставалось постоянным полем битвы. Ныне почти все военные кампании, по сути своей, преследуют ту же самую цель – захват либо контроль природных ресурсов.

«Разумная» экономика

Возникает интересный вопрос: до какой степени экономика Древнего Рима была «разумной», т.е. насколько широко в ней использовались знания и современные для той эпохи технологии? Считается, что в последние 30 лет в британском валовом продукте доля материальных, «осязаемых», ценностей составила 80%; а доля продукта интеллектуального либо инновационного – 20%. Древнеримские власти не так контролировали, не так управляли своей экономикой, как это сейчас делает наше правительство. Античное производство в основном находилось в руках очень небольшого зажиточного слоя общества и было технологически необычайно консервативно. Иногда случались грандиозные прорывы, как, например, изобретение бетона или строительство арочных перекрытий, определявшие ход истории (без преувеличения) на века вперед, и эти знания передавались из поколения в поколение, но в общем и в

целом производство оставалось сугубо материальным, а технологии и знания – прикладными. Античную материальную экономику вполне можно было назвать аграрной; новшества вводились крайне медленно, да и то в основном в городах.

Двигателем прогресса в Древнем Риме, несомненно, являлась армия и ее нужды. Как это обычно бывает в великих империях – все лучшее и передовое шло на службу Молоху войны: и фортификационная мысль, и дороги, и технологии обработки металлов. Даже самые смелые, предприимчивые, блестящие люди – и те были полководцами масштаба Помпея или Юлия Цезаря. Поэтому не удивительно, что и труды, и трактаты, наиболее популярные в древнеримском мире, освещали либо военное дело, либо возделывание сельскохозяйственных растений, либо блестящую историю империи. Интересно, что сегодня в бестселлерах также книги прикладного свойства; например, поваренные книги шеф-повара Найджеллы Лоусон уступили лишь тиражу новых приключений Гарри Поттера.

Удачные открытия и «литургии»

Пятивековое могущество и богатство Древних Афин покоилось на неожиданном открытии в 483 г. до н.э. феноменально богатой серебряной жилы на свинцовых рудниках в Лауриуме. Начавшаяся разработка залежей серебра позволила Афинам построить флот из двухсот судов, которые сыграли решающую роль в создании и контроле огромной морской империи. Благодаря «серебряным доходам» был построен Парфенон, а Афины

превратились в «пример для всей Эллады», как выразился Перикл. Между прочим, на ранней стадии своего существования Парфенон стал настолько обременительным финансово, что афиняне просто отказались его содержать. В ответ Перикл пообещал финансировать Парфенон персонально, и вскоре афинское Собрание граждан пошло на пятую.

Сами афиняне не платили никаких налогов; лишь в самых серьезных и опасных случаях особый военный налог ложился на плечи самых состоятельных граждан. Вернее, бралась в залог собственность богачей, и в качестве выкупа богатые афиняне должны были финансировать определенные мероприятия. Налоговая нагрузка ложилась на те хозяйства и домовладения, стоимость которых превышала 70 среднегодовых доходов рядового афинянина-ремесленника. Богатые должны были оплачивать:

– государственные фестивали драматического искусства в январе и апреле в честь Диониса, бога виноделия. На таких фестивалях трагедии, сатирические пьесы и комедии сменяли друг друга, как в театральном конкурсе. Именно здесь ставили «Царя Эдипа» и «Антигону» Софокла, «Орестею» Эсхила, «Медею» Еврипида и знаменитую эротическую комедию Аристофана «Лисистрата»;

– экипировку и поддержание на должном уровне основы афинского флота – кораблей-трирем.

А что если некий гражданин А, выбранный для «литургии» (в первоначальном значении – «публичные обязанности»), считал, что его сосед Б в действительности был куда богаче? В таких случаях гражданин А вызывал в суд гражданина Б

Афины. Акрополь с Парфеноном

для обмена собственностью! Если последний соглашался на обмен, то гражданин А получал чужую собственность и был обязан платить налог. Если гражданин Б меняться собственностью не хотел, то платить налог выпадало ему. Просто и гениально.

Эти «литургии» богачей обременяли, но не всегда обижали, потому что шумные поборы и скандалы давали возможность «засветиться» в обществе и прибавляли популярности. Зачастую богачи даже соревновались между собой в купеческом рвении устроить лучшее театральное действо или спустить на воду самую восхитительную трирему.

Вот бы наше правительство точно так же давало возможность бизнесменам удовлетворять свое честолюбие, вместо налогов предлагая им финансировать строительство общественно значимых объектов... Почему бы таким бизнесменам не разрешить называть своим именем построенные ими же мосты и дороги, надписывая имена и фамилии спонсоров на дорожных указателях и баннерах? Рекламные щиты с надпи-

сями типа «Эта дорога построена Партией новых лейбористов на партийные деньги» смотрелись бы не менее достойно. Однако все власти относятся к таким идеям чересчур ревностно и подозрительно, потому что излишняя самостоятельность бизнеса всегда лишает правительства монопольного права расходовать бюджетные средства по своему усмотрению.

В ряде случаев введение дополнительных и косвенных налогов может работать на имидж правительства. Представьте, какой авторитет оно заработало бы в глазах общества, если с каждой проданной пачки сигарет два дополнительных пенса направлялись бы на лечение больных раком легких. Известно, какую нагрузку на общественный кошелек накладывают курение и алкоголизм. Пусть курящие и пьющие сами, своими деньгами облегчают эту ношу. Мы уже устали говорить о том, что налог на топливо и дорожные сборы должны идти на ремонт и строительство новых дорог и ни на что более.

Национальное страхование, как бы оно теперь не называлось, введено в 1911 г. в целях финансирования пенсионного обеспечения и пособий по безработице. Ныне около 20% всех налоговых поступлений расходуется именно на эти цели.

Гражданство в Древней Греции

Сегодня мы безоговорочно признаем за каждым человеком, невзирая на происхождение, его неотъемлемые права. Несчастье в том, что достойная концепция о правах человека должна быть

универсальна, т.е. применима ко всем областям человеческой жизни. Среди таких областей есть и (положа руку на сердце) нежелательные. Одна из них – право гражданства. Неудобно и неполиткорректно говорить об «исключительном» праве отдельных людей на гражданство в то время, когда мы живем в глобальном и мультиэтническом мире, а слова о праве «на мир без границ» повторяются, как ежедневная мантра.

Для древних греков и римлян «права» определялись по тому, что «говорил закон», и не было никаких комплексов по поводу «исключительности права гражданства». Тем лишь обстоятельством, что государство давало гражданство одним и отказывало в нем другим, оно прививало народу идею о гражданстве как об особенной и ценной привилегии для избранных, что вызывало в древних греках чувство избранности. Уж эти-то точно в условиях современного глобализма и мультикультурализма не рвались бы в Единую Европу. Интересно, звучит ли теперь «брендовое» понятие «бри-танец»?

В классическую древнегреческую эпоху, после 451 года до н.э., гражданство зависело от того, были ли афинянами мать или отец. Ребенка объявляли гражданином по его рождению во время традиционного ритуала с участием соседей. Гражданин не платил налогов; мужчины старше 18 лет могли участвовать в народных собраниях, высказывать свое мнение и занимать руководящие должности; каждый гражданин мог посещать государственные и местные религиозные церемонии; он мог владеть собственностью, а также обращаться в суд для разрешения спо-

ров. Афиняне отплачивали государству той же монетой. Они даже соревновались между собой в своем усердии в деле служения обществу. Демонстрация искреннего гражданского участия давала возможность завоевать уважение в обществе. Недаром Аристотель говорил: «Всякий, у кого нет активной гражданской позиции – либо бог, либо животное».

Ни одна из указанных привилегий (кроме права на содержание харчевен) не даровалась чужаку; работать же они могли в Афинах, лишь имея попечителя из числа граждан, выступавшего в качестве гаранта. И все же, если у кого-то из чужеземцев были особые заслуги перед Афинами либо они занимались каким-то особенным, незаменимым родом деятельности, народное Собрание могло наградить такого претендента гражданством. Однако честь такая даровалась редко.

Ни у древних греков, ни у римлян не было, конечно, таких современных проблем, как содержание огромной армии бюрократов в службах иммиграции или, например, изготовление идентификационных карточек. В античную эпоху никаких формальных признаков гражданства не было.

Нынешнее наше правительство планирует создать единую базу данных на всех граждан, собираясь занести туда официальные и неофициальные сведения, начиная паспортными, медицинскими и криминальными (если есть) и кончая сведениями частного характера: поездка по стране и за рубеж, социальные льготы и даже посещение пабов; причем сведения эти могут быть затребованы любой государственной

службой. Ни греки, ни римляне с таким не смирились бы.

Война и овечья шерсть

В 500 г. до н. э. Рим был маленьким, но растущим городом-государством. За 230 последующих лет в процессе завоеваний и альянсов Рим стал хозяином всей Италии. Затем, в течение двух Пунических войн (264–241 и 218–201 гг. до н.э.), был разбит извечный соперник – Карфаген, а Рим стал главенствовать в Западном Средиземноморье. В этом процессе Сицилия (главный театр военных действий) и Сардиния стали первыми древнеримскими провинциями; затем последовала Сев. Африка с ее зерном и масличными плантациями, а также баснословно богатая рудами ценных металлов Испания (кстати, у Карфагена там было немало колоний-поселений). Вскоре была завоевана Греция, где один из царей поддерживал Ганнибала, а также Малая Азия (была завещана Риму правителем). В 60-х годах до н.э. Помпей бросил к ногам Рима Переднюю Азию и Ближний Восток, а в 50-х уже Юлий Цезарь превратил в древнеримскую провинцию всю Галлию.

В дальнейшем древнеримской армии не приходилось проявлять какую-то сверхъестественную воинственность, так как многие территории и племена по своему желанию стремились попасть в лоно великой империи. Все окрестные народы видели, на что способна огромная, хорошо обученная армия, под знамена которой, в случае необходимости, можно было призвать многочисленный резерв – абсолютно лояльное гражданское

население. Не последнюю роль играла и римская дипломатия – разумная и искусная, умевшая превращать злейших врагов в надежных союзников. Потому-то империя (имея в виду Западную Римскую империю) продержалась около 700 лет.

В результате обширных завоеваний доходы древнеримской казны с 200 по 70 г. до н.э. увеличились в четыре раза, что известно достоверно. Кампании Помпея на Востоке в 60-х годах I в. до н.э. еще удвоили или утроили приток средств и ресурсов. Его показательный «триумф» в 61 г. до н.э. праздновали два дня вместо одного, рассказывает Плутарх, его солдаты даже тащили по улицам монеты общей стоимостью в 70 млн. денариев (280 млн. сестерциев) – гораздо больше годовых доходов древнеримской казны. На эти деньги можно было кормить все население империи в течение двух лет. Это объясняет, почему римляне платили лишь косвенные налоги, например пятипроцентные пошлины на сделки и наиболее непопулярный полупроцентный налог с продаж, шедший на пенсии отставным legionерам.

В результате строительство дорог, жилья, прочей инфраструктуры, «хлеб и зрелища», содержание армии финансировалось не из кармана граждан, а из денежных ручьев и ручейков, стекавшихся в Рим со всех концов огромной империи. Так что, когда Цицерон говорил, что налоги – это «мощь и сила государства», он вовсе не имел в виду деньги, отбираемые у древнеримских граждан.

Без сомнения, это хороший урок для нашего правительства. Вместо того, чтобы выискивать, где еще можно было бы закрутить гайки и как еще больше опустошить наши карманы, лучше обра-

тилось бы к другим источникам налоговых поступлений. Полезнее было бы и для его собственного самосохранения.

Консерваторы уже нашли такой источник, решив обратить взор на резидентов-неграждан (т.е. людей, которые выбрали местом постоянного жительства Британию, но не ставших подданными – как правило, это богачи, которые не в ладах с фискальными органами в своих родных странах). Таким лицам предложено выплачивать 25 тыс. фунтов в год (лейбористы, естественно, зафыркали). Такие сборы выльются в 3 млрд. фунтов годовых. Эта сумма, конечно, бледная тень от 457 млрд. фунтов, собранных в 2005–2006 финансовом году, но это только начало. Все деньги, спрятанные на оффшорных счетах, «тянут» на 11,5 трлн. фунтов, а это значит, что мы потенциально теряем ежегодно около 225 млрд. фунтов. Если вывести эти средства из тени – подумайте только, скольким толстосумам мы помогли бы похудеть!

Чрезвычайно популярна и идея сокращения налогов. Так было и в Древнем Риме, особенно среди тех, кто действительно их платил, т.е. в провинциях. Очередной император был просто рад уменьшить поборы с тех или иных городов и провинций, особенно продемонстрировавших свою преданность.

Сегодня освобождены от налогов гражданские лица, работающие в Ираке. А почему не военнослужащие? Почему такие послабления не применить к тем, от кого зависит будущее Британии, например учителям физики и математики? Ну, а если освободить от уплаты налогов пенсионеров,

то такой огромный электорат поможет своему благодетелю выиграть любые выборы.

Цезарь и зрелища

То, что древние правители не особо тратили государственную казну на содержание армии и инфраструктуры (дороги, мосты, акведуки и т.д.) – это одна правда. Другая же правда заключается в том, что куда более сумасшедшие деньги богатых индивидуумов шли на завоевание любви и авторитета у простого народа. Примером тому – устройство гладиаторских боев.

В предыдущей главе мы уже упомянули, что гладиаторские бои не значились в перечне зрелищ, организуемых государством на казенные деньги. Это кровавое действо ведет свое начало с траурных церемоний (похороны родственника мужского пола), и бои всегда организовывались состоятельными частными лицами. Битвы гладиаторов, как захватывающие спектакли, разогревали кровь и эмоции плебса. Интерес со стороны публики был неслыханный, и первым местом боев с массовым присутствием зрителей был, конечно же, древнеримский Форум.

Богачи-аристократы пускались во все тяжкие, не жалея денег на организацию погребальных игрищ. На элитных похоронах в 216 г. до н. э. развлекались видом дерущихся двадцати двух гладиаторских пар; в 200 г. до н. э. похороны сопровождали 25 пар; в 183 г. до н. э. – 60 пар, а в 174 г. до н. э. – уже 74 пары. По назначению Юлия Цезаря эдилем в 65 г. до н. э. он пообещал устроить грандиозное

Юлий Цезарь

побоище с участием 320 пар гладиаторов! Его противники в Сенате немедленно ограничили средства, которые какой-либо эдиль мог потратить на организацию таких зрелищ.

Цезарю все же удалось добиться своего в 46 г. до н.э., уже после того как он разбил Помпея в гражданской войне и назначил сам себя пожизненным диктатором. Цезарь устраивал грандиозные празднества в честь своих побед и однажды организовал ошеломляющее зрелище, длившееся столько дней, сколько у него было побед. Трагическим образом эти многодневные празднества совпали со смертью его дочери – Юлии. Чтобы представить всю грандиозность этого события, процитируем историка Светония:

«Цезарь восшествовал на Капитолий в сопровождении 40 слонов, увешанных по бокам горящими лампами. На праздновании блестящей победы над Понтием впереди триумфальной процессии несли полотнище с надписью: «Veni, vidi, vici» – «Пришел, увидел, победил». Лаконичная фраза сообщала другим оставшимся противникам Цезаря, с какой быстротой он разберется со всеми ими.

К ноге каждого из его легионеров-ветеранов он бросил... 24 тысячи сестерциев (1 сестерций – 5 нынешних фунтов стерлингов). Каждый из них как подарок получил во владение участок земли... Каждому гражданину мужского пола пре-

поднесли два модия пшеничного зерна и два фунта оливкового масла, триста сестерциев (это было его давнее обещание) и сверх того по сотне сестерциев в качестве компенсации за то, что это обещание долго не выполнялось. Император также облегчил долг тем римлянам, кто платил за аренду жилья до 2 тыс. сестерциев в год, и гражданам италийских провинций, платившим до 500 сестерциев в год. Вдобавок он организовал всеобщее пиршество с дополнительной раздачей мяса, а после победы в Испании – два пира кряду. А когда он решил, что всего этого недостаточно, через 5 дней все повторилось.

Цезарь на свои средства организовал ряд представлений – гладиаторские бои и театральные постановки во всех районах города, где актеры играли, кстати, на других, кроме латыни, языках; а также соревнования атлетов, морские бои, цирковые представления... Пять дней развлекали народ кровавые схватки диких зверей. Под занавес сошлись друг с другом в бою пять сотен солдат, выстроенных в шеренги, двадцать слонов и триста воинов, закованных в латы. Для большей натуральности на арене построили два военных лагеря. На временном стадионе (на Марсовом поле) происходили трехдневные состязания атлетов. В морском бою, организованном на искусственном озере, дрались между собой военные суда с двумя, тремя и четырьмя рядами гребных весел; корабли символизировали флоты Тира и Египта, и на каждом находилось множество воинов.

Привлеченное зрелищами и пиршествами, в Рим съехалось несметное число гостей из провинции. Повсюду на улицах и обочинах дорог вырастали палатки. Скопление народа было так велико,

что в давках, помимо простого плебса, погибли даже два сенатора».

Хотим подчеркнуть, что все это великолепие было организовано Цезарем именно на свои, а не государственные деньги. И практика такая была абсолютно типична для всего древнего греко-романского мира. Другими словами, заигрывание с плебсом было выгодно не только государству, но и просто состоятельным людям, какими бы расчетами, социальным или политическим, они ни руководствовались.

Покупая власть...

Желающие вскарабкаться по карьерной лестнице начинали свое восхождение с должности эдила – первой остановки на пути к сияющим высотам власти. Что же это за пост? Эдиль, например, отвечал за успешную организацию и проведение общегосударственных празднеств. Должность эта была, прямо скажем, не для бедных. Зачастую эдили из собственного кармана дотировали подответственные мероприятия, дабы убедиться, что народу хватит всего: и хлеба, и зрелищ; актеров они старались приглашать наилучших, а колесницы – самые быстрые. Иной раз они даже находили поводы повторять торжества, например, из-за мнимой скромности ритуалов, хотя это и являлось откровенным своеволием.

Яркий пример: в 58 г. до н. э. эдиль Скавр (кстати, первый римский губернатор Сирии в 63–2 гг. до н. э.) решил продемонстрировать всем, что он не сидел на Востоке сложа руки, а очень даже непло-

хо «зарабатывал». В организованном им «шоу» он выпустил на арену 150 самок леопарда, первого завезенного в древний Рим бегемота, 5 крокодилов и скелет из Яффы (ныне в Израиле), заявив, что останки якобы принадлежат чудовищу, заковавшему в цепи красавицу Андромеду и убитому Персеем. Для своих демонстративных целей Скавр выстроил в Риме временный театр в три этажа, отделав первый этаж мрамором и предположительно установив три тысячи статуй. По свидетельству Плиния Старшего, театр вмещал аж 80 тыс. зрителей. Вдумайтесь, сэр Камерон Макинтош, да и весь ваш Олимпийский комитет. Ну как можно было не полюбить богатых римлян эпохи Республики за их деяния?

Эргетизм – это что?

Иные древнеримские богачи сорили деньгами, не преследуя совершенно никаких политических целей. Состоятельный аристократ Плиний Младший, например, содержал в родном городке Комо школу и библиотеку, а также завещал землякам термы и даже внес деньги в капитализацию, чтобы даровать каждому горожанину ежегодный бесплатный обед. Его бумаги приносили доход 11 лет, и за это время меценат израсходовал в благотворительных целях около двух млн. сестерций (десять млн. фунтов). Благодарные горожане чествовали не только Плиния, но и всех, кто облагодетельствовал свои родные места. Подобная благотворительность называлась «эргетизмом» (в переводе с древнегреческого – «делающий добро» для себя и других).

Эргетизм в какой-то мере смягчал главную проблему античного мира – чудовищное неравенство между богатыми и бедными. А неравенство, как известно, вызывает зависть. О неравенстве: в 70-х годах до н.э. среднегодовой доход Римской империи составлял 200 млн. сестерциев, а Красс единолично владел состоянием в 192 млн. сестерциев. У старины Билла Гейтса кошелек, сопоставимый с ВВП Индии или, например, Мексики. Правда, со своими 62 млрд. долларов он «позорно» уступает ВВП США (12,3 трлн. долларов) – аж в 220 раз меньше!

Как видим, в Древнем Риме какая-то часть богатства плавно перетекала от толстосумов к неимущим посредством бесплатной или дотированной выдачи продуктов, организаций зрелищ и общественных работ, а также другими формами благотворительности. Был и еще один своеобразный канал – армия; вернее, наём в частные воинские формирования свободных, хотя и бедных, граждан. Цезарь для ведения военной кампании против Помпея призвал под свои знамена около 80 тыс. человек (истинно профессиональная армия в Древнем Риме сложилась в эпоху императора Августа).

Подытоживая, скажем: древним римлянам чрезвычайно нравилась публичная трата богачами своих денег на общественные нужды – этакое методичное спускание «пара» из котла общественного недовольства (да и зависти). Древние оценивали бы деятельность нынешних толстосумов не по тем деньгам, что они зарабатывают, а по налогам, которые они платят, и благотворительности, которой они занимаются.

В 2006 г. 54 британских миллиардера запла-

тили налогов на сумму всего в 14,7 млн. фунтов из их совокупного состояния в 126 млрд. фунтов, и лишь горстка из них заплатила налог на прибыль при размещении капитала.

Богатство, концентрирующееся в руках избранных, выражается астрономическими суммами, и так происходит во всем мире. Лишь один процент американцев зарабатывает 1,3 трлн. долларов в год – больше, чем совокупный государственный доход Франции. Более половины богатства Америки создано за последние 10 лет благодаря новым технологиям, дерегулированию и свободе рынков. То же самое, видимо, относится к России, Индии и Китаю, хотя в этих странах разрыв между богатством и бедностью просто чудовищный.

Оправдание богатства

Кому-то хочется верить, что эргетизм развивается параллельно с ростом богатства. Или же все-таки богатые проводят все свое время, соревнуясь друг с другом в величине вертолетных площадок, подводных лодок и футбольных клубов – точно так же, как это делали древние римляне в I в. до н.э., сравнивая по величине и глубине свои рыбные пруды? «Повальным психозом» называл это явление Плиний Старший. То же случилось в XVII в. в Нидерландах, где все общество поразила бацилла «тюльпаномании»; а в наше время мы слышим о «dot.com-мании». Одна римлянка так восхищалась своей миногой, что решила украсить ее серьгами. Но у миног нет ушей, хотя такими баналь-

ными утверждениями «повернутую» на моде римлянку не проймешь.

В динамичном капиталистическом мире резко проявляется различие людей в предприимчивости, искусности и трудолюбии. Это неизбежно приводит к разнице в получаемых доходах и, следовательно, к расслоению, разделению общества на бедных и богатых. Но как же в такой среде, таких условиях может родиться добродетель? Ответ на этот вопрос могли бы дать в Древнем Риме.

Во-первых, призовите всех богатеев под армейские знамена. В конце концов, они всегда могут оплатить и приобрести новейшее и лучшее оружие, и им всегда есть что терять. Именно это и происходило во времена Древнеримской Республики, где только богатые могли позволить себе оружие и амуницию, не считая лошадей – то есть все необходимое для ведения войны. Менее богатые занимали менее престижные воинские должности. А совсем неимущие, в основном, и вовсе не призывались. Но практикуемо ли это в наше время?

Соблазните людей высокой зарплатой – фантастическим призом, который можно ухватить руками; покажите им дорогу к чести и славе; скажите им, что все это возможно лишь при осознании и выполнении персонального долга – служении обществу.

Покажите нынешним плутократам истинный путь, даже если он одинаково освящен «золотым тельцом» и чувством долга перед обществом. И тогда появятся новые Гетти и Гейтсы, давшие современной плутократии такой пример.

Для нас, британцев, яркий пример бизнесменов такого рода – состоятельные люди, вкладыва-

ющие (не без собственной выгоды, конечно) огромные деньги в «наше всё» – футбол. Мы помним, с каким энтузиазмом сэр Джон Холл из «Ньюкасл Юнайтед» говорил о роли клуба – и футбола вообще – в жизни города и графства. В итоге он стал многоуважаемой личностью на всем северо-востоке. Непонятно пока, такое ли видение у Романа Абрамовича из «Челси», хотя, признаем, он вселил лучшие чувства в души болельщиков и сделал очень многое для своего клуба. Денди Лернер, американец, потративший состояние на «Астон Виллу», показал всем, что он также ценит и красоту в жизни: недавно он просто подарил 5 млн. фунтов Национальной портретной галерее.

Во-вторых, аристократичные римляне отделяли себя от бизнеса как омерзительного способа «делать деньги». Все-таки они искали славы.

В наши же дни бизнес создает рабочие места и как следствие – материальное благополучие. Далее – налоговые отчисления, далее – школы, больницы, далее – везде... Возможно, теперешняя слава лежит в этой плоскости? Банк «Барклайс», например, платит миллиарды корпоративных налогов и дает работу около 50 тыс. британских служащих. Но опять же вопрос: а сколько налогов недоплачивается (иногда легально)? Не будем подозревать в нехорошем. Но если бы банку разрешили строить школы под своей эгидой и под своим названием, то платежи и отчисления шли бы куда охотнее, а не оседали бы обезличенно в бездонном минфиновском кармане. И, наконец, одно наблюдение. Мы хорошо знаем, во что обходится нам содержание бюрократического аппарата и субсидирование политиков. А сколько стоила Древ-

нему Риму его собственная бюрократия? Ничего. Зеро. Ноль. Потому что управленцам официально не платили. Иными словами, древнеримское государство функционировало бесплатно.

Естественно, у страны всегда были непредвиденные расходы (чего стоят одни войны! Да и содержание регулярной армии – начиная с Августа – влетало в копеечку); но сами богатеи, карабкаясь по карьерной лестнице, зарплату не получали. Наградой им были власть, популярность и перспектива заполучить в фактическое владение какую-нибудь сытную провинцию – стоило лишь стать консулом. Наш Тони Блэйр о таких выгодных перспективах знает прекрасно. Эти перспективы пахнут «баксами».

Древние римляне оторопели бы от ужаса, узнав, что когда-нибудь парламентариям на далеком туманном Альбионе будут приплачивать за их прямые обязанности. Платить тем, кто нами управляет? Представляете, что подумали бы древние о Шоне Вудворде, государственном секретаре по делам Северной Ирландии? Секретарь женат на богатой наследнице из рода Сэйнсбери, миллионерше, и к тому же владеет домами во Франции, Нью-Йорке и Вест-Индии. До сих пор утверждают, что из средств, направленных на содержание парламентариев, 130 тыс. фунтов прямым пошлом пошли на нужды его загородного поместья. Где же здесь чувство долга перед обществом? Да римляне просто сожгли бы эту виллу и сгорели бы от стыда сами.

И еще. Почему мы финансируем политические партии, например «Новых лейбористов»? Партии должны выживать сами. А римляне еще б добавили, что они должны приплачивать нам, избирате-

лям, за то что мы отдаем за них голоса. Вот так в их понимании было бы честно.

Но как же древнеримское государство могло функционировать в таких условиях? Да потому, что сложилась такая система, где в финансировании общественных работ, услуг, благотворительности, управления и даже сбора налогов предпочтение отдавалось частному лицу, «частнику». А что войны выигрывались, дороги строились, руда добывалась – все это стараниями частных контрагентов, контрактеров, бравших на себя, в сущности, функции государства. Себя они называли «publicanae» – «народные слуги»; а в Новом Завете «мытари» – имя нарицательное – отрицательное. Все это – одиозные персонажи из Нового Завета. Право собирать налоги в торговых портах и таможенных постах в старину попросту продавалось; а расцвело это явление после того, как Гай Гракх разрешил частным лицам собирать налоги в Малой Азии, только что присоединенной к империи. Право это приобреталось сразу на пять лет. Собираемые средства были огромны, и мытари, для защиты своих прав, объединялись в сообщества, называемые «societatae». Дело их развивалось, и вскоре свои деньги они стали вкладывать в банковское дело и, как ни странно, в доставку почты, образуя целые картели. К счастью для метрополии, собиратели налогов переносили свою деятельность и на другие провинции, а само государство ничего в этой области не теряло. Вскоре многим частным мытарям указали на дверь – Рим предпочел иметь «синицу в руках».

Естественно, не обходилось без случаев коррупции, ведь «publicanae» напрямую общались с консулами и губернаторами, – и что там между ними было?

Не это ли происходит в Британии, где компания «HM Revenue and Customs», то срастаясь, то объединяясь с государством, ворочает огромными суммами и навязывает свои правила игры? Отделаться от этой достославной компании не решилось ни одно правительство. Отчего бы не разрубить этот симбиоз? Наше преимущество перед Древним Римом в том, что мы могли бы увеличить количество «мытарей», тем самым создавая между ними конкуренцию; тем самым устраняя почву для злоупотреблений. Того же пытался добиться и император Август. У Августа не получилось. Лишь при Нероне право сборов налогов целиком перешло к государству.

Такой монополии особенно обрадовались бы в Северной Ирландии...

Об искусстве коррупции

Выше мы чуть-чуть затронули тему коррупции, но теперь поговорим подробнее, потому что тема эта стара, как мир. Сегодня мы относимся к коррупции гораздо строже, нежели древние греки и римляне. Древние вообще не относились к коррупции как к великому злу, а считали ее неким распределителем благ и денежных потоков по всей вертикали общества. Почему же тогда эта проблема стояла так остро?

Во-первых, в ту эпоху не было так называемого «большого бизнеса», т.е. фактического сращивания властей и монополистического капитала. Частник имел дело с частником. Например, недавно найденный в Египте документ датирован 33 годом до н.э. и подписан самой Клеопатрой. В

нем она разрешает некоему Конидию Крассу вывозить пшеницу из Египта (Египет был хлебной житницей Древнего Рима), ввозить туда вино – все это беспошлинно, – а также жить в Египте, не платя никаких налогов. К слову сказать, этот Красс был одним из военачальников армии Марка Антония – любовника Клеопатры.

Налоговый фаворитизм, такой, как к Конидию Крассу, – прекрасное средство завоевать преданность всемогущих и влиятельных друзей, которые смогут помочь ей и ее стране в критический момент. Естественно, и сам Конидий оставался не внакладе.

Во-вторых, подарки и подношения служили в старину неким маслом, которым смазывали колеса и винтики механизма всякого рода отношений – межличностных, социальных, политических, коммерческих и даже межгосударственных. Всем памятна картина типа «Дары послов таких-то, поднесенные к ногам императора такого-то». Главное, что «дела шли, а интересы народа никак не страдали», как сказал один древнегреческий оратор.

В-третьих, в древности не принято было с предубеждением относиться к укладу, обычаям и морали народов других стран. Плиний Старший с восхищением и гордостью рассказывал о том, с какой мягкостью и терпимостью Рим «цивилизировал диких варваров»; а Александр Великий сокрушался, что однажды ему пришлось вмешаться в похоронный ритуал в чужой стране; но тогда и в голову не приходило сворачивать торговые отношения лишь из-за того, что кто-то «не так» думает или говорит. А что сейчас? Одни государства читают другим государствам лекции о «правах человека» (притеснение женщин и

меньшинств, пытки и т.д.), что вызвало бы у древних бурю возмущения. «Традиции народа и есть его царь», – заметил древнегреческий историк Геродот, описывая разнообразные, подчас противоположные, обычаи различных народов.

Древние греки и римляне гордились своим прошлым необыкновенно и считали устройство своих обществ примером для подражания (как, например, Перикл об Афинах). Однако это вовсе не мешало им подвергать себя суровой критике. Фукидид и Платон, например, критиковали афинскую демократию, а Тацит – древнеримскую имперскую систему.

Император дает сдачи

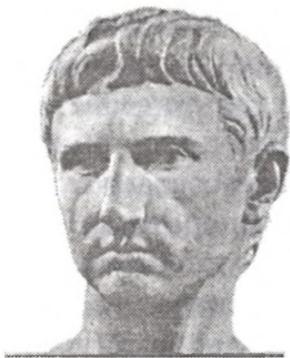
В эпоху Республики такие богатейшие династии, как Цезари, Крассы, Помпеи, боролись между собой не только силовыми методами (вспомним гражданские войны), но и кошельками, не жалея денег на заигрывание с народом. С упразднением республиканского строя, когда усыновленный наследник Цезаря Октавиан стал первым императором Августом, случилась важная перемена – сам император превратился в наиглавнейшего эргетиста, патрона и благодетеля. Не то чтобы богачи перестали заниматься благотворительностью – они более не смели с ее помощью преследовать свои политические цели. На этот счет, конечно, не было никаких указов или распоряжений, тем не менее никто уже не смел бросить вызов императору.

Древние римляне гордились стабильностью своей политической системы, и о переменах там не говорили – они складывались постепенно, оп-

ределяясь самим ходом истории. Республика была упразднена, на императорском троне воцарился Октавиан Август, и, представьте себе, он не объявлял с сияющим лицом, что с его приходом грядут перемены и над империей встает заря новой эпохи. Первое, что заявил император – никаких перемен не будет, Сенат продолжает управлять страной и все в таком духе. Он сказал то, что простые римляне хотели от него услышать (поэт Энний выразился так: «Рим твердо стоит на фундаменте из вековых традиций и богатства его граждан»), хотя, конечно, с приходом новой, имперской, системы перемены были неизбежны.

Наши же политики, напротив, очень любят поговорить о «переменах». (Премьер Гордон Браун в своей первой речи на новом посту произнес это слово тридцать раз, но если о них так настойчиво говорят, значит, дела в стране идут из рук вон плохо.)

Конечно, по простетвию веков мы не можем точно судить, насколько переход к имперской форме правления отразился на умонастроениях простых подданных – думаем, что не очень, если судить о размахе благотворительных деяний Августа. То есть эргетические, патрональные отношения «правитель – народ» остались прежними, если не стали еще масштабнее. К слову, добавилась еще одна деталь: Август, возомнив себя божеством, повелел устроить посмертные торжества, соответствующие его небесному статусу. Видимо, это родовая черта всех диктаторов всех времен – хоронить себя то в пирамидах, то в мавзолеях, либо, как в случае с Августом, с пышностью, подобающей лишь небожителям. Нынешние мелкотравчатые тираны – из той же породы (стоит только взглянуть на завещание Роберта Мугабел!).

*Октавиан Август.
Бюст. Мрамор.
Конец I в. до н. э.*

Октавиан Август (правил с 31 г. до н. э. до 14 г. н.э.) возжелал увековечить свои деяния в тринадцатитомном автобиографическом сборнике, где он попытался ответить на нападки своих многочисленных критиков, считавших его неблагодарным, преступным, трусливым, безродным выскочкой. В 23 г. до н. э. «труд» был закончен, и император принялся за новый, известный как «*Res Gestae*» («Мои достижения»; буквально – «Достигнутые вещи»). Новое творение выгравировано на двух бронзовых пластинах, впоследствии вмурованных в стену его римской гробницы. По всей империи делались многочисленные копии нетленного документа.

350-строчный документ представлял собою перечень заслуг, титулов и достижений («Я восстановил такие-то здания, построил такие-то храмы, устроил такие-то зрелища, захватил такие-то земли, принял к своему исполнению такие-то должности и т.д.»), сдобренный изрядной долей резких консервативных суждений («Я не приемлю нападки чиновников на традиции наших предков»). Квинтэссенцией этого небольшого писания следует считать, что «все мои деяния совершены посредством моих личных средств, потраченных на пользу государству и людям».

«Траты» его составляли миллиарды. Если допустить, что один сестерций можно приравнять по покупательной способности к пяти фунтам стерлингов

(ныне это самая распространенная оценка курса древнеримской валюты), то мы легко подсчитаем, во что вылились его щедрые подношения. Итак: в 44 г. до н.э. (тогда еще по воле Юлия Цезаря) каждому римлянину он преподнес триста сестерциев; в 29, 24 и 11 гг. до н. э. – по четыреста. Он выкупил на военные нужды земли в Италии и провинциях на сумму в 860 млн. сестерциев. Позже он наградил военных 400 млн. сестерциев. Он перевел в государственную казну 320 миллионов и организовал бесплатную раздачу хлеба на свои деньги, когда казна опустела. Не забывал он и о бесплатных зрелищах для народа. В общей сложности казне, народу и армии от Августа досталось 600 млн. денариев (или 2 млрд. 400 млн. сестерциев – 12 млрд. фунтов стерлингов). Для справки: жалование солдата в его эпоху составляло по курсу 4,5 тыс. фунтов в год. Жилье, общественные здания, пиры, бесплатный хлеб, игры и зрелища, доступные простому люду термы – все это оплачивалось на личные средства императора.

Quids pro quo*

А собственно, откуда брались такие гигантские суммы? Постоянно возникает искушение сказать, что деньги эти – все-таки государственные и Август не отказывал себе в удовольствии заниматься мутными финансовыми делишками. Неужели обошлось без казнокрадства?

Дело в том, что, став официальным наследником Юлия Цезаря в 44 г. до н. э., Август унаследовал и

* Каждый для каждого (*лат.*).

его огромное состояние, большей частью произошедшее из захваченных в знаменитых Галльских войнах богатств. Августу достался и фамильный кошелек Цезарей. В 30–27 гг. до н. э. его личное состояние приросло и несметными богатствами отравившейся Клеопатры, а точнее, всей египетской казной.

Огромные деньги и ресурсы текли в его карман от частных лиц, в том числе и в качестве завещаний. Агриппа, к примеру, оставил в его личное владение целый Галлипольский полуостров. В последние 20 лет жизни императора ему только в виде завещаний было перечислено 1 млрд. 400 млн. сестерциев. Дарители и завещатели, конечно, не разоряли свои семейства и не отдавали последнее; более того, их никто к этому и не принуждал. Но и отсиживаться в стороне было неразумно – подарки императору гарантировали его покровительство. Все эти средства оседали на приватном императорском счету, называвшемся «*fiscus*» (отсюда «фискальный»). Государственная же казна хранилась в хранилище (по-латински «*aerarium*»). Чем-то все это напоминает сокровища арабских шейхов, берущие свое начало в нефтяных скважинах. В некоторых странах Ближнего Востока налогов не платят совсем – все государственные расходы покрываются из кошельков шейхов. Собственно, где там госказна, а где закрома шейхов – история путаная.

Перевозка монет

А как перевозились все эти несметные богатства? Общий вес монет, доставлявшихся по всей территории Древнеримской империи, составлял,

как считается, 760 тонн. Для их перевозки требовалось 1610 повозок и 6440 волов. Работающим римлянам платили в конце трудового дня монетой; деньги нужно было доставлять и распределять, но у нас пока нет ни малейших свидетельств того, как именно это делалось. А еще, в отсутствие инкасаторов, требовалось как-то охранять деньги от разбойников.

Несколько лет назад наша королева решила начать платить подходящий налог. Что из этого получилось? Средства попросту где-то затерялись в бездонных хранилищах казначейства. Если бы парламент более пристально взглянул на этот вопрос, выяснилось бы, насколько полезным было бы приглашение двора Ее Величества к уплате налогов и распределение этих средств на пользу всего британского общества по древнеримскому образцу. Она все-таки личность в народе очень популярная. А поддержки ее в этом правительство, за Новыми лейбористами закрепила бы репутация «сил добра», а не каких-то мелких жуликов, ухвативших королевские денежки и бросившихся в бега.

Ну а потом, когда царствование Ее Величества плавно подойдет к концу, не попробовать ли создать нечто похожее на «Res Gestae» (на других «носителях») с описанием всех королевских деяний да распространить по всему Британскому Содружеству? Это был бы неотразимый документ, хотя, возможно, и весьма забавный.

Можем ли мы представить себе, что в нашем обществе, где налоги платит каждый, государство вдруг превратится в классического патрона-эргетиста? Можем, но это путь в никуда. Власть обя-

зательно возомнит себя благодетелем (правда, за наш с вами счет) и навсегда перестанет считаться с нашим мнением. Напомним, что наиглавнейший признак античного эрgetизма – благодетельство за свои деньги, благодеяния за счет дарующего. Причем подобный акт милосердия шел на пользу как самому бенефицианту (в смысле демонстрации патриотизма и политической саморекламы), так и получателю даровых благ. Взаимная польза, *quids pro quo*, – концепция сухой статотчетности, немыслимая в наше время.

Когда Гордон Браун со товарищи истратил около 150 млн. фунтов на реконструкцию и переделку казначейства, британское общество не возжелало аплодировать такому «успеху». Та никчемная трата была ничем иным, как обыкновенной показухой и саморекламой, причем с самыми дурными последствиями для имиджа самого правительства. А вообще, это лишний раз показывает, что все правительства любят без умолку трещать об «успехах» (часто мнимых) в деле растрат («мы перевели такие суммы на А, Б и В!») и еле слышно мычат, когда дело доходит об источниках этих самых расходов. Когда же начинается трезвый анализ всей бюджетной бухгалтерии, слышится: «Как здорово, что мы потратили миллиарды на образование! Жаль только, что четверть населения неграмотна, а половина школ не дотягивает до нормальных стандартов обеспеченности оборудованием». Когда им говорят: «Вот именно – неграмотна, вот именно – не дотягивает»; министры отвечают: «Это значит, что в следующем году надо потратить еще больше!» Нет, это значит, что правительство ПЛОХО работало все предыдущие годы.

Октавиан Август тратил на благотворитель-

ность огромные суммы, но делал это осторожно, чтобы у его оппонентов не возникало ни малейшего повода заподозрить его в чем-то неблаговидном. Для себя он не выстроил ни вилл, ни «висячих садов», как это делали другие богачи, но признавался, что живет в «умеренном комфорте». Давая обществу личный пример, воздерживаясь от чрезмерного сибаритства и неоправданной жестокости, Август, практически, изменил общественный климат. История рассказывает о визите императора на виллу богача Ведия Поллио близ Неаполя. Во время пира некий раб допустил оплошность, выронив из рук дорогой стеклянный кубок. За столь «страшный» проступок Поллио (еще один из серии «прудовладельцев») приказал бросить незадачливого раба в озеро, кишевшее муренами, но тут вмешался император. Он попросил хозяина показать всю свою коллекцию кубков и бокалов. Просьбу исполнили, и Август неожиданно переколотил все экспонаты, дав жестокому рабовладельцу наглядный урок. Древнеримский правитель пошел еще дальше: после смерти Поллио он приказал разрушить ненавистную виллу и провести по ее территории общественную дорогу. Как и Юлий Цезарь, Август старался передавать по мере возможности частные земли на общественные нужды. Кстати, курорт Посилиппо на берегу Неаполитанской бухты получил свое имя от греческого названия виллы Поллио – «Pausilupon» (т.е. «Свободный от забот»).

Правда, одному из последующих императоров, Нерону, уроки Октавиана Августа не пошли впрок.

Золотая кончина Нерона

Мы уже упоминали о «героических» попытках отстроить Рим после сильнейшего пожара, случившегося в 64 г. Как только пожар унялся, Нерон загорелся желанием обратить результаты бедствия себе на пользу: он попросту присвоил себе 200 акров земли в центре Рима, начав строить на опустошенном участке (кстати, земли эти принадлежали сенаторским родам) гигантский дворцовый комплекс – т.н. «Золотой дом».

Без сомнения, это было выдающееся архитектурное творение, где использовались все новейшие строительные и технологические достижения – высокие арочные потолки, куполообразная крыша, вращающиеся помещения, сложная система коридоров, ложных проходов и тупиков-ловушек, бесчисленное количество гостиных, столовых и спален, богато декорированных фресками и произведениями искусств. Если все это золото и мрамор, все эти чудеса (например, падающие с потолка цветочные лепестки) были предсказуемы и типичны для той эпохи, то конструктивные, архитектурные новшества поражают. Никаких скучных прямых линий – все формы изогнутые, куполообразные, воздушные, как бы парящие в воздухе. Дворец органичным образом вписывался в окружавшую его природу – леса, поля и озера, – и все это в самом сердце тесного Рима.

Напротив дворца Нерон приказал установить огромный, высотой в 36 м «colossus» – памятник самому себе (отсюда слово «колоссальный»). «Теперь-то я смогу пожить по-человечески!» – воскликнул Нерон, оценив великолепие своего «жилища».

По мере строительства блестящей резиденции римская казна таяла, как снег в жаркую погоду. Нерону пришлось девальвировать сестерций на 10 %, что вызвало страшное недовольство сенаторов и губернаторов всех провинций. Нерон окончательно впал в паранойю, а страна погрузилась в хаос. Империя, а точнее, ее финансы не выдержали циклопической «стройки века», и дело закончилось тем, чем и должно было закончиться: восстали сначала Галлия, Испания и Африка, а затем и остальные провинции.

*Нерон. Бюст.
Мрамор. Середина
I в. до н. э.*

В самом сердце империи от незадачливого диктатора-сумасброда отвернулась даже его личная охрана – преторианская гвардия. Гвардейцы вынудили Сенат избрать нового императора – им стал губернатор Испании Гальба. Нерону удалось сбежать, но вскоре он покончил жизнь самоубийством. «Мертвый – а какой актер!» – были последние его слова, значение которых мы объясним позже.

Долг императора

Императоры, пришедшие к власти позже, уже не решались совершать такие вызывающие ошибки. В конце концов «Золотой дом» был сожжен, а на его месте построили общественные здания. Император Веспасиан засыпал «Нероново» озеро и начал строить грандиозную арену, которая нам из-

вестна под названием Колизей. Траян, бывший императором в 98–117 гг., застроил 25 акров поместья общественными банями.

И Веспасиан, и Траян хорошо знали, чем должен заниматься настоящий, эффективный правитель. Вероятно, именно Траян превзошел всех других своих коллег, дав наиболее впечатляющий пример благотворительности и щедрости. Окончательно покорив Дакию (современную Румынию) в 106 г., он расширил границы империи до максимума. (Исторически максимальное расширение Римской империи произойдет, опять же, при Траяне в 115 г. после присоединения Армении и Месопотамии). Однако подавление непокорных воинственных племен по северным границам Дакии далось Траяну очень дорогой ценой: потери среди его легионеров были огромны.

Но в результате император вернулся в столицу не просто триумфатором, а героем, бросившим к ногам Рима неслыханную добычу: одного только золота было захвачено пять миллионов фунтов (2 тыс. тонн!), серебра – 10 млн. фунтов. В стоимостном выражении – это 30 (!) годовых имперских доходов.

Празднества по этому случаю прошли по всей бескрайней империи. Посольства иностранных держав (даже из Индии) спешили в Рим, чтобы засвидетельствовать самые теплые и дружеские чувства (дабы ненароком не повторить участь Дакии). Каждый римский гражданин получил от Траяна в дар 2000 сестерциев; 150 дней из последующих двух лет устраивались игры, где дрались между собой 11500 гладиаторов; на искусственных озерах разыгрывались настоящие морские бои – беспрецедентному безумству не было конца.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

Повелевать толпой

В последней главе мы увидели, что в республиканский период сильные мира сего – Помпеи, Крассы, Цезари – тратили свои богатства как для пользы общественной, так и своей собственной; и вполне успешно. Также мы отметили, что пришедшие на смену Республике императоры взяли дело благотворительности в свои руки, превратившись в этаких универсальных благодетелей, даруя своим подданным «хлеба и зрелищ» (теперь в разряде «зрелищ» и гладиаторские бои). Блестящие записки Корнелия Фронто (95–166 гг.), доверенного лица Марка Аврелия, раскрывают нам подоплеку такой интересной политической метаморфозы. Почему же императоры так рьяно взялись за роль радеющего за свой народ патрона? Фронто объясняет это тем, что на карту были поставлены их статус, престиж и даже безопасность. Каким бы не-

божителем не считал себя очередной император, единственным, главным, самым надежным способом обезопасить себя перед лицом сенаторского, и особенно народного, гнева было бесконечное ублажение, умасливание потенциальных бунтовщиков и заговорщиков; другими словами – перманентное «выпускание пара» из время от времени закипающего котла общественного недовольства. Фронтон пишет, что Траян уделял необычайно пристальное внимание театральным подмосткам, бегам и гладиаторским боям, потому что, на его взгляд, это были зрелища, наилучшим образом отвлекавшие внимание народа от трудностей обыденной жизни, гасившие возможный ропот народа. Кстати, по Фронто, Траян по-разному оценивал значение «хлеба» и «зрелищ». Бесплатный хлеб, считал он, кроме того что развращает, еще и достается не всем страждущим, а только занесенным в особые списки. Зрелища же самого разного рода доступны многим слоям общества и, учитывая какую-то маниакальную любовь древних римлян ко всякому публичному мероприятию, необычайно укрепляли авторитет императора. То есть между обустройством театральной сцены и эффективным управлением государством Траян ставил знак равенства.

А теперь три забавных анекдота: первый о юном Октавиане, которому вскоре предстояло стать императором Августом. Разбив у мыса Акций флот Марка Антония и Клеопатры, он вернулся в Рим фактическим правителем. Триумфатора встречали восторженные толпы сторонников, среди которых стоял человек с птичьей клеткой в руках. В клетке размахивал крыльями старый ворон,

кричавший: «Хайль, Цезарь, победоносный повелитель!» Октавиана так умилила эта необычайная сцена, что он распорядился выдать хозяину ворона совершенно умопомрачительную сумму в 20 тыс. сестерциев. Вскоре выяснилось, что у человека был компаньон, у которого также был ворон, правда, умевший кричать: «Хайль, победоносный повелитель Антоний!» Ко времени разоблачения находчивая парочка уже успела спустить часть фантастического подарка.

Вторая история – об императоре Адриане, не «вылезавшем» из поездок по провинциям. Однажды утром в одном городке он спешил на судебное разбирательство, когда его остановила женщина с какой-то просьбой. Император направился было прочь от просительницы, заявив, что слишком занят, чтобы ее выслушать. «Тогда не будьте императором», – спокойно сказала женщина. Пришлось Адриану остановиться и выслушать ее.

Третья зарисовка рассказывает о том, как однажды Юлию Цезарю пришлось посетить игры, которые он сам же и организовал. Во время зрелища, которые он, кстати, недолюбливал, Цезарь углубился в чтение каких-то государственных документов. Публика на трибунах заметила это и неодобрительно зашикала. Император тут же отложил важные дела и устремил свой взор на арену.

Возможно, истории эти и неправдивы; да это и не важно. Точно так же, как нам не важно, ложился ли, не снимая футболку с надписью «Челси», в постель с актрисой Антонией де Санчес бывший член парламента Дэвид Мэллор.

Мы увидели, что народу было небезразлично, кто ими правил, а императоры понимали, что с на-

родом шутки плохи. Обоюдозависимые, обе стороны получали взаимную выгоду, несмотря на неизмеримое всесилие одних и бесконечное ничтожество других. Это ярчайший пример социально-политического симбиоза, когда любой, самый простой гражданин мог остановить всемогущего императора на улице со своей просьбой и при этом дожидаться «персонального» ответа. Одно из сотен тому свидетельств – письмо некоего больного работника, адресованное императору Антонию Пию. Работник жаловался на своего отца, который лишил его содержания и вообще стал относиться к нему неподобающим образом. Ответ императора Антония был следующий: «Если вы обратитесь к соответствующим лицам, они должны будут приказать вашему отцу выделять вам содержание, так как вы, как говорите, являетесь работником и, будучи больны, не можете продолжать свою работу». Документ, совершенно непохожий на формальную отписку.

В ответе на петицию одной женщины, некой Флавии Тертуллии, которую выдали замуж за родного дядю, император постановил считать ее детей законнорожденными. Некой Себастиане было позволено (видимо, против воли ее мужа) привести свои доводы в пользу бигамии. Еще одной женщине император разрешил подать в суд иск на своего зятя, если действительно была им обманута. И так далее. Здесь мы видим всемогущего правителя самой величайшей империи, который выслушивает частные прошения – очень важные для просителей, но совершенно ничтожные для владыки мира. Правитель не просто выслушивает – он отвечает. Кто из нас может похва-

стать тем, что написал петицию кому-то из кабинета министров и дождался ответа?

Иными словами, жизнь императора вовсе не состояла из бесконечной череды оргий, как бы в это не хотелось верить. В первые годы становления империи, когда имперская бюрократия была невероятно малочисленна, жизнь владыки действительно была чередой, но не оргий, а бесчисленных больших и малых проблем, ждавших своего решения. До аскетизма, конечно, было далеко, но в отсутствие разветвленного бюрократического аппарата (в первые годы жизни имперской, самовластной, диктаторской системы) о каждодневном веселье не могло быть и речи. Как пожаловался один из императоров: «Если бы люди знали, как утомительно читать, а затем реагировать на бесчисленные письма, они даже не подобрали бы корону, упавшую с моей головы».

Однажды было найдено свидетельство такого монаршего переутомления – хорошо известная переписка между Плинием Младшим, правившим в Вифинии (ныне Северная Турция), и императором Траяном. Многие просьбы и вопросы Плиния кажутся нам совершенно пустяковыми, однако Траян всегда с неизменной вежливостью отвечал на все письма. И лишь однажды не выдержал, когда на просьбу молодого губернатора осветить некоторые вопросы социального характера раздраженно заметил: «Послушайте, дружище Плиний, я поручил вам вести все дела в провинции по вашему усмотрению. Так занимайтесь же делом, черт возьми!»

Так и представляется хныкающий Гордон Браун, предводитель огромной армии бюрократов, ко-

торым он не верит ни на дюйм: «Я же поручил вам вести дела по моему усмотрению. Так займитесь же делом, черт возьми!»

Одной из важнейших описательных характеристик всей древнеримской и, как мы увидим далее, древнегреческой политической жизни является понятие «свобода». Действительно, концепция «свободы» в западноевропейском понимании этого слова родилась и оформилась в этой части Средиземноморья. «Свобода для кого?» – спросит кто-нибудь с изрядной долей цинизма. Если подразумевать под «свободой» вовлеченность народа в принятие каких-либо политических решений, то это понятие у древних римлян и греков было применимо лишь к гражданам, но не к остальным. То есть с высоты нашей эпохи античная свобода кажется неразвитой, половинчатой. Считается, что свобода (как философская категория и общественный механизм) обрела свою полную силу в современном западном обществе лишь в последние сто с небольшим лет.

Я считаю, что и греки и римляне вкладывали в слово «свобода» несколько иной смысл, а именно – обеспечение интересов и безопасности граждан со стороны государства. Возможно, мы вольно или невольно окрашиваем древний мир, жестокий и безжалостный, в розоватые тона, но по сути своей античное общество по многим критериям действительно являлось свободным. Взглянем на уже знакомые нам Помпеи. Около трех тысяч предвыборных надписей (чуть не сказал – плакатов) украшают стены этого заштатного провинциального городка. Они агитируют за кандидатов на общественные должности. Победившие должны были войти в состав советов,

руководивших каким-либо районом, кварталом или улицей с населением в 80–100 граждан, – этот общественный орган, отвечавший за общую политику на вверенном участке, а также за деятельность местных чиновников. Написанные красным предвыборные «агитки» выведены на стенах домов, в которых проживали кандидаты, а также общественных зданий в самых людных местах. Анализ показывает, что настенная кампания в основном организовывалась самими кандидатами.

Древнеримское гражданство

В Римской империи, простиравшейся от края до края обозримого мира, сложилась куда более прагматичная система предоставления гражданства, нежели в Древней Греции. Статус гражданина там всегда считался великой привилегией, но свою истинную роль политически объединяющего фактора институт гражданства начал играть лишь с началом безудержного расширения империи. Чтобы сохранить получение гражданства вожделенной, но при этом вполне достижимой целью, в государстве были установлены вполне определенные правила и критерии. Получить гражданство можно было поэтапно, а кульминацией процесса становилось получение полного гражданства. Полноправный гражданин имел право:

- иметь юридически законные контракты во всех областях торговой и ремесленной деятельности;
- владеть собственностью;
- иметь детей-граждан;

- занимать руководящие должности;
- иметь право на защиту закона – например, право на справедливое разбирательство, право оспаривать судебные решения. Гражданина нельзя было подвергать пыткам, например бить кнутом.

Институт гражданства был наиболее передовым и успешным достижением древнеримского права. В 212 г. император Каракалла даровал полное гражданство жителям всех провинций без исключения. По отношению к варварам, жившим за пределами империи, но которые желали оказаться под ее покровительством, римляне применяли разный подход (к слову сказать, для древнеримской политики это был очень важный вопрос – варвары постоянно угрожали границам империи, и необходимо было любыми способами умерить воинственный пыл соседей): простым ремесленникам и торговцам гражданство предоставлялось без проволочек, правда, при условии, что все производственно-коммерческие отношения с Римом будут вестись под эгидой римского гражданского права («*ius civile*»). То же относилось и к созданию и приобретению собственности. Варварам разрешалось вести дела, как обычным гражданам, сохраняя при этом этническую и религиозную идентичность. Очень многие «гости» сделали в империи прекрасную карьеру, особенно те, кто стал говорить на латыни и воспринял местную культуру и обычаи.

Римляне, кстати, отличались терпимостью к чужим верованиям и никогда никому не навязывали свои. Также они были толерантны к чужой куль-

туре, укладу и даже иным способам отправления правосудия. Единственное, что римляне оставляли за собой – право губернатора на окончательное слово в очень сложных судебных разбирательствах. Решения в таких делах, как правило, выносились на основании римского права.

Окажись древние римляне в наши дни, они бы очень удивились предложению архиепископа Кентерберийского интегрировать некоторые аспекты шариата в британскую юридическую практику. По моему мнению, пусть мусульмане делают, что хотят, но подчиняться они должны британским законам, и последнее слово – за британским правосудием.

Надписи, как правило, характеризуют личность кандидата («Хороший человек», «Молодой неподкупный человек», «Безупречный», «Достойный, и т. д.». Выражают свои мысли как индивидуалы («Прошу вас поддержать кандидата А», «Такой-то умоляет вас поддержать такого-то на общественный пост»), так и целые рабочие коллективы. Мы видим предвыборные призывы и наставления от зеленщиков, погонщиков мулов, ювелиров, плотников, красильщиков тканей, владельцев отелей, пекарей, привратников, носильщиков, продавцов домашней птицы, ковроделов, сборщиков винограда... И все они просят голосовать за того или иного человека. Не остались в стороне даже учителя со своими учениками («Учитель Сема и его ученики рекомендуют вам...»).

Некоторые «постеры», наоборот, убедительно просят «прокатить» тех или иных кандидатов, давая им самые нелестные характеристики: «Все они спят, и Мацерий тоже», «Мелкий воришка» и

даже «Полуночный пьяница»! Пятьдесят одна надпись выполнена женщинами, и некоторые сообщения вполне положительные: «Фортуната желает Марцелла». А может, это не предвыборный слоган, а всего лишь любовное вздыхание? Интересно, что после того, как две местные проститутки, Кукулла и Змирина, выражая свою гражданскую позицию, оставили на стенах свои обращения, какие-то возмущенные граждане призвали срочно их стереть. Мы находим, что надписи и призывы были довольно-таки малоинформативными; и уж совсем не видим среди них воззваний политических – например призывов к манифестациям.

Также интересно, что кандидаты никак не рекламируют сами себя – только поддержка со стороны. Как же это не похоже на теперешнее самовосхваление партий и их выдвиженцев! Не было тогда, видимо, и заигрывания с электоратом. Скорее всего, наоборот. В Помпеях, где система патронажа и благотворительности была очень развита, судя по большинству предвыборных сообщений, кандидаты просто купались в лучах людского обожания. Эргетизм был жив, и тот, кто жаждал популярности (и голосов), обещали хлеб и термы, строительство дорог и мостов – и все это из своего кармана. Мы были бы очень даже не против, если кандидаты от наших партий не только говорили бы, но и делали перед выборами что-нибудь полезное, причем из своих денег, а не общественных. Тогда, по крайней мере, мы были бы не против их пенсий и служебных расходов.

Тем не менее существовала и обратная сторона медали. Римляне, как пишет византийский историк Прокопий, были «необычайно горды за

свой город». Мы бы добавили, что каждый гордился именно за свой город. Где бы ни оказывались римляне, везде они основывали и обустроивали городские поселения. Всем окрестным народам они стремились прививать городские ценности, повсюду они несли городскую цивилизацию. Но все имеет свою цену. Не сказать, что сельское хозяйство находилось в загоне; однако именно сельское население, как это не парадоксально, частенько голодало и потому постепенно сокращалось. Древнегреческий врач Гален рассказывал о положении голодающих поселян: «Их пшеницу, ячмень, фасоль и чечевицу реквизировали, оставив им лишь немного бобовых. Когда закончились и они, крестьяне перешли на диету из молодых побегов на деревьях, выкопанных диких луковичных и корешков». Сельские жители составляли большинство населения империи, являлись движущей силой аграрной экономики, однако нещадно эксплуатировались городом. Проблема эта в наши дни никуда не исчезла – сельские жители постоянно напоминают политикам, что они чересчур много внимания уделяют городам, при этом «не понимая деревню».

Плебс и «сливки общества»

Зададимся очень интересным вопросом: а насколько демократической и свободной была древнеримская республиканская система? Историк Ливий описывает ранний Рим и становление Республики как череду столкновений простого плебса с патрициями – богатыми родовитыми аристок-

ратами, имевшими монопольный доступ к высоким должностям. Лишь патриции, к примеру, могли стать пожизненными сенаторами. Ливий также рассказывает, как простому народу шаг за шагом удалось создать свои общественные институты, например Народное собрание. В конце концов решения Народного собрания даже стали учитываться при обсуждении законов в Сенате; Собрание могло повлиять на назначение высших сановников – консулов, преторов и пр. Плебс имел и своих представителей в Сенате – так называемых «трибунов». Трибуны отстаивали там интересы плебса и даже имели право вето на принимаемые в Сенате решения.

В этом – принципиальная разница с нашей политической системой. В нашем парламенте правящая партия принимает решения и проводит законы, не советуясь с нами, простыми избирателями. Нет у нас никаких трибунов (ну, разве что Денис Скиннер, но и он беззуб, когда его партия не у власти). И греки, и римляне были бы крайне возмущены, оказавшись на нашем месте и узнав, что парламент склонил голову перед требованиями так называемой «Европы», пренебрегая собственными британскими интересами.

Тем не менее в целом в эпоху Республики богатые аристократы из древних благородных семейств доминировали на древнеримской политической сцене – деньги, связи, происхождение и политический опыт решали все, – и потому мы считаем, что древнеримская демократия, хотя и отвечавшая некоторым критериям, все же значительно уступала демократии древнеафинской.

Появившаяся впервые в 508 г. до н.э. в Древней Элладе, новая общественная система с полным правом носила и оправдывала свое название – «demos» («народ»), у которого действительно была «kratos» («власть»).

«Результативные» адюльтеры

Древние на все сто использовали брачные (и не только) отношения для укрепления династических связей как внутригосударственных, так и международных. Александр Великий женился на принцессе Роксане из Бактрии (Центральная Азия), а Марк Антоний – на египетской царице Клеопатре из древнего рода Птолемеев. Сильные мира сего не брезговали ничем – известно, что император Август был неравнодушен к женам своих оппонентов. Через них он пытался узнать, не плетется ли против него какой-нибудь заговор. Юлий Цезарь, в молодости служивший в Вифинии (Северная Турция), «водил шашни» с местным правителем Никомедом. Видимо, настолько успешно, что благодарный Никомед даже завещал свое царство Риму.

Примеры эти заставляют задаться вопросом: отчего же скромничают современные политики? Кто знает, какие выгоды мы могли бы извлечь, если бы Робин Кук и Джон Прескотт обратили бы свои похотливые взоры не на своих секретарш, а, скажем, на «очаровательного» мистера Путина или не менее «восхитительного» мистера Бен Ладена? Да и президент Ахмадинежад тоже «ничего»... Хорошо было бы послать к нему Джорджа

Гэллоуэя. Такая жертва возвысила бы нашего политика в глазах общественности.

Игра в большинстве

Представьте себе, как на парламентском «часе вопросов» министра обороны обвиняют в некомпетентности – и такое возможно. Член оппозиции вскакивает с места, ругает министра и добавляет, что его сосед-приятель справился бы с этой должностью гораздо лучше. На что министр, нервно теребя портфель, немедленно соглашается передать свой пост неведомому «приятелю-соседу». Парламент одобрительно гудит, а страна получает нового министра обороны...

Невероятно? А теперь перенесемся в Афины 425 г. до н.э. Пелопоннесская война между Афинами и Спартой тянется уже шестой год; афинское войско окружило спартанцев на острове Сфактерия, но не в силах добиться их уничтожения. Спартанцы же пытаются вырваться из блокады и даже вроде бы готовы на переговоры. Приближается зима, а это значит, что, не добившись победы, афиняне должны будут отступить и вернуться домой. Положение насколько патовое, настолько же и отчаянное. Афиняне, имея перевес в силах, видят, как победа ускользает из их рук.

Ситуацию тем временем обсуждают на афинском Народном собрании («Ekklesia»). Это – руководящий и законодательный орган, состоявший не из избранных политиков, а из всех афинских граждан мужского пола старше восемнадцати лет. То

есть если вы – афинский гражданин и мужчина старше восемнадцати, то власть – это вы. Да, вы. Никто, вообще никто, не может попрасть или исказить принятое Собранием решение, принятое в том числе и вами.

Один из участников того памятного Собрания, по имени Клеон, фигура противоречивая. Ему удалось убедить граждан на прошлом Собрании не заключать мира со Спартой, аргументируя тем, что если сейчас продолжить военные усилия и пленить спартанский контингент, то Афины будут диктовать свои условия на будущих переговорах с извечным соперником. Однако сейчас дела шли из рук вон плохо – спартанцы ускользали из мертвой хватки. Снова поднялся тот же Клеон и заявил, что если известие верное, то следует избрать военачальников, которые смогли бы действовать сообща.

Историк Фукидид, свидетель того Собрания, сообщает, что же случилось дальше: «...Затем Клеон указал пальцем на Никия, который был военачальником (военачальники в Афинах избирались) и являлся личным его врагом. «Если бы наши полководцы были настоящими мужчинами, – презрительно сказал Клеон, – то они правильно использовали бы наш флот и легко пленили бы врагов. Если бы флотом командовал я, то мы давно добились бы победы». Афиняне тотчас же стали предлагать Клеону возглавить флот и отправиться на место событий, раз уж он так уверен в своих силах. Никий в ответ на укол оппонента также неожиданно стал настаивать на том, чтобы тот взял в свои руки командование любыми военными силами, какими только пожелает. Клеон не верил сво-

им ушам, однако Никий абсолютно серьезно говорил о передаче своих руководящих полномочий. Он вновь и вновь повторял свое предложение явно смущенному Клеону и наконец официально перестал быть командующим после определенной процедуры при стечении большого количества афинян. Клеон пошел было на попятную, заявив, что только Никий с его огромным боевым опытом достоин возглавлять флот. Однако Собрание, будто поймав Клеона на слове, уже не хотело ничего слышать и приказало новичку взять командование флотом на себя. Клеону не оставалось ничего, кроме как подчиниться. С потухшим взором, скрепя сердце принял он бразды командования и заявил на прощание, что никогда не боялся спартанцев, и даже пообещал либо в течение двадцати дней привести в Афины толпы пленных врагов, либо перебить их всех на месте.

Хвастовство Клеона позабавило афинян, а наиболее рассудительные нашли ситуацию беспроигрышной: или Афины избавятся (что считалось наиболее вероятным) от выскочки-хвастуна, или же Клеон действительно избавит город от заклятого врага».

В «демократическом» Соединенном королевстве все решения, касающиеся жизни государства, принимаются в палате общин членами партии большинства, то есть примерно четырьмя сотнями в основном белых мужчин. Страной также управляют двадцать членов кабинета министров и премьер-министр. И это все. Представьте: страна с населением в почти шестьдесят миллионов живет по приказам каких-то четырехсот с лишним человек! В Древних Афинах каждое решение при-

нималось всеми мужчинами старше восемнадцати лет на Собрании посредством голосования, но без чьих-либо приказов сверху. Это и есть настоящая демократия в действии, о чем подробно поговорим в следующей главе.

А Клеон, между прочим, возглавил экспедицию на Сфакторию, пленил всех спартанцев, управившись, как и обещал, за двадцать дней!

ВЛАСТЬ – НАРОДУ! АФИНЫ В 508–323 гг. до н. э.

Хвастливая ложь

Гордон Браун проинформировал нас, что он «хочет больше людей вовлечь в политику и поддержать национальный диалог». Я все еще жду его приглашения. К моменту публикации этой книги нам уже будет известно, насколько правдивыми были слова премьера, обычные, традиционные, повторяющиеся из года в год: «восстановить доверие народа к политике» (заметьте: не к политикам!), «предложить прогрессивные решения на основе здравого смысла», «сделать парламент более подотчетным (интересно, перед кем?) и направить его в русло более открытых и честных дискуссий». Ну-ну. Обещано также «создание нового общественного консенсуса» (а что делать со старым?) и, наконец, «заложить твердую основу для движения вперед».

Объяви премьер такое перед древнеафинским народом, его попросту не поняли бы. И даже не столько из-за малопонятного, ничего не обозначающего словоблудия, сколько из-за того факта, что в Древних Афинах не выбранные политики, а сам народ определял политику государства, а по сути свою собственную судьбу. Представляете реакцию древних на предложение Гордона Брауна «вовлечь в политику больше афинян»?

Как мы уже увидели в конце предыдущей главы, древнеафинское Народное собрание, суверенный орган, состоявший из граждан мужского пола старше восемнадцати лет, приняло отставку одного высшего военного деятеля и заменило его на самовыдвиженца, а по сути человека из толпы, чьих военных способностей никто не знал. Причем рокировка произошла в самый критический для судеб государства момент. Собрание было совершенно независимо и полномочно в принятии любых судьбоносных решений, пусть даже и сомнительных. Это и есть настоящая демократия, о чем мистер Браун имеет весьма смутное представление.

Совсем недавно премьер запретил проведение референдума по новой Европейской Конституции. Известно, что британский народ ее не приемлет, но почему он лишен права высказать свое мнение? Вот при такой «демократии» мы и живем! Так-

Чтобы исключить злоупотребление оратором временем при выступлениях на народных собраниях, использовались водяные часы

же мы знаем, какая «демократия» навязывается нам из Брюсселя.

В действительности слово это стараниями современных политиков стало совершенно затертым клише. Добавьте сюда политику некоторых стран, почему-то считающих себя «демократическими» – начиная Россией и Венесуэлой и кончая Зимбабве и Ираном, – уж мы-то знаем, как там «ценят» свободное волеизъявление своих граждан.

Да и наша внутренняя риторика, при помощи которой мы гордо выставляем свои ценности, также не способствует развитию истинной демократии. «Если и есть какая-то черта в английском национальном характере, которая обособляет нас от других народов, так это – наша решимость ограничивать власть тех, кто нами управляет», – заявил как-то поп-певец Билли Брэгг. Если бы вы знали, душка Брэгг, что древними эллинами даже никто не управлял. Они управляли собой сами.

Война, рабы и женщины

Начнем с двух несправедливых, помногу повторяемых упреков в адрес афинской демократии: во-первых, в Афинах не давали права голоса женщинам и рабам; и, во-вторых, древние греки были жуткие милитаристы и националисты.

В античном мире не было нерабовладельческих обществ. Древние ценили человеческую жизнь недорого, а жизнь некоторых категорий людей, особенно пленных, не стоила вообще ничего. В них видели лишь полезный инструмент или даровую тягловую силу. Потому сама мысль дать рабам

право самим определять свою или общественную жизнь казалась им абсурдной. «За что может голосовать раб? – думали они. – Конечно же, за скорейшее завершение своего рабства».

Упрекать афинян в рабовладении – все равно что упрекать некоего мистера Джонса в том, что он родился в четверг. Если бы древние греки были единственные, кто эксплуатировал труд рабов, то отношение к их обществу и институтам, с высоты наших лет, было бы совершенно иным. Рабство – вовсе не «родовая отметина» человечества, оно появилось, по историческим меркам, недавно – каких-то несколько тысячелетий назад – и исчезло на Западе лишь в XIX в. Не будем осуждать Кромвеля, Шекспира, Пейна или Бурка за этот грех или считать, что без помощи рабов эти личности не добились бы успеха.

Также нет никаких оснований утверждать, что без рабовладения древние греки не смогли бы основать, а затем развить свои демократические институты, хотя очевидно, что труд рабов «подарил» афинянам много свободного времени, которое требовалось для посещений Народного собрания (один раз в восемь дней), а также для работы в общественных органах. Но, опять-таки, я воздержусь от утверждения, что рабовладельчество было непременным условием для создания демократии.

Что касается женщин, то право голоса на национальном уровне они впервые получили в Новой Зеландии в 1893 г. (во Франции – в 1944 г., в Бельгии – в 1948 г., в Швейцарии – и вовсе в 1971 г.). Заметим, что в штате Вайоминг женщин допустили до голосования в 1869 г. В Соединен-

ном королевстве в 1918 г. право голоса получили ВСЕ мужчины старше двадцати одного года и, впервые, женщины старше тридцати. В 1928 г. возрастной ценз для женщин снизили до двадцати одного года. Так что и Британия шла к всеобщему избирательному праву долго и мучительно. Получается, что в той ситуации, в какой наша страна находилась в 1917 году (в смысле избирательного права), Древние Афины находились уже 2500 годами ранее.

И, наконец, о воинственности афинян. Действительно, Афины стремились расширить свою подконтрольную территорию и делали все, чтобы ее удерживать, охранять и оборонять. Трудно удержаться от того, чтобы не поиронизировать по этому поводу. Борьба! Война! Драка! Какое безобразие! Нет общества, страны, цивилизации, народа, которые в обозримом прошлом, хотя бы изредка, не прибегали к выяснению отношений с соседями при помощи огня и меча. И уж тем более таковых не было в V в. до н. э. Война? У древних греков? Да что вы! Абсурд. На самом деле афинян окружали миролюбивейшие страны, как, например, Спарта, которая даже саму идею о насилии не переносила на дух. Видимо, только после серьезных провокаций и угроз войны спартанцы плелись на ненавистную им войну. Да и было этих воинов-спартанцев всего-то триста человек. Фильм помните? Правда, их учили воевать с семилетнего возраста (и это было их единственное ремесло, которым они занимались всю оставшуюся жизнь), а все потому, что они были страшно миролюбивые.

Во всем, что касалось женщин, рабов и воинственности, древние афиняне были не лучше и не

хуже других окрестных народов. Однако в их жизни присутствовало совершенно уникальное явление: афинские граждане сами определяли политическое будущее своей страны.

Возникает вопрос: почему же у многих ученых, исследователей, историков демократическая система классических Афин вызывает нескрываемую усмешку? Я полагаю, что они волей-неволей примеривают к древнегреческому обществу одежду западноевропейского либерализма – концепции, созданной в XVIII веке и являющейся прямым потомком эпохи Возрождения. Иной академик-эллинист, будучи сам либералом, убежден, что каждая демократия по определению свободна и либеральна. Однако это не так. Обнаруживается, что древние греки обошли стороной многие ценности, дорогие сердцу каждого современного либерала. Афиняне «забыли», например, создать стройную систему пенсионного обеспечения по старости. Ну как же не поставить это им в вину?

Поднять руки для подсчета голосов!

Одной из особенностей реальной демократии является искусство убеждения, умение убедить людей выбирать тех или иных политических деятелей, которые придут в парламент и будут принимать те или иные решения. Участие самого избирателя в законотворческом процессе отсутствует напрочь. В действительности мнением народа интересуются лишь в день выборов, забывая о его интересах во все остальное время. Именно так устроена современная западная так называемая демократическая

система. Не удивительно, что народ столь апатичен к политикам в частности и к политике вообще. Разве что некоторые группы и движения способны высечь искорку общественного интереса – такие, как «Национальное Доверие» и «RSPB» (в последнем движении нынче больше акционеров, чем в остальных партиях, вместе взятых); причем они не только говорят, но и делают.

Все современные развитые демократии я называю «виртуальными», потому что под правильной, красивой оберткой царствует отстраненность от истинных нужд избирателей. Демократические институты – сами по себе, а люди, которые вроде бы участвуют в демократическом процессе, но не имеют по-настоящему эффективной обратной связи, остаются от него в стороне. Однако есть в Европе страна, чья политическая система кардинально отличается от зрелых «виртуальных» демократий, – это Швейцария. Присмотримся: здесь отправляется истинное народовластие. Например, швейцарские граждане имеют право потребовать от своего парламента вынести любой обсуждаемый вопрос на всенародный референдум. Для того, чтобы инициировать референдум, достаточно собрать 50 тыс. подписей. В последние годы в Швейцарии на референдум выносились вопросы по ядерной энергетике, упразднении вооруженных сил, реформировании медицинского страхования и пособий по безработице. Граждане даже имеют право вынести на всеобщее обсуждение статьи швейцарской Конституции (правда, для этого нужно собрать 100 тыс. подписей).

На местном уровне, в 24 кантонах из 26, для голосования используются избирательные урны, а в двух кантонах один раз в год на одной из город-

ских площадей собираются граждане и после дебатов голосуют за тот или иной закон простым поднятием руки. Точь-в-точь как в Древних Афинах!

Похоже, что Швейцария не испытывает проблем со своей «архаичной» системой народного волеизъявления, а ее упорное нежелание войти в Европейский Союз никак не отражается на очень высоком уровне жизни и способности сотрудничать с соседними странами в таких вопросах, как взаимодействие полиции или контроль за наркотрафиком.

Остракизм

«Ostrakismos» (от древнегреч. «ostrakon» – «горшок», а также «посадка рассады в горшочки») – это слово в Древней Греции имело смысл не только садово-огородный, но и политический. Те деятели, чья лояльность находилась под подозрением, подвергались «остракизму» на Народном собрании, то есть массовой критике с последующей высылкой на десять лет. Эта процедура имела место не только в Афинах, но и на народных собраниях в Аргосе, Сиракузах и некоторых других городах и заключалась в том, что на горшках выцарапывались имена кандидатов на изгнание. Многие горшки оставались целехонькими; но горшки с именами неугодных разбивали. Интересно, что однажды на целой партии горшков было написано одно и то же имя, причем явно одной и той же рукой! Скорее всего в какой-то день на Собрание пришло так много неграмотных, что кому-то пришлось царапать имя ненавистного деятеля на каждом горшке.

Острака – кусочек разбитого горшка с нацарапанным на нем именем жителя Афин, которому предлагалось уйти в изгнание

Видимо, не случайно, что именно в Древних Афинах вместе с развитием демократии совершенствовалось искусство уговаривать,

убеждать людей – то есть «риторика» (от древнегреч. «rhetor» – «говорящий»). Желавший добиться от Народного собрания нужного для себя результата был просто обязан ясно и доходчиво объяснять людям, почему важно принять то или иное решение. Как и сегодня, находились необыкновенно яркие, талантливые ораторы. А если вы не умели говорить, не владели даром убеждения, то никакими подарками было невозможно завоевать популярность в народе. Кстати, риторика была одним из основных предметов и в древнеримской, и в древнегреческой школе. То есть уже с детства маленьких эллинов и римлян учили ясно излагать свои мысли и убеждать оппонентов – качествам, востребованным, к сожалению, не только при демократическом устройстве общества.

Искусство убеждения – не такая безобидная вещь, как кажется. Блестящими, напористыми ораторами были и Гитлер, и Геббельс – они могли «уболтать», довести до помешательства любую аудиторию. Уже в древности понимали, что ораторское искусство – обоюдоострое оружие, которое, как огонь или нож, может нести людям добро и зло. Ну, а слушателям должно доставать опыта и внутренних убеждений, чтобы различать, дей-

ствительно ли оратору есть что сказать или он всего лишь упражняется в пустой риторике.

Для того чтобы добиться успеха на поприще афинской политики, выступавшему приходилось убеждать искушенное и зачастую скептически настроенное Народное собрание в своей правоте. Очевидно, что таким искусством в совершенстве владел Перикл. На это указывает то, что он пятнадцать (!) раз занимал пост главного афинского полководца – «стратега» – факт беспрецедентный. Он был не только блестящим военачальником, но и не менее искусным ритором. Ему удавалось убеждать Собрание по самым острым вопросам, а это дорогого стоит. Мы знаем, что Народное собрание как высший орган мог отправить в отставку и даже изгнать восвояси зарвавшегося политика. Такое случилось и с Периклом – однажды он был подвергнут ostracism за финансовые злоупотребления.

Демократия за работой

Было бы полезно, если мы с самого начала стали бы разделять понятия «древние греки» и «древние афиняне». Говоря «Древняя Греция», многие подразумевают, что речь идет о «Древних Афинах», и эта путаница тянется со школьной скамьи. Тем не менее это не одно и то же.

Классическая Эллада не была единым политическим образованием. Она состояла из сотен независимых, автономных «городов-полисов» (древнегреч. «polis» – «город». Отсюда – «политика», «полития»), каждый из которых имел свои традиции, политическую и денежную системы, диалект и т. д.

Объединяли их общий древнегреческий язык и поклонение одним и тем же богам. Примерами полисов являются Афины, Спарта, Коринф, Фивы (не путать с древнеегипетскими Фивами), Аргос и многие другие. Некоторые полисы постоянно враждовали друг с другом. Мы знаем, что примерно половина городов-полисов имела демократическую систему правления, а другой половиной заправляли тираны либо олигархи. Как видим, демократия в эллинистическом мире не была явлением универсальным.

Грекоговорящие жили в полисах, расположенных практически по всему Средиземноморью, поэтому повсюду мы находим остатки древнегреческих храмов и другие признаки некогда процветавшей цивилизации. Последние подсчеты дают нам достаточно достоверное их количество – 1035. Города-полисы часто называют городами-государствами, потому что это образование чаще всего состояло из собственно города и окружавшей его подконтрольной территории. Древние Афины состояли, например, из города (собственно Афин) и прилегающей к нему территории (полуостров Аттика и несколько мелких островов). С населением около 300 тыс. жителей Афины были самым большим полисом эллинистического мира.

Функция государства

Здоровый, эффективный капитализм позволил создать так называемые государства «всеобщего процветания», в одном из которых мы и живем. Одной из функций нашего государства является поддержание и контроль главной экономической

составляющей нашего благополучия – устойчивой финансовой системы. Финансовая система (банки, активы, денежное обращение и т. д.), в свою очередь, является, как известно, «сердцем и кровью» любой капиталистической экономики. Для своего успешного функционирования государство как совокупность различных институтов (армия, полиция, образование, общественная и военная инфраструктура и т. п.) должно собирать с населения и бизнеса деньги в виде налогов и справедливо их распределять. Для того чтобы собирать денег все больше и больше, государство должно способствовать расширению налоговой базы, то есть, в итоге, косвенно или напрямую укреплять бизнес и помогать ему в создании все большего числа рабочих мест. Также государство может увеличивать количество рабочих мест для бюджетников.

Античные государства не занимались напрямую созданием рабочих мест, хотя время от времени организовывало общественные работы, на которых в основном использовался труд рабов. Древние греки в основной своей массе были крестьянами, а экономика представляла собой большей частью сельхозпроизводство. Специфика античного сельского хозяйства – самодостаточность и натуральность. Жившие в маленьких полисах-поселениях крестьяне, целью которых было элементарное выживание, должны были сами оборонять свое мини-государство либо взывать о помощи через народные собрания (если форма правления была демократическая). Потому и основной функцией государства-полиса было не создание рабочих мест, не сбор налогов (и уж тем более не постоянное их повышение – этим зай-

мутся через некоторое время римляне), а обеспечение выживаемости населения. Государству требовались смелые граждане. Интересно, что сам язык помогает понять нам дух той эпохи: «храбрый» – по-древнегречески «agathos». Со временем это слово стало обозначать и «действенный», и «превосходный», и «хороший в чем-либо». То есть в Древней Греции два понятия стали эквивалентны – «храбрый воин» и «эффективный хозяин». Государство не скатывалось к примитивной фискальной политике, но хотело, чтобы под его сенью жили «хорошие граждане», отличавшиеся трудолюбием, добродетелью и готовые в любой момент встать на защиту своего маленького полиса. В рассуждениях философов той поры превалировали простые понятия добра и зла, справедливости и доблести; в речах политиков также звучали темы отнюдь не «товарно-денежные» – о долге перед родиной, о жертвенности и благотворительности, амбициях, дружбе и патриотизме.

Древние не приняли бы наши тезисы о примате частных интересов над общественными; не поняли бы они и наших рассуждений о «правах человека» и о «личном правовом иммунитете». Свое отношение к отдельному человеку древние греки определяли по тому, как этот человек ладил с законом. В их понимании не могло быть индивидуальной свободы без уважения к законам полиса.

Представим террориста-неудачника Ибрагима Мухтара Саида, выходящего из взорванного им автобуса с поднятыми руками, окруженного спецназом и кричащего: «Не стреляйте! У меня есть все права!» Окажись на том месте древние греки, они возразили бы: «С какой стати?!» – «Но ведь я че-

ловек!» – «А какое это имеет значение?» Лицемерие, прикрытое разглагольствованиями о «правах человека», в античном мире не прошло бы.

Новичок Бенн

В своей телевизионной программе, посвященной демократии, ведущий Тони Бенн признал, что именно древние греки ее придумали, однако подал это так, что будто бы эллины иногда собирались на тусовки, где и обсуждали разные вопросы. Вот такой интерес к истории у мистера Бенна – невежественного, самодовольного, самоуверенного дилетанта.

Известно, что демократию впервые ввел афинянин Клисфен в 508 г. до н. э. Он сверг тиранию Писистратов и организовал местное самоуправление. Конечно, прошло немало времени – это правда, мистер Бенн, – прежде чем устоялись основные демократические процедуры и принципы.

Народное собрание

Независимый и полномочный орган, принимавший в Древних Афинах все наиболее важные государственные решения, назывался Народным собранием (древнегреч. «ekklesia» – буквально «те, которые закричали»). Много позже этот термин стал общецерковным. Правом присутствия и голосования на Собрании обладали мужчины старше восемнадцати лет, у которых хотя бы один из родителей имел афинское гражданство. В Древних Афинах проживало, вероятно, около 30–40 тыс.

граждан мужского пола. В других городах-полисах проживало не более 500–2000 взрослых граждан-мужчин. Собрание происходило регулярно, один раз в восемь дней, и, хотя мы не знаем точно, сколько участников обычно присутствовало, достоверно известно, что в некоторых особо важных случаях требовался кворум в 6 тыс. человек. Разумеется, чаще заседали граждане, жившие непосредственно в Афинах или окрестностях. Голос остальной Аттики был, конечно, слышен реже: к примеру, самый отдаленный от Афин населенный пункт – деревня на мысе Сунион – находился в 32 милях, что далеко даже в наше время..

Совет («Boule»)

Каждый из вас, кто когда-нибудь участвовал в работе какого-нибудь комитета, знает, что перед основным заседанием обычно составляют повестку дня. Для этого требуется небольшой орган из нескольких человек, которые эту повестку составляют. Повестку дня для Народного собрания готовил Совет (древнегреч. «boule» – букв. «план», «схема»). Он состоял из пятисот человек, назначенных на один год. Эти люди могли находиться в Совете два года, но не подряд. В результате через Совет проходила едва ли не половина граждан Афин! Члены Совета назначались от всех 139 «демов» (округов) по всей Аттике. «Дем» («demos») – «народ», «земство», «община». Каждый дем назначал своих посланцев в зависимости от числа жителей, причем потенциальные делегаты тянули жребий. Такая процедура древним грекам ка-

залась более справедливой, нежели прямые выборы с голосованием. Против выборов возражал, в частности, Аристотель, считая их процедурой не демократической, а скорее «меритократической», то есть такой, где людей выбирают по их таланту и заслугам. Истинно демократический выбор по жребию лишен главного недостатка – субъективности, полагал великий мыслитель.

В меритократизме я лично не вижу ничего дурного. Возьмите нашу «Национальную лотерею» – ничего меритократического, правда? Демократия в чистом виде; правда, пока у вас есть денежка в один фунт.

Тем не менее требования к членам Совета, даже если они и выбраны слепым жребием, были очень высоки, а работа самого Совета – эффективной. Орган собирался ежедневно, подготавливая и координируя работу Собрания. Кстати, члены Совета получали за свою работу жалованье.

Верховный Совет («Prutaneis»)

Если Совет составлял повестку дня для работы Народного собрания, то самим Советом руководил Верховный Совет. Политический год в Древних Афинах делился на десять тридцатидневных «сессии», и Верховный Совет, состоявший из 50 человек, членом Совета (причем каждую сессию эти 50 человек заменялись другими), занимал для своей работы Торжественный зал, предназначенный не только для заседаний, но и для торжественных приемов почетных гостей. В течение 36-дневной сессии полсотни членом Верховного Совета анализировали по-

литическую ситуацию и решали, по каким вопросам нужно собирать Совет. А может, это действительно продуктивная идея – предоставить нашим парламентариям на время их деятельности некое помещение или даже целый дворец, вместо того чтобы выплачивать им огромные субсидии, на которые они покупают дома в престижных районах? Следует заметить, что один из «пятидесяти» становился председательствующим в Верховном Совете с правом вето на целые сутки. Был председательствующим и Сократ; правда, в его «смену» случилась неприятная история, но об этом позже.

Из гражданина – в члены Собрания

Всякий, кто каким-то образом мог иметь отношение к работе Народного собрания – будь то гражданин, которому только что исполнилось 18 лет, военачальник с докладом о текущей военной обстановке, курьер, жалобщик или посол иностранной державы, – должен был предстать в Торжественном зале. Там дело прибывшего рассматривали, обсуждали, а затем передавали в Совет. Совет, в свою очередь, решив, что дело имеет государственное значение, выносил его на Собрание. Если Собранию дело казалось несущественным или «сырым», его отправляли обратно в Совет.

Законы – в действие

Все решения, принятые Народным собранием, передавались в Совет, который, в свою очередь,

выступал теперь в качестве исполнительного органа и назначал соответствующих функционеров или военачальников для их исполнения. Самым важным обстоятельством, на мой взгляд, было то, что члены Совета выбирались лишь на год с помощью (в это невозможно поверить) жребия. Иными словами, это – как если бы вы, захотев стать министром здравоохранения, вынимали из шляпы нужную записку – и «дело в шляпе!». Откровенно говоря, мне такая система кажется порочной. Членом Совета, а по сути членом правительства, с помощью такой лотереи мог бы стать Рой Хаттерсли или Кеннет Бейкер. Представьте катастрофические последствия для всех нас в результате такой лотереи!

Власть чиновников

Главные военачальники (их было 10 человек) – «стратеги» («strategoí») – руководили всеми военными операциями. В V в. до н. э. они имели огромное политическое влияние на Собрание и жизнь общества. Однако уже в IV в. до н.э. их влияние стало ослабевать. Должность стратега была исключительно выборной (одна из немногих в древнеафинской политической системе), и потому любой из них мог оставаться на своем посту несколько лет кряду. Этим объясняется политическое долголетие и длительное влияние на жизнь общества такого видного деятеля, как Перикл, доминировавшего на афинской политической сцене с 443 по 429 г. до н.э.

Подавляющее большинство других полити-

Античность дала нам демократию. Одним из самых влиятельных государственных деятелей Афин был Перикл, многое сделавший для ее развития

ков (Аристотель упоминает о семистах из них) занимали свои посты лишь в течение одного года. Законодатели, аудиторы, сборщики налогов, юридические консультанты и советники, оценщики недвижимости, портовые контролеры, таможенники – все эти государственные служащие избирались на окружном уровне, а затем, добившись успехов и проявив усердие на своем поприще, тянули жребий, который мог перенести их на вершины политической или административной власти.

Однако существовало нечто такое, что нередко мешало амбициозным гражданам продвигаться по карьерной лестнице...

Контроль и проверка

Этим «нечто» были регулярные проверки, которым подвергались все древнеафинские служащие и чиновники. Каждого из них любой рядовой гражданин мог обвинить в непрофессионализме и несоответствии занимаемой должности. В конце же отпущенного годового срока служащему устраивали настоящий экзамен, причем детально проверялась не только его деятельность на занимаемом посту, но и его финансовое и имущественное

состояние. Если обнаруживались недостатки, провалы в работе или финансовые злоупотребления, то Собрание или суд (в котором, также, заседали лица старше тридцати лет) подвергали нарушителей наказанию. Строгость наказания зависела от тяжести проступка и варьировалась от штрафа до изгнания и даже смертной казни.

Сравнение древнеафинской системы контроля, аудита и защиты граждан с нашим парламентским институтом омбудсменов явно не в пользу последнего. Омбудсмены призваны рассматривать жалобы на парламентариев, членов правительства, их деятельность, а также работу парламента и правительства в целом. И что же? В марте 2006 года парламентский омбудсмен обвинил правительство в плохом администрировании и попустительстве, выразившемся в том, что руководство некой разорившейся компании, оставшись не у дел, тем не менее сохранило для себя весьма неплохие льготы, субсидии и даже пенсии. Государственный секретарь отверг рапорт, мотивировав тем, что «ему, а не омбудсмену решать, что считать «плохим администрированием» и вызваны ли финансовые махинации «попустительством» со стороны правительства». А недавно палата общин под общий хохот отвергла предложения квалифицировать некоторые выступления депутатов как «обман по отношению к парламенту» (такая практика существует в США и где-то еще, когда заведомо ложное информирование органов власти влечет вполне ощутимые последствия – т. н. «*mutatis mutandis*», то есть уголовное преследование за такое деяние).

Блестяще! Какой-нибудь афинянин в лепешку

разбился бы в погоне за теплым управленческим местечком, гарантирующим такую безбедность и безнаказанность! Фантастика! Однако, зная, что по окончании должностного срока предстояла строжайшая проверка, наш эллин трижды подумал бы, прежде чем допустить, чтобы его имя было связано с какими-то неблагоприятными поступками. Афинское Собрание преступлений, имевших общественное звучание, не прощало. Попался бы под его горячую руку незадачливый парламентарий Дэрек Конузэй, недавно спустивший общественные деньги на обустройство своего семейного гнездышка! Афиняне быстро вывели бы казнокрада на чистую воду по итогам неизбежной публичной аудиторской проверки его средств и недвижимости. Спикер же нашего парламента с ходу отверг предложения ввести независимый внешний аудит депутатских расходов по причине «неприкасаемости парламентариев». Расценивайте это как хотите.

Древние афиняне слыли народом скрупулезным, ответственным, компетентным и необычайно дорожившим своим общественным положением; причем чем выше на социальной лестнице они находились, тем большим набором этих добродетелей обладали. «Протягивай руку ближнему и будь непреклонен с врагами» – так мы озвучили бы кредо древнего эллина. Халатность, безалаберность, нерадивость на ниве служения обществу тотчас вызывали неприятие окружающих и нападки оппонентов. Обвиненный в некомпетентности афинянин, как видим, был обречен на жесткую общественную обструкцию. Цена ошибки или неудачи была необычайно высока.

Возможно, наши политики строже оценивали

бы свою деятельность, знай они, что в конце своего депутатского срока им пришлось бы отвечать по высшему счету. Кстати, в Афинах в среднем за год из десяти стратегов казнили двоих.

Иногда народ ошибается

Иногда бурная деятельность афинского Народного собрания, а точнее, его решения оставляли горький привкус несправедливости, как это случилось после морской битвы между Афинами и Спартой в 406 г. до н. э. В эту сомнительную историю «вляпался» даже Сократ. Вот что поведал нам историк Ксенофонт, современник и свидетель событий.

Два противоборствующих флота столкнулись между собой у Аргинузий – маленькой группы островов, зажатых между Лесбосом и западным побережьем Малой Азии. Афиняне выиграли схватку, но вскоре их накрыл жестокий шторм. Восемь флотоводцев-стратегов решали, как спасти сорок семь кораблей и их команды, но шторм был так силен, что не обошлось без потерь. Потрепанный флот вернулся домой, недосчитавшись не только многих моряков, но и двоих стратегов. Возможно, что они действительно погибли, но этого никто не видел. В Афинах же решили по-своему: пропавшие без вести стратеги, предвидя, что ожидает их на родине, попросту скрылись.

Вернувшихся шестерых стратегов Совет тотчас заключил под стражу, а позднее вызвал на Собрание. Там стратеги заявили, что ни в чем не виноваты, и попытались отвести подозрения от тех, кого они послали (двое стратегов якобы вызвались

сами) собирать тела погибших товарищей – шторм не пощадил никого. Кто-то на Собрании согласился с объяснениями стратегов и предложил выпустить их из заточения под залог. Началось голосование, но над Афинами опустилась ночь и уже «нельзя было разглядеть и подсчитать поднятые руки». Голосование решили перенести, и на следующем Собрании было принято решение поручить Совету подготовить предложения о способе и сроках судебного разбирательства над шестерыми незадачливыми флотоводцами. Но здесь слово взял некий Калликсиний и попытался убедить Собрание, что судить стратегов нужно всех вместе и, в случае признания их вины, казнить. Теперь настала очередь некоего Эвриптолема, который обвинил самого Калликсиния в посягательстве на афинские законы (в Афинах человека можно было судить лишь в индивидуальном порядке).

Как голосовали на Народном собрании

Как же проходила на Собрании процедура голосования? Ксенофонт утверждает, что свою позицию граждане выражали простым поднятием руки – точно так же, как это происходит сегодня на кантональных референдумах в Швейцарии. В альпийской республике на голосования приходят тысячи людей, а подсчет голосов ведут восемь ассессоров. Оценив соотношение проголосовавших «за» и «против», они подают результаты председательствующему. Если шестеро или более ассессоров определяют, что большинством принято какое-либо

решение, председательствующий объявляет свой вердикт. Если оценки совпали у менее чем шестерых ассессоров, голосование и подсчет повторяют. Если и на этот раз нет совпадения, то собравшихся на площади людей просят разделить: в одну сторону предлагают отойти проголосовавших «за», а в другую тех, кто сказал «против». На этот раз ассессоры производят точный подсчет голосов. Свидетели процедуры рассказывают о том, с какой легкостью и быстротой определяют результаты открытого голосования. В Афинах подсчет голосов проводили девять «proedroi», специально выбранные Верховным Советом для работы лишь на одном заседании Собрания.

Эвриптолемий даже предложил вызвать предыдущего оратора в суд. Ксенофонт продолжает: «Некоторые заплодировали, но большинство подняло крик в адрес Эвриптолемия, обвинив его в том, что он затыкает рот Собранию: «Это возмутительно, когда кто-то не дает народу принимать решения по своему усмотрению». Все члены Верховного Совета («Prutaneis») поддержали Эвриптолемия, но под нажимом неистовствующей толпы отступили. Многие, но не Сократ (в тот момент он также был в составе Верховного Совета). Вот что он сказал на том знаменитом Собрании (речь Сократа оставил для потомков его друг Платон):

«Друзья мои! Случилось так, что я служу в Верховном Совете как раз в тот момент, когда вы решили предать суду стратегов, не сумевших спасти наших воинов после морской битвы. Вы решили судить их всех вместе, как единое целое, что незаконно и с чем вы впоследствии согласились. Я — единственный из Верховного Совета, кто выступил

против беззакония. Я знаю, что вы готовы арестовать меня, за что здесь многие выступают и даже настаивают. Однако я решил исполнить свой долг и остаться на стороне закона, невзирая на страх оказаться в тюрьме или быть казненным».

Сократ с честью вышел из этого щекотливого положения. Собрание прислушалось к словам Сократа и уже не освистывало Эвриптолемию, который теперь спокойно убеждал собравшихся судить военачальников по отдельности и наказать их в строгом соответствии со степенью их вины. Предложение Эвриптолемию было поставлено на голосование и, к всеобщему удивлению, одержало верх. Но радость его сторонников была недолгой: противники подали протест, и результаты счетчиков-proedroi признали ошибочными. Назначенное переголосование показало совершенно обратную картину: «По результатам повторного голосования все восемь стратегов ВМЕСТЕ были признаны виновными, и шестеро из них (те, кто вернулся в Афины) казнены. Впоследствии афиняне пожалели о скорой расправе и путем голосования решили привлечь к суду тех, кто призывал Собрание к беззаконию». К сожалению, обстоятельства сложились так, что это решение Собрания не воплотилось в жизнь.

Вопросы жизни и смерти, решения «на острие ножа», грозная атмосфера во время работы Собрания – не слишком ли сильно для легкомысленной программки Тони Бенна? Вдумайтесь в этот пассаж: «Это возмутительно, когда кто-то не дает народу решать так, как он хочет». Афинское Народное собрание было суверенным и полномочным органом и могло преступить свои же

законы, как в случае с несчастными флотоводцами. Но заметьте, что, осознав ошибку, народ решил ее исправить и постановил предать суду тех, кто привел Собрание к трагическому решению. Те индивидуумы, которые воспользовались накалом страстей, могли бы сказать: «Вы же сами голосовали за нарушение закона». Что ж – народ, как и любой демократический организм, тоже может ошибаться.

Инстинкт толпы?

Эту историю с осуждением и казнью стратегов кто-то может легко использовать для дискредитации древнеафинской системы прямого народного волеизъявления, увидев в этом эпизоде проявление инстинктов толпы. Чем не сборище футбольных фанатов, в низменном порыве крушащих все и вся после поражения любимой команды? Давайте отметим три момента:

- Голосование проводилось открыто, наглядно, быстро, подавлением еще не остывших эмоций – как бы «по горячим следам». Не всегда можно было так же быстро вникнуть во все тонкости рассматриваемого дела и принять верное, объективное решение.
- Такие решения и такие коллизии, о которых рассказал Ксенофонт, случались нечасто.
- Участники данного Собрания пожалели о своем вердикте и попытались исправить ошибку. Скажите, какой бы из наших выбранных в парламент олигархов решился бы на такое?

На самом деле Собрание в основном выносило очень ответственные решения. При желании оно могло бы осыпать себя и сограждан горами золота, но до таких глупостей, такого популизма оно не доходило. Например, после открытия богатой серебряной жилы в Лауриуме в 483 г. до н. э. Собрание задалось вопросом: а что, собственно, делать с этим свалившимся на голову богатством? Некоторые легкомысленно предлагали поделить деньги от продажи серебра между всеми гражданами. На другом решении настаивал Фемистокл – он доказывал необходимость постройки мощного военного флота, который мог бы контролировать все Эгейское море на многие десятилетия вперед. Собрание проявило мудрость и дальновидность, выбрав второй вариант. Результат не заставил себя ждать: обуреваемые жаждой мести за позорное поражение от афинян при Марафоне, персы попытались взять реванш, но их флот был наголову разбит у острова Саламин в 479 г. до н. э.

Оружие массового поражения

Древние использовали простые материалы и продукты естественного происхождения во всех своих целях, не имея при этом практически никаких знаний в химии и биологии (и, уж конечно, оставим в стороне ядерные технологии). Поэтому в отсутствие знаний они не умели создавать новые вещества, продукты и материалы; равно как без этих знаний невозможно было создать огнестрельное, химическое и биологическое оружие. К примеру, сибирская язва имеет вполне натуральное

происхождение, но лишь в новейшую эпоху стало возможным выделить бациллы этой абсолютно смертельной заразы; а современные технологии позволяют использовать ее в качестве бактериологического оружия, то есть рассеивать бациллы над территорией противника либо пересылать по почте «нужному адресату».

Ничего из того, что использовали древние, нельзя было превратить в оружие массового поражения, способное убивать тысячи людей без разбору. Разве что огонь – поджоги, пожары... Иногда травили ядом источники питьевой воды. Была еще одна возможность навести порчу на врагов – обратиться к богам. Как тут не вспомнить трюк Моисея с осушением Красного моря, давшего возможность евреям благополучно ускользнуть от преследования египтян. Однако на богов не всегда можно было положиться.

Тем не менее нам доподлинно известно о нескольких любопытных изобретениях военного характера, сделанных в древности. Ганнибал, например, пытался использовать слонов в качестве тарана. К большому для него сожалению, в боевых условиях слоны выходили из-под контроля и начинали топтать всех, кто попадался на их пути. Однажды Ганнибал приказал забросать вражеский корабль...ядовитыми змеями. Известно также, что римляне катапультировали на неприятельские лагеря рои диких пчел и осиные гнезда. А в 627 г. византийцы применили против арабов горшки с горючим веществом (называвшимся «греческим огнем» – прообразом современного напалма). По всей видимости, основой «греческого огня» являлись некоторые смолы, а также гудрон. Возмож-

но, в состав смеси входила и нефть, которая кое-где через земные трещины выходила наружу и могла быть собрана прямо с поверхности земли. Используемая вперемешку с белым фосфором, адская смесь становилась чрезвычайно липкой; ее невозможно было погасить, и если подожженный горшок с «греческим огнем» попадал на деревянную палубу, то корабль был обречен. И все-таки это – не оружие массового поражения в современном понимании этого словосочетания.

Наивысшим достижением военной мысли в античную эпоху принято считать древнегреческие триремы и организационную структуру древнеримской армии – легионы и центурии.

Нельзя отрицать, конечно, что во многих случаях действия древнеафинского государства гипотетически подпадали бы под осуждение и санкции ООН (которые, впрочем, будучи демократами, афиняне, несомненно, проигнорировали бы). Однако важно понять, что афинское общество в этом смысле не было уникальным. Воинственные устремления и агрессия по отношению к соседям были характерны для всех без исключения стран Средиземноморья, однако Древние Афины были единственным государством, чья политика полностью контролировалась ее населением. Это была «*demokratia*».

ЗАКОН И ПРАВОСУДИЕ

Демократическое право

В 2004 г. лорды-судьи – высшая судебная инстанция на территории страны, чьи постановления может оспорить только Европейский суд, определили, что бесконечные преследования людей по подозрению в террористических приготовлениях несовместимы с «Хартией о правах человека» и «Европейской конвенцией о правах человека». Рэйчел Дэнбер из «Human Rights Watch» сказала, что «это чрезвычайно показательное и важное решение: лорды-судьи напомнили нам очевидную мысль, что даже страхом терроризма нельзя оправдать отход от базовых принципов свободы и справедливости».

Древних греков шокировали бы оба высказывания. Привыкших самим решать судьбу своего государства, а значит, свою собственную, афинян покоробили бы поучения каких-то деятелей, ко-

торых народ не выбирал. Особенно их возмутило бы, что эти лорды-судьи назначены пожизненно и к тому же все свои решения они принимают почему-то с оглядкой на мнение Европы. «А как же афинский народ? – воскликнули бы древние. – Разве у нас нет права на самоопределение?»

Что же касается видения миссис Дэнбер, афинян удивило бы, что «принципы свободы» позволяют пожизненно назначенным и непонятно откуда взявшимся лордам-судьям не считаться с решениями демократически избранного парламента. С другой стороны, увидев, что «демократически избранный парламента» на самом деле является демократически избранным сборищем олигархов, они, возможно, согласились бы с тем, что нужен некий надзирающий за действиями и решениями этих олигархов орган. То есть от олигархов нужна защита. «Простите, – сказали бы древние греки, – что же это за правительство, называющее себя «народным» (говоря словами Линкольна, «правительство народа, от народа и для народа»), от которого еще нужно защищаться?» Налицо логический абсурд: народу нужна защита от такого правления, которое сам для себя и создал. При истинной, настоящей демократии только народ может быть источником законов, которые затем будет исполнять или отвергать по своей воле. Не нужно приписывать ему априори никакого энгельсовского «ошибочного сознания», то есть неверия в то, что народ не в состоянии разобраться, в чем заключаются его собственные интересы.

Мы видим, насколько обманчива сентенция Линкольна, блестяще и пафосно звучащая. Не

было никогда и нигде правления «народа, от народа и для народа», кроме короткого периода афинской демократии 2500 лет (!) тому назад.

Подчиняться закону

Древние греки высоко ценили законность и правосудие. Они видели, что именно институт права, жизнь по закону (как и язык, и разум) отличает человека от животного мира и дает возможность мирно сосуществовать в сообществе себе подобных. Правда, они также видели, что человеческое существо, в отличие от животных, может сознательно преступить закон, избить, ограбить или даже убить своего ближнего. Среди животных, как известно, «ворон ворону глаз не выклюет». Все это придает закону еще большую ценность. Афиняне не только уважали и ценили закон, но еще и были единственными в древнем мире, кто так трепетно относился к институту, который, по их словам, «отличает человека от животных» (в отличие от нашей коллекции олигархов и лордов, не говоря уже о европейцах). Афинский народ подчинялся закону, который сам же и создавал.

Права животных

Древних очень занимали вопросы, касающиеся отношения человека к животным. Те, кто, как и Пифагор, верил, что души людей переселяются в животных, убийство братьев наших меньших считали грехом и преступлением не меньшим, чем

Сократ

преступление против другого человека. Другие же пытались осмыслить разницу между человеческим и животным миром. Древнегреческий мыслитель VI в. до н.э. Алкмеон считал, что только человеку доступен разум, в то время как животные способны лишь на восприятие внешних сигналов без их осмысления. Анаксагор, философ V в. до н. э., полагал, что только человеку присущи такие свойства, как память, опыт, любопытство и стремление к познанию. Аристотель категорически отрицал наличие у животных интеллекта в любом его проявлении. Их восприятие, считал он, пробуждает в них лишь самые примитивные чувства («то, что я вижу перед собой – съедобно»), однако это восприятие не вызывает у животных мыслительных процессов; кроме того, ни одно животное не оценивает свои действия с точки зрения морали.

Интересно, что дискуссия на эту тему среди древнегреческих мыслителей была необычайно острой. Например, Плутарх и Порфирий (последний – в более позднее время) приписывали животным такие качества, как память, избирательное отношение к другим особям и даже способность давать своим собратьям оценку; а иначе, спрашивали они, почему животные убегают от своих врагов? Стоики видели различие людей и животных лишь в способности первых произносить осмысленную членораздельную речь. «Но разве животные не отзываются на человеческие слова?» – парировал Порфирий.

Все эти рассуждения в конечном итоге упирались в дилемму: «есть или нет права у животных?». Последователи Эпикура были уверены, что юридические права, как и обязанности, могут быть лишь у тех, кто связан с обществом какими-либо юридическими отношениями, и поэтому у животных, конечно же, никаких прав быть не может. Тем не менее и Плутарх, и Порфирий, далеко опережая свое время, утверждали, что животные достойны такого же уважения, как люди, хотя бы из-за способности чувствовать и страдать.

Еще более укрепил власть закона, повысил ценность законопослушания в глазах своих сограждан Сократ. Когда он ожидал своей казни, его друг Критон предложил афинянам заменить казнь философа его изгнанием. Но тут воспротивился сам Сократ, объясняя это тем, что невыполнение однажды принятого судебного решения ведет к принижению закона. Существует некое соглашение, юридически закрепленные отношения между законом и каждым афинянином, между государством и каждым гражданином, причем даже более строгие, чем традиционные отношения внутри семьи, между родителями и детьми. Как выразился сам Сократ:

«Афины – это священный город, хранимый богами. Каждый здравомыслящий человек должен любить свою родину больше, чем отца, мать и своих потомков. Преступление против родителей – огромный грех; но куда больший грех – преступление против государства».

Свои рассуждения Сократ заключил тем, что каждый человек может уехать и жить там, где он пожелает; он не обязан соглашаться с «условно-

стями и обязательствами», которые на него налагает государство посредством своих законов. Но если он однажды присягнул перед государством, а затем отказался от своего долга, то он не имеет права более жаловаться на свою судьбу.

Отречься от свободы, взойти на эшафот по своей воле ради торжества закона – для нашего времени, согласитесь, это, мягко говоря, ненормально. Обычно мы связываем такое поведение с религиозными убеждениями, мученичеством; но мученики терпят вовсе не ради утверждения верховенства закона, а по соображениям несколько иным: они вправе ожидать должного воздаяния на небесах. Кстати, римские губернаторы в отдаленных провинциях, как могли, пытались пресечь эти странные, по их мнению, наклонности первых христиан, объясняя манифестации мученичества скорее склонностью к суициду, чем вызовом государственным устоям империи.

Несмотря на сократовскую романтическую идеализацию «рожденного народом» права, хотелось бы заверить вас, что чувства брошенного за решетку афинянина вряд ли отличаются от настроений его нынешнего британского собрата. Брошенному в темницу бедолаге во все времена хотелось только одного – побыстрее выбраться из застенков.

Хороший «коп», плохой «коп», и совсем без «копов»

После всех этих разговоров о правосудии, тюрьмах, упрямом Сократе и прочем хочется спросить: а как же полиция? какова ее роль в антич-

ном мире? Так и представляется обычная картина из нашей обыденной жизни: вой сирены, лай собак, светящийся во тьме жезл дорожного полицейского, готовый к работе алкотестер, перегороженная красной ленточкой улица, задержания невинных прохожих, озабоченное лицо «копа», раскрывшего планшет и уже готового записывать ваши показания.

Представьте, ничего подобного в древнем мире не было: полицию просто не «изобрели». Как не было ничего похожего на нашу Королевскую прокурорскую службу, которая решает, кого следовало бы припугнуть, а кого довести до реального судебного преследования. Все судебные дела – от убийства до государственной измены, от нечестивости и хулиганства до воровства – возбуждались не государством, а некими частными лицами, выступавшими от имени потерпевших. Именно эти древние «адвокаты» подавали иски, после чего начиналось разбирательство (позднее мы остановимся на этом более подробно; кстати, стоит напомнить, что в Англии вплоть до конца XVIII в. обвинительные иски также вчинялись частными, имевшими на то разрешение лицами). Афинское государство не видело ничего дурного в таком институте истцов-посредников, позволяя многим своим гражданам зарабатывать на оформлении судебных исков. Случаи, когда судебные дела возбуждало само государство, были редки, и происходили они, как правило, во время войн или больших публичных событий. В такие моменты государство, по сути, становилось на стражу правопорядка. Так, в Риме во время игр по приказу императора Августа весь город оцепляли спе-

циальные люди, наблюдавшие за опустевшими домами и предотвращавшие, таким образом, повальное воровство.

«Усиленное полицейское присутствие» – расхожее словосочетание, давно ставшее клише в современной прессе. Увеличивают армию полицейских, но почему бы не стимулировать финансово людей (взяв это за правило), активно сотрудничающих с полицией или волею случая оказавшихся у места преступления? Справедливости ради, признаем, что и сейчас вознаграждаются ценные показания, «ведущие к аресту преступников», но этого явно недостаточно. Помимо того что оплачиваемая от случая к случаю «народная полиция» обходилась бы казне куда дешевле полиции профессиональной (учитывая жалованье, выслугу, льготы, субсидии и прочее) да и, видимо, в отдельных случаях эффективнее, такая сильная и хорошо оплачиваемая помощь правоохранительным органам воспитывала бы в людях чувство гражданской ответственности.

Без содействия народа полиция беспомощна, а равнодушие граждан («полиции платят хорошие деньги – вот пусть и работают») – самоубийственно. Недавно мужчину убили подростки, которым он сделал замечание. Другая трагедия произошла в семье, где во время игры в крикет сын убил отца. Сейчас многие ратуют за то, чтобы полицейские были везде и в любое время. В древности же людям оставалось лишь возмущаться поведением пятнадцатилетних бандитов, терроризировавших честных граждан, ни на кого не надеясь. Остались свидетельства детоубийства, когда отцы наказывали сыновей-злодеев смертью, на что имели пол-

ное право. Отцы семейств, «*paterfamilias*», считали наказание детей делом не частным, а общественным – в интересах всех граждан.

Суд присяжных

Древнегреческая судебная практика имела следующие особенности:

- Повторюсь еще раз: не было ни полиции, ни юридических консультантов, ни Королевской прокурорской службы. Если с вами поступили плохо или вы сами стали свидетелем чьего-либо преступления, вам предстояло самому инициировать судебный процесс либо воспользоваться услугами посредников.
- Слушания проходили в присутствии суда присяжных, состоявшего обычно из пятисот граждан старше тридцати лет, получавших жалованье и выбранных для определенного процесса по жребию из списка в 6 тыс. человек.
- Истец (обвинитель) и ответчик произносили только одну речь и, как правило, лично.
- Свидетельские показания зачитывали; однако к самим свидетелям во время слушаний вопросов не задавали.
- Присяжные внимательно слушали, а затем, не дискутируя, голосовали за определенный вердикт.
- Присяжные не руководили процессом в общепринятом смысле, то есть не указывали выступающему, что и как ему говорить; они не разъясняли положения законов; они не

пускались в пространные обсуждения и дебаты. Приговор обычно выносился на основании прецедента в зависимости от сути дела. Адвокатов, как таковых, не существовало. Обвиняемых никто не защищал. Также не предполагалось отводов и не принимались протесты.

Вот так это было. Сегодня нам не нужно бежать со своей челобитной в судебное присутствие. Сонм адвокатов, юрисконсультов, агентств за определенные деньги доведут иск до суда. На процессе теперь наше личное присутствие не обязательно. Можно даже купить занятую книжицу-инструкцию «Как выиграть судебный процесс?» за 15 фунтов. Все к нашим услугам. Очевидно, что одна из самых главных проблем сегодня – как получить деньги с виновного в случае положительного для истца исхода. Институт приставов настолько опутан инструкциями и ограничениями, что должнику порой удается выходить сухим из воды. В Древней Греции победитель процесса уверенной поступью шел к дому оппонента и на законном основании вселялся в него, как в собственный.

Третейский (арбитражный) суд

В древние времена так же, как и сегодня, старались не доводить дело до суда, а попытаться решить его полюбовно. Потерпевшая сторона собирала свидетелей и свидетельства, чтобы припереть обидчика к стенке и разрешить вопрос, что называется, на месте. Если оппонент был непреклонен,

стороны шли в частный третейский суд. Здесь им предстояло согласиться или не согласиться с составом суда, признать компетенцию и полномочия судей и в конце концов принять решение суда как окончательное и имеющее законную юридическую силу.

Если тяжба не разрешалась в частном третейском суде, то обе стороны договаривались предстать вместе со всеми свидетелями в определенный день перед «архоном» («arkhon» – общественный судья на государственной службе). Архон должен был решить, есть ли в деле основания для дальнейшего судебного разбирательства, на этот раз в общественном суде. Если дело имело перспективу, иск оформляли официально (то есть в письменной форме). Записывали также и аргументы ответчика. Обе стороны вносили денежный залог, равный судебным издержкам. Затем, по итогам разбирательства, оплата издержек ложилась целиком на плечи проигравшего.

В день слушаний обе стороны давали клятву говорить только правду и представляли свои доказательства перед судьей. На этот раз это был также общественный судья, который, в отличие от архона, не состоял на государственной службе и являлся афинским гражданином допризывного возраста, выбранным по жребию. Если общественный судья приходил к какому-то решению, то дело закрывали. Но если и на этот раз стороны оставались при своих интересах, то дело передавалось в суд присяжных – тот самый, в котором заседала коллегия из пятисот человек.

Улики и доказательства, в том числе оформленные в письменном виде, помещали в особый

ящик, который опечатывали, а затем, в свое время, вскрывали на суде присяжных. (Ящик этот назывался «ekkinos» – буквально «еж». Отсюда слово «ехидна»). Стоит заметить, что стороны по согласию вновь могли вернуться в самое начало – то есть предстать перед частным третейским судом.

Сказать, чтобы победить

Попасть в жернова древнеафинской юриспруденции – вовсе не означало лишиться свободы. Очевидно, что многое зависело от способности убедить в своей невиновности несколько сотен мужчин старше тридцати лет. Исход процесса во многом зависел и от весомости аргументов истца. Цель всех этих способностей и талантов одна – во что бы то ни стало победить.

Передо мной огромная толпа присяжных – пятьсот обыкновенных граждан. «Что мне сказать им, – думает истец или ответчик, – как мне убедить их, что я, в общем-то, нормальный малый, один из них и вполне достоин их симпатии и поддержки? Осторожнее со словами – не дай бог, привести их в ярость или вызвать отвращение. Лучше апеллировать к их чувствам и разуму».

Думаю, примерно таким образом ежедневно рассуждают очень многие люди – например, издатели, по сути, тонкие психологи, жаждущие как можно быстрее продать свои газеты и журналы; адвокаты, которые в отсутствие весомых аргументов в защиту своих клиентов апеллируют к жалости и состраданию судей и присяжных.

(«Такой теплый и добрый человек, этот мистер Масс-Мердер – разве он заслужил отторжение от общества?» или «Разве возможно, что такая образованная и безупречная мисс Кок-Педлер могла связаться с наркотиками?»). Древние греки задолго до нас знали толк в риторике и искусстве убеждения. В своем труде, который так и назывался «Искусство риторики», Аристотель, как в учебнике, подробнейшим образом объяснял, что и каким тоном говорить в той или иной ситуации. Это как раз то, что нужно современному адвокату или политику.

Одуревший от любви, или Некто против Симона

Ну, а теперь самое время взглянуть на реальное уголовное дело. Оно удивительно и любопытно. Не хуже занимательного чтива это судебное разбирательство дает нам представление о повседневной, обыденной жизни древних греков как бы изнутри, во всей ее живости и натуральности.

Рассказчик, чье имя нам неизвестно, защищает себя от обвинения в «преднамеренном нанесении ранения»; автором же обвинения является некий Симон. На процессе рассказчик грубо льстит присяжным (а такие дела слушались, как правило, перед лицом коллегии присяжных), а затем описывает, что произошло между ним и Симоном и почему. Рассказчик сетует, что «одурачил» сам себя, и вовсе не потому, что связался с мальчиком (этому не удивился бы ни один эллин); и не пото-

му, что считал себя старцем (люди старше сорока лет в ту эпоху действительно считались пожилыми), получившим в преклонные годы не покой, а судебный процесс. Нет. Причина – в огласке, уличных сплетнях и «подмоченной» репутации:

«Хотя я, в своем возрасте, и кажусь глупцом, спутавшимся с молодым парнем, прошу вас не думать обо мне плохо. Да – я влюбился. Это – естественно, и может случиться с каждым. Лучше всего, конечно, контролировать свои чувства и пытаться вести себя ответственно. Но этот Симон сделал все возможное, чтобы сбить меня с правильного пути, и я расскажу, как это было».

Ну, конечно же, во всем виноват какой-то там Симон. Перед нами ярчайший пример того, как отщепок, устыженный, пытается уйти от ответственности, очерняя репутацию оппонента. Если внимательно прочитать все дело, то выясняется, что Симон, владея мальчиком (который, кстати, не был афинянином) как рабом, видимо, одалживал его отщепку, не получив за это ни лепты. Вот здесь-то и пробежала между ними черная кошка. Послушаем рассказчика:

«Я влюбился в Феодотия – молодого человека из Платеи – и верил, что он, увидев мою заботу, ответит мне взаимностью. Совсем по-другому вел себя Симон: наверное, он думал, что угрозами и насилием можно заставить Феодотия исполнять свою прихоть. Не хватит нашего времени, чтобы описать все, что вынес мальчик от рук хозяина. Думаю, теперь пора рассказать вам честно о тех злодеяниях, которые Симон совершил и в отношении меня и моей семьи.

«Пьяный Симон ворвался в мой дом»

Когда Симону сказали, что мальчик находится у меня, он пришел к моему дому ночью, пьяный, выбил двери и ворвался в женскую половину. Там была моя сестра с племянницами. Эти женщины, которые вели кроткую и целомудренную жизнь, немало смутились, увидев Симона в таком виде. Но этот человек, похоже, совсем распоясался. На все увещевания моей сестры и молодых девушек он лишь отвечал площадной бранью. Мой дом он покинул лишь тогда, когда на шум бежали соседи. Даже те, кто сопровождал его до дому, отвернулись от него, посчитав его поступок вызывающим.

«Симон набросился на меня»

Но сожалел ли он потом о своем поведении? Ничуть. Узнав о том, что мы с молодым человеком обедаем, Симон впал в совершенную ярость. Он позвал меня на улицу и, когда я вышел, попытался меня ударить. Я дал ему сдачи, и тогда он, отбежав в сторону, принялся подбирать камни и швырять их в мою сторону. Ни разу не попав в меня, он угодил в голову одного из своих друзей, сопровождавших его до моего дома, Аристокрита. Видели бы вы его разбитый, окровавленный лоб! Меня так возмутил и напугал этот случай, что я решил побыстрее уехать из Афин.

«Симон ждал моего возвращения»

Итак, я забрал юношу с собой – хочу, чтобы вы знали всю правду, – и отбыл. Когда я уже был уверен, что по прошествии времени Симон должен был забыть о молодом человеке и раскаяться о сво-

ем неблагоприятном поведении, я вернулся. Я был уже на пути в Пирей, когда Симон каким-то образом узнал, что Феодотий уже вернулся в Афины и остановился у Лисимаха (Лисимах проживал по соседству с домом, который арендовал Симон). Симон созвал своих друзей и после обильного угощения расставил их вокруг дома Лисимаха. Несколько человек, в качестве наблюдателей, забрались на крышу. Завидев Феодотия, все должны были броситься к юноше, свалить его с ног, связать и вернуть хозяину.

*«Когда я вернулся, банда Симона снова
напала на меня»*

В это же самое время я уже приехал из Пирея. По пути я заглянул к Лисимаху, мы пообщались, и вскоре я вместе с Феодотием покинул гостеприимный дом. Внезапно к нам подскочили пьяные люди. Среди них я узнал Симона, Теофила, Протарха и Автокла. Некоторые безучастно стояли, но перечисленные скрутили юношу и стали тащить его прочь. Феодотию удалось вывернуться, скинуть плащ и броситься наутек. Решив, что юноша оказался в безопасности, а нападавшие от него отстали, я свернул на другую улицу, чтобы снова не столкнуться с этой бандой, так как был уверен, что новая встреча с этими негодями не сулила ничего хорошего. Поэтому показания Симона, что тогда мы будто бы вновь подрались, не соответствуют действительности. Сейчас я хочу, чтобы дали показания свидетели с моей стороны.

[Показания свидетелей]

«Симон все-таки схватил парня»

Вы уже слышали от тех, кто был на месте событий, что этот страшный человек – настоящий злодей. Именно он затеял заговор против нас, а не я против него. Между тем юноша попытался найти убежище в одной мастерской, но не тут-то было: бандиты ворвались в помещение и силой выволокли оттуда бедного Феодотия, несмотря на то что мальчик кричал на всю округу. Он звал на помощь, кричал, вырывался, но силы были слишком неравными. На крики юноши сбежалось много людей. Некоторые требовали прекратить безобразие, однако захватчики не обращали на свидетелей ни малейшего внимания и даже избili мастерового Молона и других, пытавшихся заступиться за юношу.

«Я дал достойный отпор»

Они дотащили юношу до самого дома Лампона, возле которого я их случайно и встретил. Я был совершенно один. Отказать в помощи юноше было бы полным бесстыдством, и я попытался вырвать его из рук негодяев. Я спросил их, почему они ведут себя так бессовестно и агрессивно, но не дождался ответа. Вместо этого они бросились избивать меня. Разгорелась неравная драка, уважаемые присяжные. Оставшийся без «попечительства» юноша стал швырять в своих обидчиков камни. Я тоже взялся за булыжники. Какие-то прохожие, оценив ситуацию (мы были в явном меньшинстве), встали на нашу сторону. В результате взаимного обстрела камнями многие головы были разбиты в кровь.

«Банда Симона извинилась, но не он сам»

После этого события, увидев, как много людей встало на мою защиту, друзья Симона попросили у меня прощения, и вот уже в течение четырех лет, прошедших со времени той драки, никто из них не выдвинул против меня никаких обвинений. Сам же Симон, виновник всех этих ужасных инцидентов, затих на долгое время, опасаясь за свою свободу и репутацию. Только после того, как он узнал, что я проиграл в одном судебном разбирательстве, он, позарившись на мою собственность, нагло объявил мне эту судебную войну. Я могу представить любого свидетеля событий, которые подтвердили бы правдивость моего рассказа».

[Показания свидетелей]

Поведав свою историю, рассказчик принялся крушить возможные аргументы Симона, а затем и вовсе перешел на личность оппонента, пытаясь демонизировать его характер и принизить тем самым его ценность для афинского общества.

Зарисовки человеческих характеров, пусть и резко отрицательные, привносят в сухое судебное повествование некую «живинку», интерес и очарование. Симон, по словам рассказчика, – горький пьяница и дебошир. Ему неведомо чувство стыда; он не уважает ни окружающих его людей, ни их собственность. Даже друзья время от времени отворачиваются от него. Однажды он угодил камнем в голову своего приятеля – Аристокрита (громкий смех в зале суда. Может, рассказчик пытается убедить присяжных, что ситуация в целом настолько нелепа и смешна, что даже не стоит воспринимать

ее всерьез?). Между тем сам рассказчик производит выигрышное впечатление довольно самокритичного человека. Он уже отметил в начале речи, что «одурачил» сам себя, хотя оставался при мнении, что вина за все произошедшее лежит целиком на Симоне. Рассказчик уверяет, что всю жизнь пытался вести достойную жизнь законопослушного гражданина и никогда не впутываться в подобные истории. Ему стыдно и больно, что все это произошло именно с ним. Рассказчик также обратил внимание (не забыл и это!), что все случайные прохожие и свидетели неизменно вставали на его сторону, потому как знали, где зло, а где добро. К величайшему сожалению, до наших дней дошла только речь ответчика, и мы не знаем, что постановили по этому делу пятьсот присяжных 2500 лет назад.

Суд незапамятных времен

Можно увидеть тот громадный прогресс, которого достигло к V в. до н. э. древнегреческое общество в области права и правоприменения по сравнению с эпохой Гомера (ок. 700 г. до н. э.). В бессмертной гомеровской «Илиаде» один из героев, Аякс, так описывает отношение современников к смертоубийству:

«Любой человек, даже в случае убийства его отца или сына, может принять цену крови. Если убийца заплатит за убийство человека его ближайшим родственникам, он даже не будет выслан из страны, потому что компенсация будет держать гнев и раненые чувства семьи в узде».

Такова была традиция в древнем мире – наказание, равное преступлению («око за око, зуб за зуб»), можно было заменить платой (золотом, деньгами, скотом, зерном) в случае согласия между вовлеченными сторонами. Традиция была необычайно распространенной и эффективной, потому что устраивала и преступников, и потерпевших. Тем не менее с развитием древнегреческого общества законы совершенствовались и усложнялись, принимая все более цивилизованный вид; так же, как и «очеловечивалась» моральная подоплека и оценка деяний.

В эпоху Гомера считалось, что у преступников не было никакого чувства вины. Преступников наказывало не государство, не общество, а сами потерпевшие – согласно древним, примитивным обычаям (в том случае, если у жертвы находились силы на исполнение наказания). В этом смысле государство не оказывало ни физической, ни моральной, ни юридической помощи, по сути поощряя самосуд.

Поэтому, что бы мы ни думали о древнегреческом правосудии V в. до н. э., оно гораздо ближе к современному пониманию юридического процесса, нежели первобытные судилища времен Гомера.

Риторика как способ борьбы в суде

В своем труде-учебнике по риторике Аристотель утверждал, что важно овладеть не только, так сказать, «техникой» этого искусства – когда, каким тоном и с каким выражением лица сказать то

или иное слово, – но и обращать внимание на психологические аспекты:

- Раскрывать в споре свою сущность; позиционировать себя в качестве личности («ethos» – «характер»; отсюда – «этика», «этичный»).
- Хорошо понимать, что может сдвинуть с места аудиторию, особенно консервативно настроенную («pathos» – «эмоция»; отсюда – «патология», «психопат»).

Другими словами, так же, как пронырливый и удачливый служака Дживс из рассказов Вудхуса Вустера, древние греки высоко ценили познания о «психологии индивидуума» и знали, что особенно ценны эти познания были тогда, когда решался вопрос жизни и смерти, свободы и несвободы – в ходе судебных баталий. Здесь мы видим еще одно применение риторики как науки – а именно в области права (ранее мы убедились в широком использовании риторики на политической арене).

Использование риторики особенно распространено в британском суде; и горе расслабленному, дружелюбному, незлобивому персонажу – участнику судебного процесса, не знающему азов этой тонкой науки. Сильные мира сего, представители разных областей жизни – политики, бизнеса, журналистики, науки, права – ведут себя, как атлеты на стадионе или боксеры на ринге, то есть борются между собой за место под солнцем и, не в последнюю очередь, при помощи эффективного, а порой и смертельного, оружия – риторики.

Древнегреческая и британская правовые сис-

темы очень схожи в одном аспекте: «дух и буква закона» – это одно, а реальная судебная практика – нечто другое. Не всегда удается следовать «духу и букве» не в последнюю очередь из-за состязательности самого процесса. Однако у нас в Соединенном королевстве есть специальные юридические органы, надзирающие как за ходом судопроизводства, так и за правильностью интерпретации законов на самых разных этапах. Иными словами, адвокаты и прокуроры, какими бы уловками они не пользовались, как бы не усердствовали в риторике, чтобы выиграть процесс, не имеют права подминать закон под себя. Под таким же контролем находятся и судьи. К тому же, когда законы еще только проходят через парламент, надзирающие органы – и никто другой – проверяют их на адекватность. Такое «разделение властей» – в «крови» у нашей политической системы. Я не упоминаю здесь контроль со стороны общественного мнения, выражаемого обычно в средствах массовой информации; но это – особый разговор.

В Древней Греции даже в самый расцвет афинской демократии такого «разделения центров силы» не было: те, кто создавали закон, были и судьями. Я уже говорил о том, что из числа афинских граждан старше тридцати лет ежегодно выбирались по жребию 6 тыс. присяжных, а из этого списка, затем (как для суда последней инстанции), снова по жребию, избирались пятьсот человек для проведения самых сложных и неоднозначных разбирательств. И, насколько мы знаем, не было никаких надзирающих органов, заставлявших бы суды трактовать законы не по своему усмотрению.

В результате, по самому строгому современно-

му счету, древнеафинская законность мало чем отличалась от общечеловеческих, обывательских представлений и ценностей. Каждый закон, без сомнения, требует своей интерпретации (то, что мы называем «подзаконным актом»), и британское право, я полагаю, в этом смысле вполне четкое и недвусмысленное. Смущает лишь, что правительство все чаще недальновидно пытается внести в судебный кодекс юридические новеллы, потрафляющие, например, религиозной нетерпимости, и чье дальнейшее правоприменение совершенно туманно и неопределенно.

Древнеримское право

Древнегреческая правовая практика не вызвала никаких исторических отзвуков, хотя этого нельзя сказать об их теоретических изысканиях. Римское же право, напротив, самым глубоким образом повлияло на западноевропейское и шотландское право и, в гораздо меньшей степени, на английское (английская законность в основном сформировалась на фундаменте древнегерманской и древнескандинавской правовых систем). Причинами такого мощного исторического влияния древнеримского права я вижу, в первую очередь, в исторических и географических факторах – практически вся Западная Европа входила в состав Древнеримской империи; а во вторую очередь (это мое субъективное мнение) – в том, что в Древнем Риме законы придумывали деятели необычайного интеллекта и масштаба. Они считали, что законы должны главенствовать над всеми сторонами

жизни людей и не могут меняться от каждого «чиха». Более того, законы в Древнем Риме фиксировались в письменном виде и менялись или дополнялись лишь с течением веков (!).

Древнеримское право имеет, как считается, четыре основных источника (нет ничего неизблемого в мире; и здесь мы видим след времени):

1. Каждый год претор, а по сути министр юстиции, публиковал свои «*edictae*» («эдикты», «указы»), в которых он информировал публику о своих законотворческих инициативах по улучшению и усилению законов. Довольно часто в эдиктах говорилось о нарушениях и искажениях законов, то есть о причинах, из-за которых законы нужно было совершенствовать.

2. Эдикты писались понятным для большинства языком и сопровождались так называемыми «*formulae*», то есть критериями, схожими с современными тестами. Часто «*formulae*» походили на подсказку и помогали судьям в их практической работе. Например, в одной из «*formulae*» находим: «если

- Собственность украдена у А;
- Собственность не возвращена А;
- Тогда подозреваемый В должен вернуть А цену этой собственности;
- Но если (внимание!) НЕ доказано, что В украл у А собственность, то он оправдывается.

Получается, что факт воровства сперва нужно было доказать. Не тогда ли был заложен краеугольный камень всей западноевропей-

ской юриспруденции – принцип «презумпции невиновности»?

3. Законы, принятые народными собраниями, записывались и представлялись на всеобщее обозрение. Первоначальный кодекс законов был записан в так называемых «Двенадцати письменах».
4. Существовали так называемые «юристы» – частные индивидуалы, эксперты по законам, чьи вердикты записывались и признавались. Во время империи юристы стали настоящими профессионалами, и с ними (несмотря на частый произвол) советовались даже императоры.

В эпоху императора Юстиниана был опубликован окончательный, сжатый кодекс древнеримских законов. Кодекс состоял из пятидесяти томов, написанных шестнадцатью экспертами в течение трех лет. Источником явились ок. 2 тыс. томов, написанных с I в. до н.э. до III в. н.э., а также четырехтомная версия кодекса – первоначальная попытка суммирования всех законных уложений под названием «Institutae». Эти два великих труда и легли в основу современного западноевропейского права.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Еще больше законов

В эпоху выборов наши политики всегда обещают «приуменьшить влияние правительства» и «сократить бюрократию». Загадочно. Мы все знаем, что говорится это для того, чтобы уверить нас, что «грядут перемены». Но ведь перемены подразумевают еще большее «влияние правительства» и увеличение «бюрократии», не так ли? А кто же, иначе, будет продвигать эти «перемены»? Примером бюрократических замашек правительства служит огромное количество указов за прошедший год, большинство из которых продиктованы в Брюсселе. С 1997 года, например, в различные британские кодексы внесены 3 тыс. новых уголовных статей! И после этого мы слышим о «сокращении бюрократии»! Вместе с тем, согласно официальной статистике, ежегодно в стране совершается 11 млн.

уголовных преступлений. Цифра эта возросла (опять же, официально) до 14 млн., но в реальности, по оценкам, приблизилась к 60 миллионам.

Древние также считали, что создается чересчур много законов, и до нас даже дошли свидетельства озабоченности этим фактом. Древнеримский историк Ливий, например, посвятил целый раздел своей «Истории» (ок. 450 г. до н. э.) вопросу об истоках римского права (в том числе о так называемых «Двенадцати письменах» – «XII tabulae»). Но и этих дощечек с письменами первоначально было десять, сообщает нам Ливий, и расписывали их именно десять человек (так называемый «децимвират»):

«Как нагромождение десяти дощечек-скрижалей, положенных одна на другую, высятся десять первородных законов, которые есть основа всякого публичного и частного права».

Однако заканчивая работу над десятью письменами, децимвират обнаружил, что не хватает еще двух. С этих пор и началось не прекращавшееся никогда законотворчество, а гражданский и уголовный кодексы распухли так, что Юлию Цезарю пришлось приказать:

«Сократить свод законов до разумных пределов. Из всего нагромождения статей выбрать лучшие и наиболее значимые и свести их воедино в как можно меньшем количестве томов».

Бедное право

Как и все подобные прожекты, задумка Цезаря была обречена на провал; и не только из-за его скорого убийства. Много позже историк Тацит

вновь затеял дискуссию об «истоках юриспруденции и процессах, приведших к засилью бесчисленных и очень сложных законов сегодняшнего дня».

Он сравнил простоту и ясность «Двенадцати писем» («Последний пример разумного права») с тем, что он называл «современной болезнью» – скороспелыми законами, «испеченными» в горниле общественных конфликтов и борьбы за власть. По Тациту:

«Когда государство находится на самом дне пропасти – законов всегда в избытке».

Тацит, как всегда, попал пальцем в очевидный парадокс: законы создаются для того, чтобы их выполнять; но если существует так много хороших и правильных законов, то отчего же тогда общество больно коррупцией? Или если поставить вопрос по-другому: действительно ли чем более коррумпировано общество, тем больше нам нужно законов для борьбы с этой коррупцией? Парадокс этот характерен и для современного общества: законы о выгуле собак, об оружии, об окружающей среде, о запрете курения в общественных местах, законы, регламентирующие оборот мобильных телефонов (где конец этой мелочной регламентации?) – чудовищное количество необязательных законов поднимает все тот же вопрос Тацита.

Если принимаются законы, то люди обязаны их уважать; либо законы нужно исправлять и совершенствовать. Принятие большого числа законов лишь девальвирует сам институт права. К сожалению, грешит «выпечкой» мертворожденных, заведомо невыполнимых законов и наш парламент.

Смертельно опасные законы

Древние греки, жившие в Южной Италии, в городке Локрис, высоко ценили своих предков, в том числе и за то, что те организовали в этом государстве-полисе настолько совершенную общественно-политическую систему, что за двести лет здесь был принят всего лишь один закон! Причем закон этот предложил некий одноглазый человек, которому другой человек (имевший два глаза) угрожал выбить этот единственный глаз. Предложение одноглазого гражданина заключалось в том, что в случае исполнения угрозы угрожавший должен был лишиться обоих глаз. Так сказать, для уравнивания ощущений. Предлагая этот удивительный закон, одноглазый подвергал себя смертельной опасности. Дело в том, что в Локрисе решили выслушивать предложения о новых законах лишь от граждан в буквальном смысле с петлей на шее. Если законопроект отклонялся, то автора умерщвляли; если же город голосовал за новый закон, то шею возмутителя политического спокойствия освобождали от петли. С тех пор желающих обновить городской свод законов находилось крайне мало, а тому одноглазому гражданину повезло – родной город проголосовал за его предложение.

Эта схема, полагаю, показала бы исключительную эффективность в нашем парламенте. Представьте себе – депутат, внесший свой законопроект на голосование, с ужасом смотрит на зияющее отверстие в полу: в случае провала проекта его ждет встреча с бесконечностью.

Воспитание, а не законы

Эту проблему великий древнегреческий философ Платон предвидел. В своем труде «Respublica» (ок. 380 г. до н.э.) он называл людей, занимающихся созданием законов, «больными». Больные люди, как истинные, так и мнимые, пичкают себя лекарствами в надежде на улучшение своего состояния. Так же и законотворцы: они постоянно в поиске новых законов, формулировок и дополнений ради (во что им так хочется верить) улучшения жизни страны.

Все, что требуется для лечения этих «больных», одержимых зудом законотворчества, – это хорошее образование и воспитание, считал Платон. Причем воспитание не только тех, кто создает законы, но и тех, кто их исполняет. Поведение хорошо образованного и воспитанного с детства человека не требует мелких придилок, нотаций, нравочений и законов «на все случаи жизни». Обычные правила хорошего тона – «молчать в присутствии старших», «уступать им место»,

Платон

«вставать, когда старшие входят в помещение», «слушаться родителей» – станут тогда нормой жизни, а извечные молодежные проблемы «стрижки, одежды и обуви» разрешатся сами собой (держу пари – подобные проблемы существовали и во времена Платона). Великий мыслитель продолжает:

«По-моему, только глупец

может придумывать законы на подобные темы. Если кому-то и придет в голову придумывать такие законы, то они никогда не будут в силе, даже хорошо сформулированные и записанные на свитках с печатями».

Если судить по столь безнадежно либеральным взглядам, то Платон, очевидно, находился под сильным влиянием Сократа, который никогда не стал бы преподавать в современной школе или университете. Узнав, какие деньги тратятся на образование (особая гордость чиновников), Сократ не посмел бы даже переступить порог какого-нибудь нашего учебного заведения. Великий философ не признавал ни денег, ни богатства, ни расточительства.

Учитель без компьютера

Главной целью философских поисков Сократа (как и его учеников) было определение сущности добродетели. Познав истину, он мог бы учить других. В итоге каждый смог бы раскрыть в себе добродетели и, следовательно, быть счастливым. Сократ не пользовался мобильными телефонами, компьютерами, визуальными средствами и прочими радостями жизни и предпочитал заниматься с учениками в рамках небольших дискуссионных групп. Известно, что иногда он объяснял свои идеи, рисуя палочкой на прибрежном песке. Признавая непознанность добродетели, мыслитель искал ответа у своих учеников. В школе Сократа не отмечали посещаемость учащихся, не составляли учебных планов, не душили инициативу на кор-

ню – не было ничего, чем славна и богата современная школа. Преподавательский метод философа был прост, но эффективен – чтобы в конце урока у учеников вопросов возникало больше, чем в его начале. И никаких авторитетов, никаких кумиров. Кроме своих учеников, Сократ не хотел видеть в своей школе никого – ни ораторов, ни политиков, ни прочих знатных гостей.

К сожалению, Сократ очень неохотно записывал свои мысли; но и дошедшего до нас наследия великого мыслителя достаточно, чтобы по праву считать его наиболее выдающимся учителем всех времен и народов.

«Платон» или «Аристотель»?

Это правда, что большой учитель знает, чему учить, как учить и зачем учить. Знал это и великий Платон. Он считал, что доверять можно только таким методам обучения, которые помогают учителю точно видеть конечную цель обучения и знать, почему эта цель верна. Поэтому он с негодованием отнесся бы к ежегодному призу своего имени (приз «Платон» – этакий учительский «Оскар»), вручаемому газетой «Гардиан» «лучшему учителю Соединенного королевства». Платона возмутили бы критерии отбора победителей, когда во главу угла ставятся личные качества учителей, то есть коммуникабельность, энтузиазм, воображение, уважение родителей и т. д. Таким образом, по сути, оценивается способность учителя донести учебный материал до ученика, иными словами – «как» учить, но не «чему» учить и «зачем»

учить. Платон видел существенную разницу между убеждением и правдой; и я считаю, что отличие должен видеть каждый публичный человек – от политика до учителя и артиста. Очевидно, что сам Платон настоял бы на переименовании приза, тем более что сами награждаемые вряд ли знают, чьим именем этот приз назван. В своем труде-диалоге «Федра» мыслитель красноречиво показал, что будет, если «вас методично убеждать, что лошадь – животное с самыми длинными ушами. Зная, как важны лошади на поле брани, вы купите для своего войска целое стадо ослов». В другом месте Платон замечает: «Какой урожай вы собираетесь получить из зерен, которые посадили?».

Пора ввести для учителей новую награду – «Аристотель». Как и Платона, Аристотеля интересовал в первую очередь конечный результат всех процессов (или, как он сам говорил – «итог вещей»), и, без сомнения, «Аристотеля» нужно было бы вручать за количество и качество знаний, полученных учениками. Было бы восхитительно видеть, как кому-то из наставников вручается не только «Платон», но и «Аристотель». И – как условие конкурса – в учебном процессе могут использоваться лишь скрипучая черная доска, допотопный диапроектор и... немного прибрежного песка.

Так чему же все-таки учат?

И Платон, и Аристотель, скорее всего, были бы не в восторге от современной школы по многим причинам; и в первую очередь из-за того, что ей,

Аристотель

по большому счету, не везде уделяют должного внимания. Не хватает именно внимания (и понимания), а не денег. Департамент образования, например, был заменен на трудновоспринимаемый и невнятный департамент по делам детей, школы и семьи. К сожалению, вместе с вывеской изменилось и содержание, причем не в лучшую сторону. Согласно их веб-сайту, высшим приоритетом

для чиновников от образования теперь является «здоровье и безопасность». Еще один их «перл» – они запретили (под страхом уголовного преследования) в начальных школах брать интервью у учеников и их родителей в случае, если эти ученики чем-то выделяются среди сверстников (более развиты, более эрудированны или более талантливы, например). Как же можно развивать свои способности без их определения и должной оценки?

В своем «Диалоге» (скорее похожем на бесконечный монолог автора) древнеримский историк Тацит посетовал, что современных детей (эпохи Тацита, конечно) очень трудно заставить думать об учебе. Они слишком ленивы, а родители беспечны. Всех интересуют только скачки, гладиаторские бои и театр (чем не аналог нашего ТВ и футбола?):

«О чем еще могут толковать мальчишки? О чем еще можно услышать, входя в школьный класс? Эти же темы навязываются им их учителями для

обсуждения, и вовсе не потому, что больше нечего обсуждать или нечему учить, а единственно из-за желания потрафить ученикам и сказать им лишь то, что они хотят услышать».

Наше правительство давно плюнуло на качество образования, на качество самих учебных программ, рассматривая школу лишь как производственный конвейер, штампующий средних выпускников и создающий дополнительные рабочие места (от учителей до уборщиц), и как некий «концентрационный лагерь» для подростков – мне приходилось слышать, как чиновники радостно констатировали, что, «будучи в школе, дети, по крайней мере, не болтаются на улице». В департаменте образования (или как его там теперь?) не находят иных серьезных дел, как сочинять все новые инструкции, правила и запреты и даже придумывать новые школьные игры. Интересно, чем руководствовался департамент, решив, что уроки кулинарии для учеников от 11 до 14 лет помогут «обуздать проблемы детского ожирения»? Ну да, конечно, если вы не хотите, чтобы наши дети ели много и беспорядочно, научите их готовить. Гениально! Между тем правительство планирует заменить специальные предметы уровня «А» общим «дипломом по итогам производственной практики», по сути, «выместить» взрослое образование, предложив полностью отменить субсидии и гранты на обучение взрослых, и даже понизить уже полученный ими квалификационный статус, по крайней мере, до тех пор, пока «занимаемая ими должность не будет соответствовать специализации проходимого курса обучения». Это значит, что можно проститься

с «Открытым университетом» и другими формами заочного обучения! Узнай о таком, Платон с Аристотелем просто покончили бы с собой.

Дети, конечно, «ответят» на требования, поставленные перед ними департаментом. Не требуйте лишнего – не будет и соответственной реакции. Проснувшись одним прекрасным утром, дети вдруг обнаружат, что «их образование» (как и все их детство) проходит мимо, и это во всех смыслах – конец их мечтам и надеждам. Платон не был против работы и сейчас не увидел бы ничего предосудительного в совмещении работы и учебы. Более того, он считал, что хорошо и быстро делать свою работу чрезвычайно важно – так же, как правильно жить и правильно мыслить. Ну а Гордон Браун в это время что-то блеет из своей продуваемой всеми ветрами овчарни, и, похоже, это единственное, что он умеет делать хорошо и красиво.

Взрослые знают лучше

Еще раз отмечу, что наша образовательная система позволяет правительству добиваться от школы всего, чего оно хочет, правда, не в интересах самой школы. Например, оно решило навязать всем учебным учреждениям так называемый «национальный учебный план» и даже некие «табели успеваемости», совершенно бесполезные для образовательного развития детей. Нововведения подразумевают обязательное посещение школы, хотя многие предпочли бы получать знания вне ее стен. Это и есть долгожданная «свобода» для детей? Точно так же бессмысленна и даже вредна

эта бесконечная «квалификация» учащихся по различным категориям и критериям (этот вред хорошо известен бизнесменам). Самое паразитическое, что правительство вольно или невольно насаждает меритократию, хотя постоянно ратует за искоренение в школьной жизни всего, что «сеет рознь». Однако меритократизм и есть поощрительная система, разделяющая людей по их персональным качествам.

В труде «Республика» Платон хорошо изложил свой взгляд на нужды и чаяния современного ему молодого поколения, в общем-то, хорошо отразив свое время, когда причинно-следственная связь между образованием, воспитанием, интеллектуальным блеском и нравственной добродетелью воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Он рассматривал сознание молодого человека как цитадель, которая, при худших обстоятельствах, подвластна вредоносным ударам прихоти, желаний и капризов. Если оно уже замутнено ложнопонимаемой «свободой» от запретов, самоконтроля и самоограничения, то такому человеку будет трудно отличить добро от зла, хорошие поступки от плохих и почти невозможно пройти мимо соблазнов, наслаждений и праздности:

«Сегодня он пьянствует на веселой вечеринке, а завтра жадно глотает воду и пытается согнать вес; иногда он выполняет физические упражнения, иногда плюет на весь мир, а затем предается занятиям философией».

Иными словами, такой человек с «освобожденным» сознанием порхает от одного цветка к другому, упиваясь сладким нектаром жизни. Отсут-

ствие моральных ограничений в конце концов приводит к тому, что: «отцы боятся своих сыновей, а сыновья не испытывают ни уважения, ни благоговейного трепета перед своими родителями; учитель опасается своих учеников и потворствует им, а ученики презирают своих учителей... старики пытаются приспособиться к молодежи, подражая ей и совершая вместе с ней легкомысленные поступки в надежде не быть отвергнутыми и оскорбленными».

Конечно, все это шокировало древних. В отличие от современных родителей с «либерально-прогрессивными» взглядами, они жили представлениями, что взрослые знают жизнь глубже и полнее, нежели молодые. Они не судили детей по их модным аксессуарам или персональным особенностям и считали их «маленькими взрослыми», которым нужно помочь стать настоящими взрослыми. Нашу распространенную сентенцию о том, что дети, мол, «растут слишком быстро», древние восприняли бы если не в штыки, то с большим изумлением: в эпоху античности так не считали.

У современного образования нет цели во что бы то ни стало привить молодежи добродетель и разумное отношение к окружающей жизни; скорее, ее воспитание отдано на откуп мощнейшему информационному потоку. Многие считают, что помочь молодому поколению обрести нравственную опору в жизни можно в том числе и посредством неустанного давления (а попросту, «промыванием мозгов») со стороны средств массовой информации. Не последнюю роль здесь играют, конечно, телевидение и Интернет, эффeктивнейшие провод-

ники жизненных ценностей, порой весьма сомнительных. На современную молодежь обрушилась лавина гламура, глянцевого обложки и подробностей из жизни «высшего света» (наставник и воспитатель сегодняшнего дня?). У нас в Британии даже появилась аббревиатура «WAGS» («wives and girlfriends» – «жены и подружки» футболистов) – квинтэссенция всего притягательного и труднодостижимого. Сколько британских девушек стремится походить на всех этих «жен и подружек»!

С другой стороны, совершенно понятно, что пустые желания и стремления не только навязываются со стороны СМИ. Ложные цели возникают, когда в душе нет целей истинных. Если нет достойной цели в жизни, значит, нет стремления к самопознанию и самосовершенствованию. Показать молодежи эти истинные цели и есть задача настоящего воспитателя, учителя и, в конечном счете, всей школы.

Древние имели очень твердые убеждения относительно смысла смены поколений: они знали, ради чего нужны дети; зачем детям нужны взрослые; они понимали значение государства и семьи в становлении приходящих поколений. Да, взрослые так же, как и сегодня, жаловались на выходки и поведение своих детей, но они не были так беспомощны, так дезориентированы, как сегодняшние родители, склонные скорее доверять авторитету «телеящика», чем своему собственному.

Между тем наши социальные работники уверяют, что каждому ребенку требуется рядом хотя бы один взрослый человек – будь то родитель, опекун или работник из социальной службы. А я бы

добавил, что рядом с ребенком должно находиться хотя бы одно любящее сердце.

Законотворческий психоз

Платон видел, что способы и методы воспитания и образования могут быть самыми разнообразными. В том числе они могут исходить от государства, правителей и политических деятелей, одержимых зудом законотворчества: «...а иначе они проведут всю свою жизнь, создавая правило за правилом, а затем – пытаюсь сделать их лучше в надежде, что когда-нибудь они найдут чудесную универсальную формулу».

Он приходит к выводу, что именно плохо управляемое государство требует уйму законов на все случаи жизни. Такие горе-законотворцы, блестяще описанные выше, «даже не осознают, что имеют дело с настоящей Гидрой» – многоголовым чудовищем, у которого вместо одной отрубленной головы вырастают две новых.

Университетское образование по Платону

Поговорите со школьниками, и вы часто услышите: «Хочу пойти учиться в университет». И действительно, из них около 80 % в конце концов добиваются этой амбициозной цели. Но мне кажется, что вместо этого они должны были бы сказать: «У меня непреодолимое желание узнать больше о гомеровской «Илиаде», или о распрост-

раненности залежей меди, или о горных цепях в Перу». Экзамены недостаточно говорят об амбициях и желаниях учеников, об их стремлении что-нибудь выучить или узнать. Настоящий тест для поступления в университет – не то, что вы знаете именно сейчас, а то, что вы знаете, что не знаете и горите желанием поскорее узнать. Это и есть принцип Платона – мыслителя, который называл взаимодействие ученика и учителя «сердцем» образования. Он говорил об «истине, вспыхнувшей, будто пламя в душе ученика». Особенность его методики обучения заключалась в том, что он сразу же объяснял потенциальным ученикам существо предмета, который предстояло изучать; перечислял им этапы обучения, через которые предстояло пройти; называл время, требуемое для обучения, а также предупреждал об усилиях, которые предстояло приложить. Те, кто уже проникнулся убеждением, что их жизнь должна протекать именно по такому руслу познания, проходили тестирование.

«Тестирование, – объяснял Платон, – имеет то преимущество, что в случае неуспеха студенту придется краснеть только перед самим собой; а учитель, таким образом, не почувствует неловкости перед всем классом». То есть оба, как говорится, смогут сохранить свое лицо. Платон также считал, что учебное заведение должно нести ответственность за поведение своего подопечного. Нет ничего более ужасного, чем заигрывание учителя перед своим учеником. Дошло до самого постыдного: некоторые университеты перенесли занятия на полуденное время из-за жалоб студентов на постоянное недосыпание; для тех же, кто

любит поспать и днем, занятия повторяются вечером.

Платон отмечает огромную разницу между обучением активным и пассивным. Он красочно описывает нерадивых студентов, которых явно бросает в дрожь при одной лишь мысли об обязательном усердии и прилежании в изучении предметов: «Это тот тип людей, которые никогда ничему не научатся по-настоящему; для них учеба – нечто необязательное и поверхностное, к чему не нужно прикладывать усилий. Они сродни загорающим, чей труд не идет дальше того, чтобы, лежа на песке, время от времени переворачиваться и подставлять солнцу свои бока». Какая наглядная картина пассивной манеры обучения: студенты, возлежащие в лекционной аудитории, будто морские котики, нехотя нажимающие на кнопки своих «ай-подов», лениво потягивающие баночное пиво, а главное, не забывающие время от времени подставлять свои бока новой порции знаний.

Мы хотим ответить на один из вопросов великого философа: кто и каким образом получит пользу от университетского обучения и как это узнать? Ответ, полагаю, потрясет вас своей простотой и логичностью. Все люди с минимально требуемой подготовкой поступают в университет, заплатив за один год обучения. В конце года университеты решают, кому остаться, а кого придется исключить – и все это абсолютно без государственного вмешательства. Оставшимся в учебных списках более не придется платить ничего. Поверьте, останутся лучшие, невзирая на прежнее место учебы (частную либо государственную школу).

Наиболее ответственные университеты, уверен, «отсеют» в таких условиях до 50 % студентов, начавших обучение в начале года. Таким образом, эти учебные заведения лишь укрепят свой престиж и повысят свои образовательные стандарты, а главное, сохранят в своих рядах наиболее талантливых и жадных до знаний студентов. Государство же, в свою очередь, обеспечит бесплатное образование каждому, кто этого заслуживает. Мы видим их – веселых студентов, бодро идущих по кампусу от одной аудитории к другой, таких любопытных, усердных, дисциплинированных. И никаких «загорающих».

«Благословенен» современный мир, утонувший в болоте законов, запретов и постановлений, в том числе направленных на улучшение нашего с вами образования, воспитания и поддержания общественной морали на должном уровне. Если вы играете в джаз-оркестре и намереваетесь исполнять «Jingle bells» на рождественском благотворительном вечере, то потрудитесь получить официальное разрешение, а не то (в песне нет «религиозного контента»)… Точно так же не обойтись без чиновничьего соизволения на устройство поэтических чтений где-нибудь в книжном магазине в Оксфэме перед минимум двумя дюжинами покупателей. Наказание последует незамедлительно – будьте уверены. Хотите еще абсурда? Попробуйте поторговать вином в емкостях, объем которых не кратен 25 миллилитрам… Платон уже в древности предвидел, к чему приведет неистребимая жажда творить законы и уложения – к полному юридическому маразму. И он был

прав. Трудно даже представить, насколько многообразны способы сделать закон и право объектами ненависти.

Возмездие

Древнегреческий мыслитель, поэт и политический деятель VI в. до н. э. Солон заметил, что общество одинаково сплочено как наградами, так и наказаниями. Римлянин Цицерон (I в. до н. э.) думал, что «vindication» (отсюда – «вендетта») – «жажда мести, наказания» – изначально заложена в каждом человеке. Однако я думаю, что общество вздохнуло бы куда свободнее, если бы преступность исчезла совсем. И в древности, и сейчас ключом к «решению» проблемы кажется ужесточение наказаний из того логического посыла, что чем больше лихие люди будут бояться последствий преступления, тем меньше они будут их совершать. Мы, конечно, слышали о жутких пытках и наказаниях, практиковавшихся в древние времена: распятие, закапывание в землю и сожжение живьем, сбрасывание со скалы. Преступников даже бросали на съедение диким животным, в их горло вливали расплавленный свинец – даже не хочется продолжать этот кошмарный список.

Софист Критий, тем не менее, придерживался иной линии. В одной из своих пьес устами несчастного грешника Сизифа он попросил богов придумать так, чтобы люди стали бояться божьего возмездия и подчинялись земным законам:

«...и тогда законы отвратили людей от открытого насилия, но они продолжали творить зло в

скрытности, нашелся умный и тонкий человек, заставивший нечестивых бояться божьей кары. И сказал он, что есть дух, наслаждающийся бесконечной жизнью, единовременно мудрый и всевидящий, носитель божественной природы. Он слышит все, что говорится среди людей, и видит все, что делается. И если вы молча творите зло, его не утаить от взора богов – так они мудры и пронзительны.

Тот человек создал самое притягательное учение и заставил людей поверить в существование богов и божественного духа».

А Критий был прав в том смысле, что, пока мы не приняли и не уверовали в божественное око, никакая гора законов не заставила бы нас стать добрее и цивилизованнее. Это же касается и возмездия, и той жестокости, с которой это возмездие свершается. Только страх перед небесной карой может остановить лиходея – остановить и заставить задуматься. Древнеримский поэт Овидий много позже скажет:

*Как хорошо, что боги существуют!
Так давайте же верить, что они
Действительно существуют!*

Преступление и наказание

В отсутствие цивилизованной правоприменительной практики, профессиональных судей и четких законов преступников в древности судили «на глазок», а наказания им выносили согласно тяжести содеянного и сообразно представлениям о справедливости. Кто-то убил своего отца?

В таком случае негодяя помещают в кожаный мешок в компании с собакой, обезьяной, змеей и петухом и бросают в реку.

Возникает вопрос: чего, по мнению древних, можно было добиться применением наказания? В чем его смысл? Какую цель преследует институт наказания вообще? Ответа мы не знаем до сих пор. Например, недавно принято решение ежегодно освобождать 25 тысяч заключенных на 18 дней раньше окончания срока лишения свободы. Сразу же раздались крики возмущения и предостережения: выпуская преступников на свободу раньше положенного срока, мы тем самым провоцируем среди них соблазн совершения новых преступлений. А разве две с половиной недели отсидки способны предотвратить рецидив?

Какие наказания предлагал Платон?

В Афинах V в. до н. э., насколько мы видим, концепция правосудия была уже довольно понятна и относительно развита. Демократический стиль жизни и управления способствовал общественным спорам и дебатам по совершенно различным сторонам жизни. Естественно, не избежала этой участи и система наказаний преступников. Древнегреческие философы полагали, что наказание должно нести воспитательную нагрузку, быть адекватным, а главное, справедливым (то есть преступник должен быть наказан «для чего-то», «ради чего-то» и «из-за чего-то»). Были выделены пять целей, для достижения которых и должно применяться наказание. Три из них, я думаю, актуальны до сих пор:

- Возмездие.
- Материальная компенсация потерпевшему.
- Защита общества от преступности.
- Запугивание настоящих и потенциальных преступников.
- Исправление преступников.

Возможно, наиболее интересные мысли о наказании высказал Платон. Вопросы демократии и народовластия его интересовали мало; не особо интересовала его и повседневная жизнь сограждан (к слову сказать, многие древние греки, например, невысоко ценили культуру своего народа), которых он считал пассивными и равнодушными. Рассуждения Платона зачастую грешили противоречивостью: он был уверен, что преступников нужно держать в изоляции и заставлять их выплачивать компенсацию жертвам или их родственникам, и в то же время настаивал, что в этом деле любые меры хороши – лишь бы вели к исправлению преступника. Он даже считал, что имеет смысл вознаграждать тех злодеев, которые ведут себя смиренно (такие же идеи навязываются и современному обществу: «Не убивай ту пожилую леди и выиграй парочку тренажеров!»). Дело в том, что Платон считал преступность болезнью, которую можно вылечить; и его последнее предложение на криминальную тему было как раз о «лечении» преступников от пагубной болезни. В случае невозможности «излечения» Платон не отрицал возможности применения смертной казни, хотя философ считал более действенной мерой именно угрозу ее применения. Интересно, что Платон никогда не рассматривал на-

казание как возмездие; преступник, по его мнению, был человеком либо слабым, либо больным, либо невежественным, либо сбитым с толку, либо вовсе обманутым и потому несомненно достойным жалости.

Образованность и воспитание, конечно же, наложили свой отпечаток на мировоззрение Платона:

«Когда кто-то совершил акт беззакония (не важно – серьезное или обыденное), то применяемый к нему закон должен совмещать в себе назидание и принуждение. В результате, либо преступник в будущем никогда не совершит преступления по своей воле, либо будет совершать их гораздо реже. Вдобавок, он заплатит компенсацию потерпевшему за причиненный ущерб. Всего этого мы можем добиться, лишь применяя совершенные законы. Мы можем воздействовать на преступника словом и делом; мы можем доставить ему удовольствие либо страдание; мы можем заставить его гордиться собой либо превратить в бессловесное животное. Мы можем сделать его чище либо задарить подарками. Мы можем предпринять любые меры для того, чтобы он возненавидел беззаконие и возлюбил справедливость или, по крайней мере, стал уважать ее.

Предположим, что перед судьей предстал неизлечимо больной. Какое наказание он вынесет ему в таком случае? Вероятно, лучшее, что, по его мнению, можно было бы предпринять – прервать жизнь этого преступника ради облегчения его же участи. Применение смертной казни в данном случае послужит хорошим предупреждением другим преступникам – если вы собираетесь совершить

преступление, то вам лучше покинуть страну. В описанном случае я считаю применение казни оправданным, однако это не должно касаться других случаев».

Мне кажется абсолютно несправедливым (и это раздражает все общество), что наши деньги тратятся на такую необъяснимую заботу о заключенных, находящихся в тюрьмах, когда нет никакой гарантии на их примерное поведение после освобождения. Около 76 % подростков, оказавшихся на свободе, вновь попадают на скамью подсудимых.

Наказания при демократии

Мы привыкли к тому, что преступление и наказание неотвратимо связаны между собой (по крайней мере, так должно быть в идеале): если некто признан виновным, то ему грозит определенное, четко установленное законом возмездие. Однако в Древних Афинах было одно исключение: в определенных судебных делах, когда уже был вынесен обвинительный вердикт, наказание могло быть предметом споров и разбирательств. Таким случаем как раз было дело 339 г. до н. э., признавшее Сократа виновным в развращении молодежи и в попытке ввести в Пантеон новых богов. Дело было громким, общественно значимым, и потому после признания вины ученого тотчас же разгорелись жаркие дебаты.

А происходило следующее: обвинение и защита выдвигали свои варианты наказания, а последнее слово оставалось за коллегией присяжных. В случае с Сократом обвинители потребовали его

смертной казни. Сам Сократ высказался в том духе, что он принес так много пользы государству, что достоин пожизненного содержания в виде бесплатных съестных продуктов и пенсии, а сам он при этом мог бы позволить себе выплатить штраф в размере лишь какой-то сотни драхм. Потрясенные друзья, тотчас же собравшись, предложили суду освободить Сократа под залог в 3 тысячи драхм. Сократ нехотя согласился с решением своих друзей, но коллегия присяжных проголосовала за высшую меру наказания, и великий мыслитель был казнен.

Меня лично в этой истории потрясли демократизм и логичность самой процедуры. Дело в том, что обе стороны, обвинение и защита, имели право высказаться. Согласитесь, если защитник оправдывает в суде точку зрения Сократа, то тем самым навлекает на себя большие неприятности. Однако, когда первым выступал обвинитель, у защиты была возможность подкорректировать и дополнить свое выступление и предложения с учетом общей атмосферы в суде, решимости обвинения и предвзятости коллегии присяжных. Если вторым выступало обвинение, то защите давалось право на ответную реплику. Конечно же, такой человек, как Сократ, не мог не согласиться с такой демократичной процедурой и таким решением, какие бы чувства (обиды или ужаса; или того и другого вместе) его не переполняли.

Представим, что у древних греков появилась возможность что-то изменить в современной судебной системе. Во-первых, как мне кажется, они покончили бы с «неприкасаемостью», несменяемостью судей. Во-вторых, кардинально повысили бы

роль присяжных заседателей в принятии судебных решений.

Тем не менее ни один суд, ни одна судебная система не избавила общество от рецидива. Где гарантия, что, освободившись из тюрьмы, преступник не возьмется за старое? Платон поставил этот вопрос иначе: в чем цель наказания, если оно не исправляет оступившегося? Должны ли мы освобождать людей из тюрем, лишь будучи убежденными, что они никогда более не преступят закон?

Древнеафинская судебная система выглядела бы еще более демократичной, если бы жюри присяжных (такие предложения известны доподлинно) влияло на выбор наказания больше, чем оппонирующие на суде стороны. О таких предложениях упоминал Аристотель, который был, в принципе, не против; философа смущало лишь то, что, получи присяжные право на открытые прения, судебные процессы длились бы бесконечно.

Cui bono? (Кому это выгодно?)

Что бы ни говорил закон, древние греки (впрочем, как и древние римляне) задавались вопросом: «А в чем, собственно, заключаются мои права и интересы? Как далеко они распространяются? Насколько они защищены законом? И, главное, как закон соотносит мои личные интересы с интересами государства?» Вот что на этот счет сказал древнеримский оратор Цицерон:

«Наши предки написали законы, единственной целью которых были стабильность и интере-

сы государства. Государство тогда можно назвать процветающим и стабильным, когда оно управляется по закону; однако сами законы должны быть правильно истолкованы (для достижения этих целей). Эпаминонд Фивский справедливо считал букву закона столпом, на котором покоится стабильность и мощь государства. Нельзя не подчиняться закону, потому что это как в государственных, так и в общественных интересах».

Возьмите, к примеру, высшую меру наказания – смертную казнь. Древние греки широко применяли ее, не испытывая угрызений совести. Они запросто казнили даже высших военачальников-стратегов за военные или иные просчеты, причем вполне буднично – по результатам рутинной проверки деятельности чиновника на своем посту. Иные чиновники, заранее предвидя результаты итоговой проверки, попросту сбежали из страны либо, в определенной ситуации, не возвращались из-за ее пределов.

Однако смертные приговоры не всегда выносились автоматически. В 427 г. до н. э. в Народном собрании дебатировался вопрос о наказании мятежного городка Митилены, вздумавшего поднять восстание против Афин. Что делать? Перебить всех мужчин или только зачинщиков мятежа? Казнить всех – решило Собрание. Но на следующий день многие голосовавшие пожалели о своем столь радикальном решении и настояли на повторных дебатах по этому же вопросу (Собрание наделило себя правом и, главное, иногда пользовалось этим правом – вновь голосовать свое буквально вчера принятое решение). Фукидид сообщает, что на Собрании вся борьба разгорелась вокруг двух про-

тивоположно направленных выступлений – уже знакомого нам Клеона (довольно реакционного и злого человека, который, естественно, высказывался в защиту первоначального решения) и некоего Диодота, выступавшего за наказание только виновных.

Аргументация Клеона сводилась к той мысли, что власть и авторитет Афин покоятся на силе и решимости эту силу применить. Пустые разглагольствования не заменят непоколебимую твердость государства («Спросите у любого человека с улицы»). Восстание в Митиленах выглядит хорошо спланированным; в нем участвует множество людей, а главное, оно ничем не спровоцировано. Афины не делали соседнему городу никакого вреда и не притесняли его жителей. Мятежники злоупотребили излишней добротой и доверием Афин, и если сейчас не проявить твердости и решимости, то примеру Митилен последуют другие города.

В ответной реплике Диодота прослеживались две линии: во-первых, напомнил он, перспектива казни никого и никогда не пугала и не останавливала. Вряд ли угроза экзекуций сможет предотвратить новые мятежи. Во-вторых, не разобрав, кто прав, а кто виноват, можно озлобить невинных до такой степени, что они примкнут к восставшим, ибо увидят, что невинность не останавливает палачей. Стоит ли Афинам после всего этого ждать спокойной жизни?

Аргументация Диодота взяла верх с крошечной разницей голосов, что говорит об известном трезвомыслии афинских граждан. Что бы они не думали о Митиленах и бунтовщиках, как бы их не

распирала гордость при мысли о величии и могуществе Афин, участники Собрания пришли к выводу, что «Митилены еще послужит нам» и казнить всех подряд не стоит.

Как и древние греки, древние римляне без колебаний выносили смертные приговоры в тех случаях, когда это казалось уместным, однако так же не торопились их исполнять, как в случае с древнеримским аристократом Капиталиной, например. Он был обвинен в том, что призывал отнимать у богатых их земли и распределять их среди бедных. Капиталина был обвинен чуть ли не в разжигании революции, а Сенат обсуждал вопрос: что делать с пойманными мятежниками? Консул Силанус предлагал Капиталину казнить. Вмешался Юлий Цезарь и напомнил, что «среди заговорщиков много римских граждан; а граждане, приговоренные к смертной казни, могут вместо этого быть изгнаны за пределы империи». Он привел примеры из истории, когда «обвинители шли на поводу у эмоций и совершили ошибки». Его слова приводит историк Саллуст:

«Эти заговорщики заслуживают своей участи, но вы должны учитывать прецедент, который может быть создан. Плохие прецеденты всегда вырастают из мер, которые кажутся правильными. Но когда власть перейдет от вас в руки недостойных и невежественных людей, прецедент, вами созданный, то есть казнь тех, кто даже этого заслуживает, будет применен и к людям невиновным».

Последнее слово взял Катон, которому удалось навязать Сенату свое мнение, и Капиталину задушили. Юлий Цезарь, в принципе, не был против смертной казни; он выступал против ее примене-

ния именно на этом этапе, опасаясь прецедента, который впоследствии могут взять на вооружение люди необразованные и жестокие.

Казнь в наши дни

Законодательство европейских стран запрещает парламентам даже обсуждать вопросы, касающиеся смертной казни. Еще в начале XX в. ее применение было широко распространенной практикой почти во всех странах мира. В ряде стран она применяется до сих пор. Зададимся вопросом: почему умерщвление людей по закону в современных западноевропейских странах предано анафеме? Запрет объясняется не только тем, что мы по ошибке можем казнить невиновных людей. Этот аргумент, кстати, присутствовал в истории всегда (вспомните Юлия Цезаря), а в предыдущем столетии стал даже необсуждаемым (и это – несмотря на выдающиеся достижения судебной криминалистики, позволяющие свести все ошибки к минимуму).

Быть может, ответ лежит в религиозной плоскости? С точки зрения христианских догматов, любого человека, в том числе и преступившего закон, ждет суд на небесах, и Бог сам определит, какого наказания он достоин. Возможно, влияние христианской морали на западную юриспруденцию и велико, однако это никак не объясняет того факта, что в США, считающих себя куда как более приверженной христианству, нежели Западная Европа, смертная казнь сохранилась во многих штатах. Что же запретного находит запад-

ноевропейское право в казни убийцы, чья вина абсолютно, стопроцентно доказана?

Жизнь человеку дается один раз; другой уже не будет, и потому она бесконечно ценна. Это наше твердое убеждение, убеждение, выстраданное всем западноевропейским обществом. Я согласен с тем, что наше трепетное отношение к отдельно взятой человеческой жизни выросло из христианской концепции ее «святости»; хотя мы знаем о зверствах инквизиции, пытках и истязаниях «от имени Бога». Наше общество считает жизнь человека даром, данным ему при рождении, и у государства нет никакого права – ни морального, ни политического, ни юридического – отнимать ее даже у преступников.

Кю всему сказанному добавлю, что мы живем в государстве «всеобщего благоденствия», чья цель, как иногда кажется, состоит в том, чтобы опекать нас каждый час, каждую минуту; опекать даже тех людей, которых необходимо срочно изолировать от общества. Развитая медицина, похоже, вот-вот предложит нам рецепты бессмертия. Не забудем и о двух мировых войнах, прокатившихся по Европе. Ужасы военных лет оставили в сознании европейцев неизгладимый след, еще более возвысив цену отдельно взятой человеческой жизни.

Есть, на мой взгляд, такие случаи в жизни, когда мы должны сами себе задать вопрос, мучивший древних. Я имею в виду случаи неприкрытого терроризма, когда отдельные мерзавцы лишают жизни большого количества людей – теракты на транспорте, в общественных местах. Ярчайший пример – атака на нью-йоркские «башни-близне-

цы». Вопрос: как поступить с пойманными злодеями?

Древние были бы бесконечно удивлены, узнав о наших воззрениях и нашей практике на этот счет. Лучшим решением для общества мы считаем строжайшую изоляцию кровавых преступников в условиях, обходящихся налогоплательщикам в 50 тысяч фунтов в год на одного заключенного. Тем не менее древним были вполне понятны аргументы Диодота и Цезаря – применение смертной казни, в определенных условиях, может иметь опасные последствия. Чего они не поняли бы точно – спокойную, сытую тюремную жизнь отъявленных негодяев, место которых на виселице.

Гуманизм или общественная польза?

Когда Цезарь упоминал об изгнании как альтернативе казни, он имел в виду закон «*aquae et ignis interdictio*», буквально – «отказ в еде и крове». Первоначально этот закон разрешал безнаказанное убийство преступника любым гражданином. Затем закон претерпел некоторые изменения, и если преступник, приговоренный к смерти, являлся гражданином, то он имел право на замену казни изгнанием. То есть страшный приговор не обязательно подразумевал трагической развязки.

Это интересная метаморфоза. Как указал Цицерон, «*utilitas publica*» («польза для народа») – фактор для римлян решающий как для оценки закона, так и для последующего его применения. Именно по этому закону, например, многие пре-

ступники оказались в числе гладиаторов, предоставляя публике невинное (как считали сами римляне) развлечение и подавая ей пример героической смерти (между прочим, очень распространенное в древнем мире оправдание кровавых игр).

В то же самое время римляне совершенно искренне гордились своим «гуманизмом». Мы-то прекрасно знаем, как они обращались со своими рабами, преступниками и, зачастую, иностранцами-негражданами, и потому самодефиниция древних римлян как нации «гуманной» выглядит очень странно. Полные чувства «миссианства», они считали себя «цивилизаторами» окрестных «варварских» народов. Плиний Старший, бывший флотоводцем, погиб, спасая людей во время извержения Везувия в 79 г. н. э. Однако его мы помним прежде всего за его научно-литературное наследие, а именно – прекрасную тридцатисемитомную «Естественную историю», по сути, гигантский энциклопедический труд. В нем он определил Италию:

«Матерью всех земель, выбранную провидением богов. Великая миссия Рима – быть небесным светочем, освещающим путь для окрестных народов; объединять под своей сенью рассыпанные здесь и там империи; дать им пример лучшей жизни и свой язык, вносящий гармонию в нестройный хор диких наречий; а главное – показать им, что такое человечность («humanitas»)…»

Позже он радуется разрушению святилищ друидов в Британии:

«Даже нельзя выразить словами, насколько благодарны должны быть в Британии римлянам,

которые покончили с этими чудовищными ритуалами и святилищами, где убийство людей было высшим долгом жрецов, а поедание несчастных считалось условием для хорошего здоровья».

Именно так римляне «несли» миру человечность и гуманизм. Вам это ничего не напоминает? Точно так же мы «несли» свою цивилизацию народам нашей империи. По крайней мере, мы использовали ту же риторику, что и древние римляне. В наши дни, конечно, многое изменилось: просвещенный Запад безо всякой иронии выполняет свою просветительскую и гуманитарную миссию, о чем свидетельствуют бесплатные школы и больницы в самых бедных и отсталых странах мира. Тем не менее нужно признать, что за пределами Запада со стороны некоторых людей мы видим враждебное неприятие наших достижений, ценностей и институтов, таких как трансплантация органов и футбол, университетское образование и ракеты «земля-воздух», тренажеры и компьютеры, мобильные телефоны и Интернет, бейсболки и рок-культура. Интересно, что Осама бен Ладен делал бы без этих людей?

Концепция «гуманизма» со временем стала составной частью не только древнеримской юридической мысли, но и практики. К примеру, римляне организовали особые судебные присутствия в провинциях, в которых обиженные плохим отношением граждане могли привлекать к ответственности любых чиновников, даже столичных. Так, в своем романе «Imperium» Роберт Харрис описывает одно из таких дел, где Верес, продажный губернатор Сицилии, был привлечен к суду Цицероном по настойчивому требованию жителей

острова. Если некто, приговоренный к смерти, был римским гражданином, то по разрешению императора Клавдия он сам мог выбирать способ казни, а также имел возможность сохранить за своим родом принадлежавшую ему собственность и избежать унижительного публичного умерщвления. Государственная измена по причине того, что это преступление было направлено против одного человека (императора), а не всего общества, наказывалось несколько иначе. Первых христиан, например, сжигали живьем, что вызывало в обществе сильные протесты из-за варварства этого наказания.

Однако не было ничего постоянного под римской луной. Существовала некая коллизия, столкновение двух концепций – «*utilitas publica*» и «*humanitas*», – то есть «общественной пользы» и «гуманизма». Всегда существовали доводы за возвращение смертной казни как наказания – меры и средства, которое якобы рано или поздно должно изменить поведение общества к лучшему. Между тем жаждущим крови я посоветовал бы поразмышлять об альтернативе смертной казни, «изгнании» применительно к нашему времени. Существует огромное количество маленьких пустынных островков, рассыпанных по Восточному Средиземноморью, которые, кстати, римляне использовали именно для этих целей. По-моему, это неплохая мысль для пенитенциарной системы Евросоюза! Подумайте, сколько будет создано рабочих мест – от надзирателей до дантистов и прачек, а «переселенные» туда преступники будут пользоваться всеми «благами» заточения, включая свои права. Острова-тюрьмы стали бы прекрасным по-

лигоном для оттачивания своего профессионального мастерства для функционеров Евросоюза, юристов, судей и радетелей за права человека. Для заключенных-островитян можно было бы даже организовывать нечто подобное Олимпийским играм.

С другой стороны, можно было бы высылать криминальные отбросы в страны с богатыми тюремными традициями и возможностями. Как там сейчас поживает русский Гулаг? Официально он был упразднен в 1960 г., но его можно было бы быстро восстановить до оптимальных размеров и сделать этот «наследственный» русский бизнес рентабельным. Хочу напомнить, что многие русские лагеря и тюрьмы находятся в интереснейших с точки зрения климатологии районах, таких, как Северо-Восточная Сибирь и степи. Любопытно, что у древнеримского поэта Овидия, высланного Августом в Констанцу (город на черноморском побережье современной Румынии), богатый тюремный опыт пробудил необычайно яркие образы для создания новых поэтических шедевров.

Для богатых одни законы...

В одном из своих аспектов древнеримское право радикально отличается от нашего. Начну изда- лека. Святой Павел был грекоговорящим евреем родом из тех мест, где сейчас располагается Юго-Восточная Турция. Жителям этой провинции было даровано римское гражданство, и Павел вполне законно унаследовал его от своего отца. В 58 г. римские провинциальные власти арестовали его в

Иерусалиме за организацию восстания, и командующий римским гарнизоном Клавдий Лисий приказал подвергнуть организатора бунта избиению кнутом. Привязанный к столбу для наказания, Павел спросил у центуриона: «Законно ли подвергать наказанию римского гражданина без суда и следствия?» Лисий не знал, что ответить, и переадресовал вопрос императору Клавдию, присутствовавшему со своей свитой на экзекуции. Нахмурившись, император снизошел до диалога с Павлом, спросив его: «А разве вы римский гражданин?» – «Да», – спокойно ответил Павел, и на следующий день под сопровождением конвоя он был доставлен к кораблю, готовому отправиться в Рим. «Высокой же ценой вы приобрели себе гражданство», – ехидно бросил на прощание император. (Следует заметить, что некоторое время Павел был рабом в услужении у императора Клавдия.)

Вот что значило быть римским гражданином, и в этом также огромная разница между нашим и античным правосудием. Приговор, вынесенный тогда, в огромной степени зависел от массы непривычных для нас обстоятельств: свободный этот человек или раб, богатый или бедный, мужчина или женщина, гражданин или без гражданства. Все подсудимые обычно делились на две категории: «*honestiores*» («благородные люди») и «*humiliores*» (буквально – «унижаемые»), хотя было довольно сложно точно отнести какого-либо человека к определенному классу. Рабы составляли третью категорию.

Приведу здесь выдержки из трудов юриста Павла, жившего в III в.:

«Каждый из *honestiores*, кто действует созна-

тельно и с преступными намерениями, подлежит высылке на остров, а *humiliores* следует либо отправлять на каторжные работы, либо подвергать распятию на кресте.

Закон Корнелия налагает наказание в виде высылки каждому убийце либо тому, кто незаконно носит оружие. Теперь установлено, что в случае с *honestiores* такие преступления наказываются смертной казнью, а *humiliores* должны быть либо распяты, либо брошены на съедение диким зверям.

Согласно закону Юлиана о государственной измене, каждый, кто подстрекает к вооруженному мятежу против императора или государства... обычно подвергался изгнанию. Теперь же *humiliores* будут брошены в клетку с дикими зверями или сожжены заживо, а *honestiores* – казнены».

Перечисленные выдержки стали статьями судебного кодекса, и мы видим, что наказания различались также по степени унижительность – а древние римляне очень боялись публичного унижения; в данном случае – экзекуции, проводимой при большом стечении народа. *Honestiores*, конечно же, не могли избежать смертной казни, однако их старались не выставлять на посмешище и не делать из их наказания театрального действия. Казнили их быстро и скрытно. Преступников-*humiliores*, напротив, наказывали максимально публично, делая даже из их казни некое подобие шоу. Распятие, отправка на рудники под улюлюканье толпы, кровавая оргия в клетке с голодными зверями или сожжение живьем на костре – вот типичный перечень наказаний, предусмотренных для «низшего класса». Обратите внимание, что

первое наказание из перечисленных гарантировало верную, но долгую и мучительную смерть, а следующие три – настоящее представление для зрителей, жаждущих крови и мучений несчастных. Со временем казни переместились на арены и театральные подмости.

Гладиаторы, как мы знаем, имели возможность погибнуть достойно и даже приобрести свободу, показав на арене боевой дух, выносливость и благородство. В Древнем Риме процедура экзекуции превратилась в настоящее искусство; известен случай, когда приговоренного к смерти заставили играть Икара. Как известно, Икар был сыном Дедала, мифологического изобретателя скрепленных воском крыльев. Воспользовавшись рукотворными крыльями отца, Икар приблизился слишком близко к Солнцу. От нестерпимого жара воск на крыльях расплавился, и незадачливый Икар упал с высоты в море. Приговоренному преступнику пришлось повторить подвиг Икара – его сбросили с огромной высоты на искусственное озеро, вырытое в центре арены. Естественно, никакие крылья несчастному помочь не могли.

Очевидно, что древние римляне были бы чрезвычайно удивлены тому обстоятельству, что бедолаге лорду Арчеру (конечно же, он из *honestiores*), обвиненному в лжесвидетельстве, пришлось провести долгие четыре года за решеткой в компании с отъявленными уголовниками! Какое неподобающее обращение с потомственным аристократом! Бедняге пришлось писать слезливые письма в адрес министерства внутренних дел о своем ужасном положении. Министр, естественно, обо всем знал. Вот так блестящий лорд-романист (кстати, рато-

вавший за реформы в пенитенциарной системе) дал пищу для творческого вдохновения своему близкому другу, Чарльзу Диккенсу, также великому романисту и также выступавшему за тюремные реформы, правда, никогда в тюрьмах не сидевшему.

Исполнение законов

В древности не было полицейских, и каждый им был. С одной стороны, любой человек, как правило, был на виду, и любой проступок становился достоянием гласности. Где мог прятаться преступник в эпоху отсутствия коммуникаций? Разве что в лесах и пещерах. Преступник становился настоящим изгоем – это ли не сдерживающий фактор? С другой стороны, если различного рода злодеев было устрашающе много, значит, была причина не замечать этого? Вероятно, апелляция к местным «авторитетам» и страх перед кровной мстью были главным оружием в противодействии криминалу. В такой первобытной ситуации сочинение все новых и новых законов вряд ли приносит пользу, если эти законы никто и ничем не обеспечивает. Мне кажется, что мы находимся в той же самой лодке; и не потому, что так слабы и беззащитны, а потому, что у нас много законов и слишком мало полицейских. Настолько мало, что невозможно прекрасные законы сделать эффективными (а те полицейские, мозолящие нам повсюду глаза, иной раз занимаются чем-то еще, кроме исполнения своих прямых обязанностей). Сообщают о двух миллионах преступлений в год, до конца не раскры-

тых. Мы живем в обществе, наводненном маньяками и наркоманами; обществе, погруженном в бандитскую субкультуру. И в этом его радикальное отличие от общества античного. Не забудем, что в древности люди были как бы ближе друг к другу, если не физически, то духовно. Я полагаю, что древний римлянин просто легче мог докричаться о помощи, не сомневаясь, что на помощь придут не только друзья, но и незнакомые прохожие. Нам же в экстремальной ситуации приходится надеяться только на солидарных людей, которые если и не прибегут на помощь, то, по крайней мере, вызовут полицию по мобильному телефону. Я же лично ставлю на хорошее вознаграждение, которое должно выплачиваться незамедлительно каждому, кто по своей воле снабжает полицию ценной информацией.

Есть достоверные данные, что 100 тысяч рецидивистов ежегодно совершают половину от общего числа правонарушений и лишь 20 тысяч из них отправляются за решетку. А не принять ли нам точку зрения Платона, что склонность к преступлению – это болезнь, которую нужно лечить. Так может, «недолеченных» и вовсе не выпускать из тюрем? Кстати, недавно был сделан первый правильный шаг в этом направлении: введение института «лишения свободы ради общественной защиты», то есть осужденный может быть выпущен из тюрьмы только тогда, когда его признают «абсолютно не представляющим опасности для общества».

ИГРЫ ЗНАМЕНИТЫХ

Привлекающие публику

В современном английском языке есть слово «celebrity», восходящее к латинскому слову «celeber», основное значение которого – «хлопотливый, многолюдный, то, куда пришло много народу», то есть некто или нечто, привлекающее толпы людей. В античную эпоху эти толпы были видимые, вполне осязаемые; теперь же посредством современных аудио- и видеосредств вокруг действия можно собрать толпы виртуальные, куда как более многочисленнее. Имена и лица людей широко известных теперь вхожи в каждый дом. В 2006 г. был даже составлен рейтинг самых узнаваемых, популярных людей, как ушедших, так и живущих (согласно опросам компании «Гугл»): 1. Билл Гейтс, 2. Билл Клинтон, 3. Иисус Христос, 4. Группа «Битлз», 5. Альберт Эйнштейн, 6. Джен-

нифер Лопес, 7. Пол Маккартни, 8. Тайгер Вудз, 9. Джон Леннон, 10. Анна Курникова.

Несколько странноватый список, рожденный в недрах Интернета, практически ставит на одну доску (согласно узнаваемости, а значит, популярности) совершенно несовместимых – ни в каком смысле – спортсменов, поп-идолов, ученого, политика, компьютерного гуру и даже (по мнению многих респондентов) Сына Божьего! Как бы вдохновились древние! Представьте: «А теперь поприветствуем Юпитера... или, как его... Зевса? Рады видеть тебя! Да, можешь присесть вот здесь, на диванчике, рядом с Элтоном... простите, сэром Элтоном, ха-ха! Зевс – большой поклонник вашего творчества, сэр Элтон... ха-ха! Давайте поаплодируем Зевсу, за то что он нашел минутку, чтобы заглянуть на наше шоу... ха-ха!»

Полагаю, что если бы такой список популярности поручили составить совершенно другому сообществу людей, например «Ассоциации школьных учителей», то перечень великих и заслуженных людей не выглядел бы радикально иначе, потому что рейтинг «топ-10» составлен не по умственным или иным способностям, а по частоте мелькания в средствах масс-медиа (справедливости ради, замечу, что некоторых можно ввести и в список «самых умных»). По сути, это зал «славы». А за известность и славу осуждать нельзя. Узнаваемость и популярность публичных людей не всегда зависит от их умственных способностей, порядочности или иных качеств. Альберт Эйнштейн и Дженнифер Лопес... Ничего общего, кроме того что оба персонажа появляются с завидной периодичностью если не на экранах телевизора, то на страницах попу-

лярной литературы. Оставим в стороне само желание наших героев состоять в одном и том же, хотя и по-своему почетном, списке. Даже будучи номер один.

Теперь мы видим, что наше слово «celebrity» – «известность, слава, узнаваемость» – справедливо восходит к латинскому «celeber» с его «многолюдностью и вниманием масс». Всех известных людей я разделил бы на три категории. Это те, кто:

1. В общем-то, и не собирался становиться знаменитым человеком, как Эйнштейн, но стал им, потому что иного и быть не могло. У этих людей за плечами, как правило, огромные достижения, и статус «звезды» их откровенно тяготит.
2. Всегда хотел стать знаменитостью и достичь высот славы. Это – поп-звезды, известные актеры, литераторы, художники и прочий народ. Зачастую их достижения надуманны и раздуты.
3. Люди совершенно недостойные, в чем бы они ни специализировались. Например, Тони Бенн или участники игры «Большой брат». Для этих важно, что их узнают на улице. И это – начало их конца.

Знаменитости древности

Античная эпоха также может похвастать своими знаменитостями из двух вышеперечисленных категорий. Хороший пример из первой категории – Сократ. Он не искал ни славы, ни популярности. Эксцентричный, совершавший большие и

добрые глупости, обладавший блестящим умом и ставивший острые вопросы, он привлекал к себе толпы ищущей молодежи.

Во вторую, самую многочисленную категорию можно отнести так называемых «софистов» – профессиональных учителей философии и красноречия, дававших молодежи за умеренную плату открытые уроки по названным дисциплинам. Кстати, и Платон, и Сократ неодобрительно отзывались о деятельности софистов. В наши дни софистами можно было бы назвать таких теледеятелей, как Дэвид Аттенборо. Патрик Мурз, Саймон Скеймз и Дэвид Старкиз.

Возьмем, к примеру, Продика с острова Цеос (родился ок. 460 г. до н.э). Этот софист слыл большим сребролюбцем, жил на широкую ногу и на заработки ездил в Афины, где давал платные уроки, чрезвычайно популярные. Особенно слушателям нравились его лекции о правильном употреблении слов. Эти лекции посещал даже Сократ; правда, он шутил, что предпочел бы ходить на полноценные, серьезные лекции за пятьдесят драхм, чем платить одну драхму за халтуру. Аристотель, который и сам был не прочь порассуждать на тему «как привлечь и удержать внимание публики», посоветовал Продику «повысить плату за каждую лекцию до пятидесяти драхм, чтобы на занятиях народ не клевал носом».

Древние актеры имели приблизительно тот же статус, что и современные поп-исполнители (и, между прочим, были освобождены от воинской повинности и располагали полной свободой передвижения). Так же, как Бьянка Джэггер, кинозвезда и бывшая супруга лидера «Роллинг Сто-

унз», являющаяся, по совместительству, послом доброй воли при Совете Европы, или солистка из «Спайс Гелз» Джерри Халлуэлл, посол доброй воли при ООН, известные античные актеры были вхожи в иноземные посольства и даже брали на себя какие-то дипломатические функции. Неоптолемей и другие популярные трагики, действуя от имени двора Филиппа II Македонского (отца великого Александра), способствовали македонской экспансии в Греции и вызывали в свой адрес нескрываемую ненависть великого афинского патриота, оратора и государственного деятеля Демосфена. И все же величайшими «звездами» античного мира были атлеты, победители Олимпийских игр – спортивных соревнований, по содержанию и престижности затмевающих любые Игры современности.

Олимпийские герои

По-древнегречески «конкурс, соревнование» звучит как «агон» (отсюда «агония»). Слово это обозначало вообще всяческие игры, баталии, драматические фестивали (где пьесы и их авторы соревновались друг с другом по определенным правилам), а также различные конкурсы ораторов. Совершенно дословный перевод слова «агон» – «толпа, собравшаяся посмотреть соревнование». Такова точка зрения древних греков: соревнование не значит ничего, если оно не происходит на публике. Любая победа малоценна, если не достигнута на глазах свидетелей.

Современные спортсмены, чьи соревнования

проходят зачастую при закрытых дверях на фоне рекламных щитов, по мнению древних – кто угодно, только не атлеты. Мы-то с вами знаем, что основная часть многомиллионных гонораров выдающихся футболистов, легкоатлетов и прочих теннисистов действительно происходит из их рекламных контрактов, а вовсе не из призовых вознаграждений. Дело доходит до курьезов: Анна Курникова, например, считающаяся одной из богатейших теннисисток мира, за всю свою спортивную карьеру не выиграла ни одного (!) взрослого турнира.

В честь чемпионов древних Олимпиад (на деньги спонсоров и, в меньшей степени, самих атлетов) ваяли скульптуры. Именно поэтому территория, прилегающая к стадиону в легендарной Олимпии, буквально усыпана статуями победителей. В честь чемпионов нанятые поэты слагали оды (особенно «плодовитым» был поэт Пиндар), композиторы писали песни, а танцоры в дни триумфа без усталости плясали в родных поселениях новоиспеченных «олимпиоников» (олим-

*Олимпийские игры. Бегуны на короткую дистанцию.
Изображение на вазе VI в. до н. э.*

пийских чемпионов). В своих поэмах Пиндар называл победителей «близкими к святости» (не те ли качества фанаты приписывают своим спортивным кумирам и поп-идолам?), в то время как проигравших, по словам поэта, дома никто не ждал (неужели даже домашние?), и неудачникам приходилось возвращаться к родным пенатам буквально по задворкам.

Древние греки страшно боялись быть осмеянными на публике, и проигравшие, зная, что их ждет на родине, старались, что называется, «не высываться». До нас в виде анекдотов дошли несколько историй. Первая – о некоем бегуне Хармосе: видя беспомощность бегуна на дистанции, к нему подбежал его товарищ и для приободрения духа дал отстающему тумачков. Однако это помогло мало, и Хармос все равно прибежал последним. Вторая история о некоем Маркусе, который бежал так медленно, что пришедший ночной сторож закрыл двери стадиона на засов, приняв бегуна за статую. Говорят, что перспектива публичного унижения подвигла сборную Англии по регби достичь неслыханных высот (после разгромного поражения 0–36 от сборной Южной Африки в первой игре на Кубок мира 2001 г.). Без сомнения, древнегреческих атлетов вдохновляло еще и серьезное вознаграждение, предусмотренное для победителя властями его родного города – пожизненное обеспечение съестными продуктами за общественный счет, лучшие места в театрах, а также налоговые послабления. В наши дни спортсменам, добившихся важных результатов, обычно награждают орденом Британской империи 5-й степени.

Быть чемпионом... (не) обязательно

Древнегреческий «Олимпийский комитет» требовал, чтобы все участники соревнований появлялись в Олимпии за месяц до официального открытия Игр для тренировок и вообще демонстрации своих способностей. Явно слабые атлеты отсылались домой. В свою очередь, участники, которые не видели себя в чемпионах изначально, находили любые причины, чтобы добровольно вернуться на родину. Особенно осторожничали атлеты, намеревавшиеся участвовать в контактных видах спорта, таких как бокс и борьба. Исторические хроники донесли до нас сообщение, что «такой-то выиграл Игры «akonti», буквально «без пыли», то есть совершенно без борьбы. Соперники, бросив на потенциального чемпиона один взгляд, попросту разбежались.

Дискобол. Изображение на вазе VI в. до н. э.

Ни один древний эллин не сказал бы: «Участие – вот что главное» или «Все – победители». Древнегреческое слово «athletes» означает не что иное, как «соревнующийся за приз», а вовсе не «тот, кто участвует». Цель у атлетов была одна – победить. Каждый, кто не побеждал, считался проигравшим. На Играх не было призов за второе и третье места; то есть атлет, прибежавший к финишу вторым, приравнивался к аутсайдерам. Будь такая система принята в наши дни, малым и не очень спортивным странам, мечтающим в лучшем случае об одной-двух медалях, не имело бы никакого смысла посылать на международные соревнования свои немногочисленные делегации. Эти страны сэкономили бы уйму денег, а зрители были бы избавлены от скучного лицемерия отборочных «разогревающих» забегов и заплывов. Отступление, конечно, шуточное, и я рад, что современные Олимпийские игры руководствуются главным принципом Олимпийской хартии – «главное не победа, а участие».

Ставки на победителя

К сожалению, древним грекам была известна и главная болезнь современного спорта высших достижений (скорее, это околоспортивный аспект), а именно, страшное давление различного рода чиновников, функционеров, спонсоров, оказываемое на спортсменов и их тренеров. Так это происходит, например, на соревнованиях болидов в «Формуле-1». Это возмутительно, когда директора и менеджеры «конюшен» указывают пилотам, что им де-

лать и как выступать. Например, на «Гран-При Австрии» 2002 г. пилоту из команды «Феррари» Рубенсу Баррикелло велели уступить дорогу коллеге по команде Михаэлю Шумахеру (кстати, бессменному чемпиону тех лет). Весь чемпионат 2007 г. тлел трехсторонний конфликт между менеджментом команды «Макларен» и ее двумя лидерами – Фернандо Алонсо (считавшему, что именно ему должны быть отданы все приоритеты) и британским новичком Льюисом Хэмилтоном (также прекрасно себя зарекомендовавшим).

Напрашивается очевидное сходство с античными состязаниями колесниц – зрелищем необычайно дорогим и хлопотным (содержание лошадей, организация конюшен, изготовление и ремонт колесниц и тому подобное). Без сомнения, этот олимпийский вид спорта был привилегией людей очень богатых (либо самих наездников и возниц, либо их спонсоров). В результате победы в скачках или состязаниях колесниц считались самыми престижными, а в час восхваления победителей уже знакомый нам поэт Пиндар славословил почему-то не наездников или возниц, а владельцев всего этого «хозяйства». Конечно, оды он слагал по заказу и, в общем-то, ничем от наемных наездников-исполнителей не отличался. До нас дошли его творения, воспевающие не тех, кто, рискуя жизнью, добывал оливковую ветвь победителя, а хозяев лошадей и колесниц, взиравших на соревнования с трибун и время от времени (наверняка это было так) хватавшихся за сердце.

Гонки колесниц были возможны, конечно, благодаря усилиям и деньгам хозяев. То же самое происходит и в «Формуле-1». Гонщики, си-

дящие за изящным рулем и нажимающие на педаль акселератора, смелы и сильны физически, но на этом их функции завершаются. На кону их жизнь и спортивная репутация, но всем этим руководят большие деньги, а они, как известно, решают все. Поэтому в системе «собственник – исполнитель» гонщики, даже самые блестящие, знают свое место. Это место – нигде.

Тем не менее у древнегреческих атлетов было огромное преимущество перед современными спортсменами: они не были заложниками своих громких имен и рекламных контрактов. На своей спортивной одежде им не приходилось нести логотипы известных компаний, потому что никакой формы не было вообще: древнегреческие атлеты выступали совершенно обнаженными. Не сомневаюсь, что появившись современные рекламные агенты на стадионе в древней Олимпии, они эту ситуацию исправили бы.

Остановить немедленно!

Отношения между полами никто не отменял, и поэтому в места проживания современных олимпийцев (так называемые «олимпийские деревни») контрацептивы завозят грузовиками, а на страницах газет не умолкает дискуссия о вреде и пользе присутствия рядом со спортсменами их жен и подруг во время больших соревнований. Общественное мнение склонно полагать, что поддержка (во всех смыслах) близких людей окрыляет спортсменов и поддерживает их боевой дух, а нелепые запреты на этот счет некоторых тренеров и функцио-

неров ограничивают свободу и являются нарушением прав личности.

Однако оставим политику в стороне и обратимся к физиологической стороне дела. Древние греки с такой постановкой вопроса были не согласны вообще, потому как считали мужское семя основополагающим компонентом и условием мужской силы. Вот мнение древнегреческого врача Арефия: «Мужчина, находящийся во власти семени, крепок, смел и силен физически. Доказательство тому – достижения атлетов во время воздержания».

Даже о непроизвольном ночном семяизвержении думали как о нежелательной угрозе выносливости и правильного дыхания. Мыслитель Филострат (III в. н. э.) в своем трактате «Гимнастикос» пишет, что «...у кого это случилось, должен заниматься укреплением своей силы более тщательно, чем обычно, так как у него в теле теперь нехватка жизненной силы... заниматься придется больше обычного, чтобы его легкие получили большую нагрузку».

Профилактика всегда лучше лечения, поэтому древнеримский врач Гален рекомендует атлетам предпринимать меры предосторожности: «Когда атлет напрягает бицепсы, чтобы перетащить большой свинцовый снаряд, ему нужно быть очень осторожным, особенно если у него недавно было ночное семяизвержение».

Некоторые атлеты даже не допускали мысли о сексе. Они попросту выходили из помещения, где заводили разговоры «про это»; а «панкратион» Клейтомах, говорят, отворачивал взгляд от совокупляющихся собак.

В гомоэротичной атмосфере гимнастического зала обнаженные атлеты, как могли, боролись с искушениями и соблазнами, стараясь при этом не искушать других. Неудивительно, что многие из них прятали свои причинные места под специальной кожаной пластиной.

Под огнем критики

Во времена расцвета Римской империи во всем Средиземноморье проходили сотни соревнований, где лучшие атлеты, ставшие профессионалами, могли показать свое мастерство. В некоторых городах спортивные соревнования по накалу и размаху не уступали «настоящим», традиционным Олимпийским играм, а в Александрии и Эфесе, например, Олимпийский огонь не угасал никогда. В самой Олимпии Игры, как вредная языческая забава, были запрещены в 394 г. н. э. императором Феодосием. Античные атлеты-профессионалы кочевали от соревнования к соревнованию, в точности как труппа гастролеров-баскетболистов «Харлем Глобтроттерс», требуя кроме почестей еще и деньги (ничего не изменилось и поныне).

Как и сегодня, герои спорта были необычайно популярны и, по сути, приравнивались к полубогам. Некий Феаген из Тасоса оставался непревзойденным в течение 22 лет, выиграв за это время 1400 титулов, за что на его родном острове в его честь была воздвигнута статуя. Интересно, что один из бывших соперников Феагена решил разбить ненавистную статую, но крайне неудачно: свалившаяся с постамента статуя насмерть придавила зло-

умышленника. Позднее статую обвинили в убийстве и сбросили в море. Когда на острове разразился голод, дельфийский оракул посоветовал извлечь статую из моря и вернуть ее на прежнее место. В течение целых восьмисот последующих лет у статуи, которая, как считалось, имеет целительную силу, совершались жертвоприношения. Интересно, что в постамент и нижнюю часть статуи для защиты от воров были замурованы массивные железные кольца, которые можно видеть и по сей день. Можем ли мы представить некоего болельщика «Сандерленда», сокрушающего памятник великому игроку «Ньюкасла» Джэки Мильбурну, установленный в его родном городе Ашингтон? Зная буйство наших фанатов, я рекомендовал бы усилить охрану памятника хотя бы техническими средствами.

В адрес атлетов древности, как и сегодняшних, выпускалось немало критических стрел. Раздутое самомнение (подкрепленное сегодня безумными гонорарами и фотографиями на первых страницах таблоидов) было свойственно и античным спортсменам. Кроме того, их обвиняли в неспособности думать о чем-либо еще, кроме спорта. Приводим слова врача Галена: «Возможно, из-за таких огромных денег, а не чего-то еще атлеты витают в облаках. И если вы видите, что кто-то из них живет в долгах – это потому, что они уже больше не выступают».

Древнегреческий поэт и мыслитель Ксенофан отмечал, что, хотя победители Олимпиады щедро вознаграждались морально и материально, «их родные города от этого не богатели и лучше не управлялись».

Ему вторил Аристотель: «Совершенствование физической силы атлетов не имеет ничего общего ни с целями обычной гражданской жизни, ни с воспроизводством детей, ни с укреплением их здоровья. Некоторые упражнения действительно полезны, но только не те, которые развивают в атлетах жестокость и злобу».

Когда наш министр образования, радея за здоровье учеников, рекомендует ввести в школах уроки йоги, Аристотель встал бы на его сторону, если, конечно, этот вид не был бы включен в олимпийскую программу (мне кажется, что такое обилие олимпийских дисциплин – от пляжного волейбола до синхронного плавания – древних греков, мягко говоря, смутило бы). А Цицерон, например, вообще не видел ничего хорошего ни в соревнованиях, ни в спорте вообще. Известно, что, когда Милон, знаменитый борец, уже состарившийся, увидев занятия молодежи, посетовал оратору, что руки его «уже мертвы», Цицерон ответил ему: «Нет, глупец, это ты – мертвый, если все твое достоинство исходит не из тебя самого, а из твоих рук и ног».

Классические Олимпийские игры проводились с 776 г. до н. э. по 394 г. н. э. один раз в четыре года строго в одном и том же месте: святилище Зевса Олимпийского в Западном Пелопоннесе. Если и сейчас Олимпиады проводились бы в одном и том же месте, мы избежали бы изнурительной, дорогостоящей, никчемной, полной коррупционных эпизодов борьбы городов за право проведения очередных Игр. В общем и целом отношение самих древних греков к своему детищу мне представляется (как дико это для нас не звучало бы) резко от-

рицательным. В критике Олимпийских игр и всего, что с ними связано, эллины зашли очень далеко, считая их бесполезными, нездоровыми и постыдными.

«Желтая пресса»

Есть еще одна особенность, роднящая мир современных знаменитостей с их античными коллегами: нездоровый интерес широкой публики к их частной жизни (см. журнал «Heat», где во всей красе развернулась газетно-журнальная истерия вокруг личной жизни принцессы Дианы). Древнегреческий историк и писатель Плутарх указывает, что политикам нужно быть начеку, потому что «публичные люди в своей личной жизни должны быть более ответственными, нежели в словах или действиях: их обеды, любовные похождения, дружеские вечеринки, развлечения и интересы всегда становятся объектом для любопытства».

Наиболее полно и блестяще описана частная жизнь императоров и их приближенных в восьмитомном труде древнеримского писателя и историка Светония «О жизни двенадцати цезарей». Знаете ли вы, что, даже будучи в преклонном возрасте, император Август не расставался со своей «страстью» – лишать девственности юных девушек, которых ему «поставляла» его жена? Что Калигула совершал инцестные связи со своими тремя сестрами по очереди? Что император Клавдий собирался законным образом разрешить издавать неприличные звуки, сидя за обеденным столом и находясь на публике? Что Нерон рыскал по ноч-

ным римским улицам, вонзая свой кинжал в совершенно незнакомых, случайных прохожих, сбрасывая затем их трупы в зловонную клоаку? Что император Гальба повелел обучить слонов хождению на канате? Что во время пиров с участием императора Вителлия на столах одновременно находилось не менее четырех тысяч столовых предметов из чистого золота? Что Домициан был настолько искусным стрелком из лука, что мог с большого расстояния послать стрелу в окружность, образованную пальцами одной руки своего раба? Прочитайте Светония. Там все это есть.

Причина расцвета всей этой околосветской, придворной хроники – не только простое человеческое любопытство и тяга ко всему скандальному. Дело в том, что имперский двор (если отбросить частную жизнь сенаторов в республиканскую эру) всегда был закрытой сферой, доступной лишь избранным, куда вход посторонним был строжайше запрещен. Такая закрытая система обязательно генерирует слухи и сплетни, так как абсолютно непрозрачна. Это же в точности относится к жизни современных политиков. Наилучший пример – Тони Блэйр и его диван, а также Гордон Браун со своим неоимперским стилем правления. Что бы не происходило на глазах у общественности, реальная политика творится в тихом кругу друзей и советников. Так как для средств массовой информации обычно недоступны никакие более или менее серьезные и ответственные источники информации, остаются слухи и пронырливые «папарацци». Отсюда бесконечные истории о Чери Блэйр, Кэрол Кэплин и так далее.

Гладиаторский гламур

Древнеримским эквивалентом большого спортивного события, несомненно, являлись гладиаторские бои (так же, как и гонки колесниц; однако я сконцентрируюсь именно на гладиаторах). Гладиаторами (дословно – «боец, владеющий мечом»; от латинского «gladis» – «меч») становились, как правило, неудачники, преступники либо рабы. Их готовили специально на потеху публике, и вся их сценическая роль развивалась по двум сценариям: либо убить другого гладиатора, либо погибнуть самому. Согласно известному древнеримскому мифу, Ромул и Рем, вскормленные волчицей, воспитанные пастухами и основавшие Рим, были детьми Марса, бога войны. И поэтому их наследники – римляне – не должны знать колебаний и жалости к врагам. Тем более гладиаторы.

В 221 г. до н. э. во время погребальной церемонии некий римлянин, перечисляя добрые деяния и заслуги своего усопшего отца, кроме мудрости, славы и достойного служения обществу, отметил также, что «он хотел быть воином первой шеренги». В среде древнеримских легионеров быть «воином первой шеренги» значило быть готовым к схватке один на один с соперником. Гладиаторы и представляли тот особый бескомпромиссный дух «воинов первой шеренги». Цицерон допускал, что не могло быть «лучшей школы, в которой учатся превозмогать боль и не бояться смерти, чем состязания гладиаторов». Плиний Старший считал, что «гладиаторские бои не ухудшают общественную нравственность, а вдохновляют народ с презрением относиться к смерти,

демонстрируя жажду славы и стремление к победе даже среди преступников и рабов».

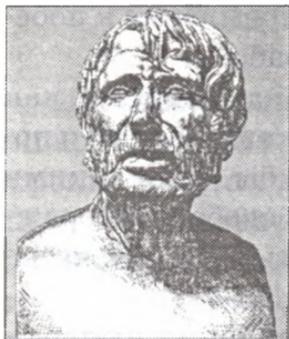
Но если даже такие низшие индивидуумы, как рабы, могли быть примером в «жажде славы и побед», то насколько лучше было бы, если такими качествами были бы одержимы свободные граждане? А ведь эти качества – часть того, что называлось «быть римлянином».

По мере расширения и укрепления империи идея устраивать «свои» игрища овладевала многими местечковыми правителями. То же самое происходило и в Британской империи. Мы, например, привили многим вассальным народам вкус к игре в крикет. Вместе с тем мы экспортировали наши традиционные ценности и традиции – такие как «честная игра», спортивные судьи и даже пятиминутный чай со сливками.

Игры со звериным лицом

Однако раздавались и недовольные голоса. Так, философ Сенека, без большого удовольствия наблюдавший, как кровавые зрелища огрубляют людей, ужесточают их нравы, писал: «...утром они бросали людей к диким животным, а днем – к ногам зрителей».

Он рассказывает, как толпа, видя пассивность или неспособность гладиатора из-за раны либо изнеможения продолжать схватку, ревет нечеловеческим голосом, указывая распорядителю на арене: «Убей его! Дай ему кнутом! Прижги его железом!» И когда распорядитель уже вмешался, с трибун несется: «Пусть вон тому подрежут гор-

*Сенека.
Предполагаемый
портрет философа*

ло, чтобы не тянул время!» После просмотра одного такого спектакля Сенека вспоминает: «Я пришел домой более алчным, амбициозным, нервным, жестоким и бесчеловечным».

Эти слова применимы и к атмосфере современных боксерских поединков и других грубых контактных видов спорта, хотя сегодня такие единоборства опутаны регламентациями и правилами, которые в какой-то степени эти единоборства «очеловечивают». Взять те же боксерские перчатки, смягчающие удары, или ограничения в разнице веса участников.

Гладиаторские команды, как правило, являлись чьей-то собственностью (сегодняшние спортсмены тоже не свободны в профессиональном плане, находясь в зависимости от спонсоров и промоуторов); нередко были обмены гладиаторов, их продажа и перепродажа. И вообще в коммерческом смысле они были хорошим объектом для вложения капитала. Содержание гладиаторов было удовольствием не из дешевых: их нужно было тренировать, экипировать, кормить, где-то селить и перевозить с арены на арену. Чем не аналогия с современными футболистами?

Когда публика оставалась недовольна зрелищем, гладиаторы платили высокую цену. Некоторые бойцы были «такие старые и дряхлые, что их можно было свалить с ног, лишь дунув на них». Несчастных подгоняли плетью навстречу верной

смерти. На современных боксерских ристалищах царят те же нравы, разве что боксеров не подгоняют пинками.

Нет худа без добра

Самых смелых и удачливых гладиаторов римская публика знала даже в лицо, как если бы это были выдающиеся писатели или актеры. На бои этих гладиаторов ходили так же, как сейчас ходят на матчи знаменитых футболистов. Разве что футболистов, если нет травмы, можно увидеть и в следующем матче; гладиаторы жили сегодняшним днем, вернее, вечером. И никто не знал, что их ждет на арене – слава или смерть. Иногда отличившимся бойцам, любимцам публики, доставался главный приз – свобода. Хозяева по требованию зрителей награждали такого гладиатора значительной суммой и, если он был рабом, ходатайствовали перед властями об освобождении его из рабства.

Интересно, что некоторые гладиаторы настолько свыклись со своей смертельной ролью, что, даже получив свободу, не уходили с арены. Эти гладиаторы были необычайно популярны в народе; и не удивительно, что многие античные стены буквально исписаны восхвалениями в адрес любимцев: «Целадус заставляет вздыхать всех девочек», «Кресценс – в сердце девушек». Находим мы и рисунки (иногда совершенно примитивные), изображающие гладиаторов в действии. Сатирик Ювенал писал по этому поводу, что «все женщины обожают меч», вкладывая в эту фразу, конеч-

но же, двойной смысл и предвосхищая нашу эпоху, которая необычайно богата на спортсменов-сердцеедов, таких как игрок сборной Франции по регби Себастьян Шаброль. Хотя сами гладиаторы и не оставили после себя никаких свидетельств, мемуаров и автобиографий, как это делают современные спортсмены, известно, что некоторые из них попали в анналы современников, как писателей, так и антрепренеров. Нам известно также, что вокруг гладиаторов и игр в целом выросла целая индустрия: сувенирные лавки продавали ножи, лампы и посуду со сценами гладиаторских боев; изображения гладиаторов можно было встретить на многих изделиях – начиная с флаконов с духами и заканчивая детскими бутылочками и женскими пудреницами.

Любопытно, что спонсоры и инвесторы совершенно не горели желанием лицезреть те жестокости, которые сами же и оплачивали. Не желали они видеть и плебс на трибунах. Если они попадали в почетные ложи, то лишь для того, чтобы убедиться, что средства вложены правильно. Естественно, как и любой собственник, не желающий порчи своего товара, хозяева гладиаторов не желали их смерти. В списках гладиаторов напротив имен и прозвищ («Иллириец», «Аквитанец») мы находим короткое слово «missi». Это значит «не выставлять на бой; свободен». Примечание красноречиво говорит нам о том, что к гладиаторам относились не только как к «пушечному мясу». Я считаю, что кровавые ужасы на арене в голливудском стиле – реальность; однако имело место и уважение к гладиаторам (естественно, к тем, кто заслужил к себе такое отношение). Жизнь, как всегда, много-

цветна. Гладиаторские бои – это бизнес со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Звезды политической сцены

В начале этой главы я уже классифицировал знаменитых людей по трем категориям; причем в третьей категории поселились те, кто вообще ничего полезного в жизни не совершил, но стал популярным благодаря частому мельканию в средствах массовой информации. Мне чрезвычайно трудно найти аналогию в античном мире. Были ли там такие? Чтобы стать знаменитостью в ту эпоху, человек должен был совершить что-то серьезное и что-то из себя представлять.

Однако известны случаи, когда важные политические фигуры древности использовали все свое могущество и влияние, пытаясь предстать перед публикой в качестве «звезды» в каком-либо виде искусства или спорта. В нынешние времена такое, как мне кажется, большая редкость. Не считать же, на самом деле, поп-звездой Билла Клинтона, недурно поигрывающего на саксофоне? Так же не дотягивают до звездного статуса ни Гордон Браун, не понаслышке знакомый с театральными подмостками, ни Ее Величество со своим, чуть ли не театрализованным, отрепетированным за десятилетия, ритуалом чаепития. Правда, нельзя не вспомнить о принцессе Анне как об очень искусной наезднице (между прочим, участницей Олимпийских игр) и принце Филиппе, жокее и наезднике, участнике многих европейских и мировых чемпионатов. Но вернемся в Древний Рим. Пресло-

вутый император Нерон, например, убедил себя и других, что он великий актер, певец, знаток оперного искусства и вообще суперзвезда своей эпохи. Выкладывая все свои козыри на стол, он стремился поразить современников, и ему, по правде сказать, это нередко удавалось. В те времена настоящим очагом культуры была, несомненно, Древняя Греция, и неудивительно, что именно в Элладе честолюбивый император пытался демонстрировать все свои многочисленные таланты. Незаурядный актер, эстет, шоумен и пиарщик, он удивлял искушенных эллинов своей разносторонностью. Один дотошный античный историк подсчитал, что в 66–67 гг. н. э. на легендарной земле Эллады Нерон в различных конкурсах, соревнованиях и спортивных состязаниях выиграл аж 1808 (!) первых призов. Не дураки они, эти греки – Нерон отблагодарил гостеприимных эллинов за их расположение по-царски, освободив их от римских налогов и власти римского права. Я уже упоминал, что последние слова Нерона были: «Мертвый, но какой был артист!».

Самая большая ирония в судьбе императора в том, что главную свою роль – императора – он сыграл скверно. Могу назвать еще одного античного деятеля, рвавшего в «звезды», – императора Коммодия, не брезговавшего выходить на арену в гладиаторском облачении и требовавшего отношения к себе как к богу.

В наше время, наоборот, многие звезды шоу-бизнеса жаждут занять место в большой политике: на слуху такие имена, как Рональд Рейган, Арнольд Шварценеггер или наша Гленда Джексон.

Видимо, это общемировая тенденция. Если

чего и нельзя найти в античном мире, так это так называемого феномена «прохладной Британии» («Cool Britannia») времен Тони Блэра, когда поп-звезд, актеров, стилистов и спортсменов приглашали высказаться на злобу дня и, представьте, выслушивали их мнение, чего никогда не случилось бы даже в эпоху таких просвещенных правителей, как Перикл или Марк Аврелий.

Согласимся, что современные культура и спорт требуют чрезвычайного профессионализма, а политика, видимо, осталась последним островком, где прекрасно себя чувствуют дилетанты. Рассказывают, что премьер-министр Таиланда Самак Сундаравей ведет на ТВ уроки кулинарии. Не сомневайтесь, свое шоу он никогда не бросит.

Конец славных дней

В 2003 г. выяснилось, что двое британских командос из морской пехоты избежали в Ираке пленения, пройдя по горам и каменистой пустыне несколько сот километров. Они шли в сторону сирийской границы ночами. Кто же были эти беглецы? Никто не знает, и никто никогда не узнает.

Девиз морской пехоты «Не силой, а хитростью» – классическая антитеза. В повествованиях Гомера мы читаем, что перед штурмом Трои решался вопрос: силой брать укрепленный город или хитростью? В конце концов, как известно, Троя была взята с помощью деревянного коня, внутрь которого втиснулись осаждавшие. Коня придумал Одиссей, последний герой, использовавший не грубую силу, а хитрость, в отличие от Ахилла, делавшего ставку на жестокость и насилие. Тем не менее оба героя одинаково рисковали жизнью,

одинаково желали увидеть результаты своей борьбы и оба заслуживали «kleos» – «величие после смерти» – естественное желание человека оставить для потомков память о себе.

В этом смысле поведение современных воинов отличается большей скромностью – никто из них о «величии после смерти» не думает. Не секрет, что во многих семьях мало знают о героических поступках отцов и дедов. Возможно, опыт Первой и Второй мировых войн печален тем, что буквально каждая семья понесла катастрофические потери. Характер этих войн объясняет, почему мы на Западе думаем о них так, а не иначе. В настоящее время мы проживаем мирный период, самый долгий в истории человечества. Каждый из нас не готов и не может сражаться с врагом лицом к лицу. Антивоенные движения и ненависть масс-медиа ко всему военному – дело совершенно обычное. Пацифизм – повсюду. Поэтому, если мы втягиваемся в войну (как в Ираке), мы обязаны следовать канонам войны и вести себя так, как подобает вести на войне. Что касается солдат, то, мне кажется, они явно лишены воинского духа, будучи связаны по рукам и ногам законом. Ограничения, навязанные военным людям невоенными, создают условия для постепенной деградации армии. И это в то время, когда в мире столько непредсказуемых тоталитарных режимов, рвущихся к ядерному оружию либо им обладающих. Пацифистские законы хороши, когда они исполняются всеми вокруг. Теперь нам понятна мотивация древних, когда любой народ был окружен врагами. Лишь боееспособное войско могло служить гарантом самого существования общества. Тут не до закона

«*Inter arma silent leges*» – «Во время войны законы замолкают» (Цицерон). Разве эти слова не актуальны сейчас? Если только враг захочет мира, стремись к миру и ты. Излишне пацифистские законы просто погубят наше общество. Если дело пойдет так и дальше, наши солдаты будут вынуждены испрашивать у противника разрешение, чтобы навести на него ствол пушки или автомата.

Убеждения убийцы

Древние греки были бы крайне удивлены, если бы узнали, что когда-нибудь (я имею в виду современную эпоху) движущим мотивом разжигания войн будет являться также и религиозная нетерпимость. Или, по крайней мере, по религиозным мотивам одна часть человечества будет ненавидеть другую ее часть. За некоторыми исключениями (события в Ветхом Завете и войны римлян с иудеями в 66–133 гг. н.э.) войны на религиозной почве в древнем мире просто не могли начаться, потому что в те времена люди были убеждены в том, что чьих-либо богов нельзя оскорбить существованием других богов. Поэтому неудивительно, что после завоевания очередной новой территории древние римляне немедленно оказывали знаки уважения богам и духам завоеванного народа, а по сути самому завоеванному народу. Так, в Британии мы находим алтарь, посвященный так называемому «*Campestres*», то есть пантеону с «военным уклоном». В этот пантеон вошли

Марс, Минерва, Геркулес, Виктория и (внимание!) почему-то некая Эпона. Кто это? Местная богиня в образе лошади! В алтаре, посвященном «духу Августа», присутствует некий или некая Ванаунс. По сей день неизвестно, чей это был божок, да это и не важно. Именно этим объясняет Миниций Феликс (III в. н. э.) огромные успехи Рима в своих аннексионистских начинаниях: римляне попросту «привлекали» чужих богов на свою сторону. Действия нынешних американцев в Ираке древним были бы совершенно непонятны.

Семена наступившей в более поздние времена религиозной нетерпимости проросли и дали свои страшные всходы. Крестовые походы, набеги сарацинов, Варфоломеевская ночь, восстание гуситов, резня в Константинополе – список религиозных войн можно продолжать бесконечно. Возможно, местные, ограниченные в пространстве и времени, культы и верования не могут вызвать вселенского пожара. Так было с культом Яхве (скорее всего, именно так звучит имя еврейского божества), до поры и до времени не вызывавшего агрессии окрестных народов. До тех пор, пока завоевавшие Иудею римляне не решили разобраться с «чужим» богом, а заодно с его почитателями.

А вот окрепшее христианство смотрело на мир иначе. Христиане считали, что все народы должны почитать Его, а уверовавших в Него ждало вознаграждение – если не в этой жизни, так в следующей. И горе неверующим! Вселенский плач раздался и с появлением в VII в. другой мировой религии – ислама. Исламские экст-

ремисты до сих пор придерживаются того мнения, что всякий, кто не с ними, заслуживает смерти. «Борцу» же за веру, а попросту убийце неверных, гарантирована после смерти жизнь в райских кущах.

Древним римлянам и грекам показалась бы забавной сама постановка вопроса: какой именно бог из их пантеона не потерпел бы присутствия рядом другого бога? И с какой стати (по словам Цицерона) люди должны защищать всемогущих богов? Боги и сами способны разобраться с недругами. Мне вообще кажется удивительным, что такой серьезный деятель, как Цицерон, занялся этим вопросом. Тем не менее он не особо возражал против богохульства и не предлагал за это никаких санкций. «В конце концов, какое юридически обоснованное наказание может наложить разгневанное божество?»

Наиболее важным мне кажется то, что древние охотно шли на объединение чужих богов со своими. Как сейчас сказали бы – между различными культурами процветал экспорт и импорт в религиозной сфере. Взять финикийскую богиню Астарту – богиню Луны, плодородия и интимных отношений. Все сходится во мнении, что она – прообраз знаменитой Афродиты. Так что неудивительно (только никому не говорите), что христианский Бог и мусульманский Аллах – близкие родственники, а мусульманский Иса и вовсе Иисус. Как и Джебраил – бывший Гавриил. Откуда такая неприязнь адептов этих великих религий друг к другу, только самим богам и известно.

Справедливая война

Есть широко распространенное мнение, что первые размышления святого Августина касались «справедливых войн», их определения и классификации. Августин искал «справедливым войнам» оправдания и, что интересно, находил их. Однако древнеримский государственный деятель и философ Цицерон рассуждал на эту тему задолго до знаменитого праведника в своем труде «De officiis» (то есть «Об обязанностях»): «Есть два способа вести дискуссию – вступать в мирную полемику или применять насилие. Однако первый вариант – для людей, а последний подходит для животного мира. Тем не менее мы обязаны прибегнуть к силе, если дальнейшее ведение мирной дискуссии невозможно. Единственное оправдание развязывания нами войны заключается в том, что только так мы и можем жить в мире целые и невредимые».

«Справедливой» может считаться война, которая отвечает нескольким условиям (по Цицерону). Любая война несправедлива и нечестна, если только одной из сторон не была затребована компенсация за нанесенный ранее ущерб; или если война не была объявлена официально. Цицерон разделяет войны на те, что ведутся ради физического выживания, и те, чьей целью является укрепление «империи» (первоначально «imperium» – «руководство, контроль») или если на кону «gloria» – «слава». Великий оратор оправдывает оба вида войн. По его мнению, война «за империю» может считаться легальной, если

ведется с «как можно наименьшей горечью» (слова Цицерона).

- Победители должны обращаться с побежденными милосердно при условии, что сами побежденные действовали без жестокости и варварства.
- Воевать должны лишь солдаты, включенные в боевые списки.
- Все обещания и договоренности должны неукоснительно исполняться.

Бросается в глаза, что Цицерон считает интересы империи оправданием всех развязанных Римом войн; что самозащита и имперская экспансия являются достаточными мотивами для проведения силовых акций. Такая точка зрения вообще была характерна для всего античного мира. Призывы Цицерона к «милосердию» по отношению к странам и народам, подчинившимся Риму, характеризует имперскую политику как умную и хитрую. Древний Рим насаждал друзей там, где только мог, и эта политика на самом деле была частью его захватнической стратегии.

Вергилий называет имперскую захватническую политику «прощающей поверженных и предупреждающей излишне строптивых». Тем не менее право решать, кто достоин снисхождения, а кто – смерти, Рим оставил за собой. Совсем как Дональд Рамсфельд.

Слова-лаконизмы

Всем известно, что в условиях реального боя краткость и четкость команд играет наиважнейшую роль. Когда решается вопрос жизни и смерти, тот, кто раньше примет решение, раньше среагирует на изменившиеся условия, тот выиграет битву. Промелькнула информация о том, что во время боев за Иводзиму американские военные тратили на отдачу приказа в среднем 6,2 секунды, тогда как японским командирам (в силу особенностей японского языка) требовалось около 8 секунд. Казалось бы, невелика разница – 1,8 секунды, но, возможно, именно это преимущество вместе с тактическим искусством американцев позволило им одержать важную победу на отдельно взятом островке. Краткость в словесном оформлении своих мыслей, так называемый «лаконизм», – яркая характеристика древних спартанцев, живших в исторической области Древней Греции – Лаконии. В первую очередь спартанцы наводили ужас на своих врагов неукротимым бойцовским духом и невероятной, потрясающей стойкостью. Когда тремстам спартанцам, защищавшим Фермопилы, персы с издевкой и бахвальством сообщили, что небо почернеет от стрел, греки ответили: «Отлично. Значит, мы будем сражаться в тени». Царь спартанцев Агий говорил, что ему безразлично, сколько врагов ему противостоит, важно лишь знать, где они находятся. Даже спартанские женщины не оставались в стороне; известно их напутствие своим сыновьям возвращаться домой «со щитом, а не на щите». Когда один спартанский юноша пожало-

вался своей матери, что у него чересчур короткий меч, она сказала ему: «Тогда удлини его своим шагом навстречу врагу». Известен самый короткий в истории ответ-комментарий: когда вражеский посланец объявил о том, что его держава вот-вот вторгнется в Лаконию, и если она добьется успеха, то Спарта будет стерта с лица земли. Спартянцы ответили ему: «Если».

Однако не нужно думать, что древние только и мечтали о том, как бы развязать новую бойню. В гомеровской «Илиаде» Парис (украдший у Менелая его жену Елену и спровоцировавший тем самым Троянскую войну) и Менелай пытаются договориться между собой без применения силы, к великой радости и греков, и троянцев. Гомер утверждал, что бог войны Арес (аналог древнеримского Марса) – самый ненавидимый во всем божественном пантеоне; и война повсюду описывается не только эпитетами вроде «мужчины добывают свою славу», но и «течет немало слез». Историк V в. до н. э. Геродот вкладывает в уста разбитого лидийского царя Креза ужасные слова: «Никто не глуп настолько, чтобы предпочесть войну, а не мир. В мирные дни сыновья сжигают своих отцов. Во время войны отцам приходится сжигать своих сыновей».

Перикл так выразил горечь утраты одного афинского юноши, погибшего во время битвы: «Весна в том году ушла навсегда».

Конечно же, зачастую война становилась неизбежностью, особенно когда дело касалось элементарного физического выживания, когда просто не оставалось другого выбора. В этом смысле весьма поучительны характер и результаты Пу-

нических войн – войн Рима со своим заклятым врагом Ганнибалом. Здесь мы видим, насколько важно дать знать врагу, что он уже разгромлен еще до того, как одержана реальная победа. Этот урок британцы уже выучили (в Северной Ирландии, Ираке и Афганистане), а американцы пока только проходят. Когда в 2003 году президент Буш, стоя на палубе линкора «Авраам Линкольн», объявлял о том, что «крупные военные операции в Ираке уже завершены», иракские повстанцы, к несчастью, об этом не знали.

Уроки Ганнибала

Первая война между Римом и Карфагеном (264–241 гг. до н. э.) разразилась из-за Сицилии и была названа Первой Пунической. Что за странное слово – «Пунический»? Дело в том, что Карфаген изначально был колонией выходцев из Финикии (современный Ливан). Слово «финикийцы» древние греки произносили на свой лад – «phoinikes». В ту пору буквосочетание «ph» читалось как «пх», и потому разбираемое слово произносилось как «пхойникес». Затем это слово романизировалось до «punici», то есть «пуници».

Карфагену не удалось воспользоваться своим преимуществом на море, и Рим превратил Сицилию, Сардинию и Корсику в свои первые провинции за пределами коренной Италии. Собственно, отсюда пошло строительство колоссальной Римской империи. Карфаген смог оправиться от страшного удара за счет богатых месторождений серебра на юге Испании, и в 218 г. до н. э. та-

Ганнибал

лантливый и задиристый Ганнибал повел свою армию (вместе с боевыми слонами) через всю Испанию, по долине Роны, через Альпы в Северную Италию.

Ганнибал не без основания рассчитывал на свою крепкую, опытную армию, своих блестящих, изобретательных полководцев, а также на свою способность разбить римлян у них же дома. Начало было фантастически благоприятным для Ганнибала и ужасающим для римлян. Карфагеняне одержали победу при Требии (218 г. до н. э.), Тразимене (217 г. до н. э.) и наиболее ощутимую при Каннах (216 г. до н. э.). После таких викторий Ганнибал имел все основания дожидаться полной римской капитуляции.

Римляне, тем не менее, побежденными себя не считали и потому принялись с удвоенной энергией собирать деньги и силы для реванша. Они самым серьезным образом проанализировали тактику войск Ганнибала и сделали выводы. Римляне подметили, что карфагеняне, соприкоснувшись с противником на передовой, тотчас же отступают назад, как бы заманивая его на менее выгодные для него рубежи; что основным направлением своего удара они всегда считают фланги противника. Ну, а главный вывод, который сделали римляне, заключался в том, что наилучший способ вести дела с Ганнибалом — остерегаться его, укреплять

свои легионы, не допуская, одновременно, усиления опасного противника.

Прежде всего римляне обрушили репрессии на те италийские области, которые симпатизировали Ганнибалу и по сути являлись предателями (с римской точки зрения). Наиболее успешным, на мой взгляд, решением было дать бой карфагенянам там, где сам Ганнибал отсутствовал физически, то есть в Испании и, естественно, в Северной Африке. Без всякой иронии – совершенно мудрая стратегия.

Римляне понимали, что военных успехов нельзя достичь без подавляющего преимущества в живой силе, и потому их легионы после жестоких потерь постоянно пополнялись новобранцами. В войне на истощение людских и материальных ресурсов у Ганнибала шансов не было. В 203 г. до н. э. великий полководец, заявив, что он якобы уничтожил 300 тысяч римлян и разрушил 400 городов, неохотно вернулся на родину. У местечка Зама его уже поджидала армия Сципиона, которая и нанесла решающее поражение ненавистному врагу. Именно с этого момента древнеримская армия стала тем, чем оставалась многие века – настоящей регулярной армией, грозной силой, наводившей ужас на ближние и дальние народы.

После битвы при Заме армия Ганнибала потеряла былое величие, и Карфаген уже не мог более претендовать на роль «хозяина Средиземноморья». Хотя сам Ганнибал остался жив, Рим уже не трепетал, слышав некогда ужасное имя. Остался в прошлом пронзительный крик сенаторов «Hannibal ante portam!» («Ганнибал у ворот!»).

Что бы он не предпринимал отныне, ему уже не удавалось запугать римлян. Во время боя при Каннах командующий конницей Ганнибала Махарбаль сказал своему патрону: «Ты знаешь, как одержать победу, Ганнибал, но не знаешь, как распорядиться ее плодами». И это в тот момент, когда пятидесятитысячная римская конница была смята, а затем уничтожена. Ганнибал действительно одерживал блестящие победы, но ему никогда не удавалось подавить боевой дух римлян, убедить, что их песенка спета. Если вернуться в наши дни, то мы увидим, что и «Талибан», и «Аль-Каида» занимаются, по сути, тем же самым – запугиванием руководителей и общественность западных стран. Удастся ли?

Александр Афганский

Ту же стратегию еще до Ганнибала использовал Александр Великий. Разбив очень сильную персидскую армию Дария III, он вторгся в Бактрию и Согдиану (территория современных Афганистана, Узбекистана и Туркменистана), где преследовал персидских повстанцев во главе с Бессусом. В конце концов Александр добился своего, и Бессус был выдан ему своим соратником, коварным Спитаменом.

Александр должен был снабжать свою огромную армию и обеспечивать спокойствие в ее тылах, что он и делал, не гнушаясь откровенным грабежом и оставляя в занятых городах свои гарнизоны. Возможно, полководец совершил свою главную ошибку: он не разрешил местным жителям

оставлять трупы повстанцев на поле битвы (конечно же, Александр воспротивился столь варварскому обычаю), что не могло не вызвать новых волнений. Великий полководец решил обратиться за советом к, казалось бы, лояльному Спитамену, но оказалось, что тот, собственно, и встал во главе нового мятежа. Разгневанный Александр немедленно направил в Самарканд две тысячи воинов на поимку зачинщика, но Спитамен, прекрасно знавший местность, спрятался со своим отрядом в засаде и, улучив удобный момент, неожиданно напал на воинов Александра. Это была настоящая резня... Пройдя по пустыне за три (!) дня 180 миль, семь тысяч отборных воинов полководца искали Спитамена и его людей. Но тщетно.

Повстанцы нападали на Великую армию в течение трех последующих лет. Спитамен находил себе новых сторонников даже в тех местах, которые были под абсолютным контролем Александра. Внезапные атаки на гарнизоны и быстрый отход в пустыню – блестящая тактика, которую использовали люди Спитамена. В конце концов Александр, смирившись с присутствием неуловимого противника, приказал лишь выставить дозоры, чтобы «при случае заманить негодяя в ловушку».

Никогда ранее Александр Великий не испытывал военных неудач, и помог ему лишь раздрай в рядах мятежников. Увидев, что удача отворачивается, повстанцы отрубили Спитамену голову и отослали ее Александру в знак примирения.

Это – жестокий мир независимых, свободолобивых племен, где междоусобная борьба не прекращается ни на минуту, а интенсивность войн зави-

сит лишь от степени ненависти местного населения к незванным гостям. Именно здесь сейчас проходят «уроки истории» наши войска. И один очень важный выученный урок состоит в том, что местные племена можно повернуть друг против друга, и потому совершенной глупостью выглядит недавнее решение выслать из Афганистана двух западных офицеров, которые долго уговаривали племенных вождей и полевых командиров «встать на поддержку законного афганского правительства». Во время своих завоевательных походов в Галлию Юлий Цезарь постоянно контактировал с лидерами местных племен по самым различным вопросам, не переусердствуя при этом в грабежах, притеснении местных жителей и обращении их в рабов, к чему был так склонен.

Умение сохранить союзников и перетянуть на свою сторону врагов

Римская империя имела на западе надежный естественный рубеж – Атлантический океан; на севере – Рейн и Дунай; на юге империю защищала огромная безжалостная пустыня Сахара. А вот к востоку природных барьеров не было, и потому самим римлянам приходилось устанавливать пределы своей империи. Мерой целесообразности возведения пограничных укреплений в том или ином месте служила безопасность римских граждан. Такими соображениями руководствовались, например, при возведении знаменитой «Стены Адриана», о которой говорили, что «по ту сторону шотландцы, а по эту – цивилиза-

ция». Конечно, важнейшей частью провинциализации (говоря научным языком – структурирования) империи являлись строительство и укрепление армии, строительство лагерей-«кампусов», призыв местных жителей под знамена древнеримских легионов и т. д. Разумеется, в дальнейшем у руля провинциальной власти были поставлены эффективные руководители – как вожди местных племен, так и чиновники из метрополии. В любом случае провинции фактически управлялись из Рима по римским же законам, причем достаточно компетентно и довольно мягко, как бы в «щадящем режиме». Последнее обстоятельство очень важно. Так, например, американцы совершили чудовищную ошибку в Ираке, упразднив сразу же после вторжения существовавшие институциональные структуры, а по существу, оставив страну «без руля и ветрил», то есть один на один с бандитами, преступниками и религиозными экстремистами. В итоге пришедшей администрации приходится действовать не совместно с местным населением, а зачастую вопреки его воле.

Еще большее значение для становления древнеримских провинций, а следовательно, укрепления империи, имело развитие инфраструктуры, то есть строительство новых и ремонт старых дорог, что укрепляло связь между провинциями и метрополией, усиливало централизацию власти, упрочивало торговые связи и позволяло в считанные недели перебрасывать в случае необходимости римские легионы из одной части империи в другую. Разумеется, с установлением пограничных постов не прекращалась торговля с народами, жившими «по ту сторону» границы. Вообще,

римляне всячески стремились показать сопредельным племенам и народам, какими благами и преимуществами они стали бы располагать, окажись они под римской юрисдикцией. Известно, что даже на самых беспокойных рубежах Древнеримской империи – границах с Германией и Дакией – на каждом посту имелась таможня, а движение товаров как в одну сторону, так и другую не прекращалось ни на минуту. Риму не хватало легионов, и в этом заключалась невозможность установить абсолютную, совершенную власть на огромном пространстве от Сирии до Британии. Оставалось убеждать вассальные и сопредельные народы в преимуществах жизни в империи – в том числе посредством торговли. Живите у нас, торгуйте с нами, пользуйтесь спокойствием и благами цивилизации, которые несут вам Рим и его легионы!

Запад пытается доказать, что его интервенция принесет пользу многострадальному народу Ирака, что будут решены все его проблемы – стоит только «пристегнуть» полуразрушенную экономику Ирака к общемировой. Но это невозможно сделать, не восстановив в стране законность и порядок. В этом ключ к успеху. Только сделать это должны сами иракцы, а никак не американцы, и случиться такое может, когда ее территорию покинет последний западноевропейский солдат. Иное дело – западные инвестиции. Лишь после массированных денежных вливаний может возродиться иракская экономика.

Не менее важным для древних римлян были контакты с местной элитой, «*socii et amici*», то есть «друзьями и союзниками» римского импе-

ратора. Их также соблазняли перспективами и возможностями в случае, если не прямого подчинения, то хотя бы тесных связей с императором. Пример подавала сама древнеримская аристократия, давно научившаяся устанавливать «нужные» связи. (Сразу же на ум приходит «мафия». Не там ли ее истоки?) Естественно, центральная элита обихаживала и элиту провинциальную. Примерно тем же самым занимаются сейчас американцы, сулящие «золотые горы» лидерам стран, граничащих с проблемными территориями. Можно назвать, например, президента Пакистана Мушаррафа.

Нельзя забывать и о таких составляющих большой политики, как сотрудничество и взаимодоверие. Думаю, американцы были сто раз правы, решившись участвовать в боевых действиях с террористами бок о бок с еще не окрепшей иракской армией. Кстати, не случайно древнегреческое слово «*summachia*» имеет два значения – «договор» и «борьба вместе». Есть железное правило – выступать вместе против общего врага, когда тот атакует одного из участников договора, и оно абсолютно необходимо для установления доверительных отношений даже между бывшими соперниками. Кстати, в таких договорах даже выставляется условие «иметь одних и тех же союзников и врагов». Когда же, наконец, британские военные откроют призывной центр, например, в Басре?

Конечно же, древние римляне просто сочли бы за сумасшествие обучать и возвращать чужую армию вместо своей собственной, и мне их сарказм был бы понятен: огромное количество стран, народов и племен, присоединенных к империи и с те-

чением времени уже не считавшихся «чужими». Представителей покоренных народов призывали именно в римскую армию, где все командные посты оставались, конечно, за римлянами. С другой стороны, почему бы не призывать под знамена британской армии иракцев или афганцев? Римская армия была сильна, потому что неиталийских новобранцев учили именно по римским канонам, причем рекруты знали, что служба в римских легионах открывает им дорогу в римское общество. Мы же, британцы, в свою очередь, должны признать, что недостойное обращение министерства внутренних дел с представителями наших великих союзников, непальских гуркхов («Никогда страна не знала более преданных друзей, чем вы» – гласит надпись на военном мемориале), достойно сожаления. К счастью, в последние годы ситуация выправилась.

У нас есть много вопросов к нашим союзникам по НАТО, не желающим посылать свои войска в проблемные точки. Какие же они союзники после этого? Афины, например, будучи великой морской державой, требовали от своих союзников соответствующую контрибуцию – военные суда-триремы либо деньги. Так что давайте, союзники, доказывайте, что мы «боремся вместе», хотя бы открывая время от времени свои бумажники.

Тактика торговцев

Одна из особенностей размещения наших вооруженных сил весьма удивила бы (и насторожила бы) древних греков и римлян – а именно присут-

ствие на отдаленных военных театрах в тысячах милях от дома, причем с неясными задачами и сомнительными интересами. В самом деле – недавний выпуск «Strategic Defence Review» предположил, что целью вооруженных сил является не защита Британии, а «быстрое реагирование» на любой кризис в любой точке мира, а также «создание и поддержка репутации Соединенного королевства среди членов международного сообщества». О чем идет речь? Об армии Ее Величества или торгашах-наемниках?

В древности наемники служили всем и повсюду. В армии Александра Великого, завоевавшего начиная с 334 г. до н. э. весь известный на ту пору мир, наемных солдат, то есть получавших регулярное жалованье, было 50 тысяч человек. Их выучкой и профессионализмом восхищался сам великий полководец. Военачальник Ксенофон отмечал, что всегда считал спартанскую кавалерию наилучшей, до тех пор пока ей не пришлось сразиться с наемной кавалерией Дионисия I Сиракузского. Приводим рассуждения Ксенофона в пересказе Аристотеля:

«Война полна пустых страхов и дурных предчувствий, которым наемники неподвластны. Благодаря опыту они искусны и способны перенести любое испытание. Они в совершенстве владеют оружием и знают, как лучше всего использовать его при атаке и обороне».

В самом деле: армии, состоявшие из наемников, были настолько эффективны, что многие страны договаривались между собой о самом праве нанимать «солдат удачи» и использовать их на поле боя. Интересно, что в обиходной языковой прак-

тике слова «наемник», «иностранец» и «солдат» стали взаимозаменяемыми.

Британская армия – одна из лучших в мире, и идея, что она должна оказывать услуги неким «потребителям» за тридевять земель от родного края, мне кажется сомнительной, хотя я не вижу причины отказываться от услуг наемных, специально обученных для этих целей солдат. Они могли бы оказать незаменимую помощь для дружественных нам сил, таких как молодая иракская армия, находящаяся сейчас на стадии становления. К тому же в Ираке много наших (и не только наших) бизнесменов, чей бизнес (да и они сами) нуждается в защите.

Какой ценой?

Поэт Вергилий добавил к нашим рассуждениям еще один аспект – человеческую, гуманитарную цену войны. В эпической поэме «Энеида» ее главный герой, троянец Эней, утверждает, что целью Рима, смыслом его возвышения является стремление нести окружающим народам мир. Он глубоко сожалеет, что по прибытию в Италию ему пришлось столкнуться с отчаянным сопротивлением местных жителей, из-за чего кровопролитная резня была неизбежна. Он говорит о том, что «щиты, шлемы и тела заставили Тибр выйти из своих берегов». В одной из сцен Вергилий спрашивает: «Разве ты с удовольствием взираешь, Юпитер, на то, как народы, которые должны жить в мире, с яростью и жестокостью дерутся между собой?»

Сам же Эней клянется, что в случае победы никогда не потребует от италийцев слепого подчинения троянцам: «Я не ищу для себя царской власти. Оба народа, невредимые и равные перед законом, будут жить в вечной дружбе между собой».

Без сомнения, эпос «Энеида» создавался Вергилием как панегирик Риму в целом и императору Августу в частности. Однако я считаю, что великий поэт несколько преувеличил стремление империи к миролюбию и законности.

Мир и жизнелюбие

В свою бытность министром финансов Гордон Браун в одной из речей попытался идентифицировать природную сущность британского народа такими эпитетами, как «полный духа новаторства и предприимчивости, толерантности и веры в идеалы свободы, честности, солидарности и интернационализма». Британцы, по словам мистера Брауна, «народ-гений». В своей знаменитой Поминальной речи по окончании первого года Пелопоннесской войны (430 г. до н. э.) Перикл также назвал афинян «гениальным» народом, но сделал это более тонко и изящно, используя в качестве контраста извечного врага – Спарту. Великий стратег восхищается тем, с какой готовностью афиняне жертвовали и жертвуют собой ради общего блага:

«Своей отвагой и добродетелью они превратили Афины в свободное государство... которое может позаботиться о себе в дни мира и войны».

Затем он отмечает, насколько свободные Афины отличаются от жестокого режима Спарты. Афины –

это демократия, где все политические решения принимаются сообща и все граждане равны перед законом; это государство «терпимое к нашей частной жизни, но твердое, когда дело касается всего общества. Афины – государство, доступное для всех. Здесь нет необходимости изгонять иностранцев для того, чтобы сохранять наши секреты. Государство, которое для самозащиты полагается не на обман или жестокость, а на самоотверженность своих граждан.

Афинское общество жизнерадостное, иногда праздное. Афиняне любят праздники и веселье, представления и спортивные зрелища. Они умеют отдыхать как на публике, так и в семейном кругу. Они открыты друзьям и соседям. Афины – это образец для всей Греции».

Для Перикла Афины – самодостаточное общество, потому что основано на свободе ее граждан. Все это Гордон Браун хотел бы приписать и нашему обществу, однако, насколько мы знаем, иностранцы представляют нас чопорными «леди и джентльменами», сидящими за своим файф-о-клок и рефлекслирующими на темы бизнеса, общественной политики и «интернационализма».

Более всего меня восхитила сентенция Перикла о «жизнерадостности» афинского общества. Нам действительно много известно об огромном числе фестивалей, игр и праздников, государственных и местных, посвященных древнегреческим богам и проводившихся на высоком уровне. В эти дни не было недостатка в хорошей еде, веселом общении, обильных возлияниях и (что греха таить?), любовных похождениях. Так что великий стратег Перикл ничего не преувеличивал и, без сомнения, хотел видеть свой народ в дни мира, а не войны.

ПРЕЛЕСТИ ЯЗЫЧЕСТВА

«Всё есть бог»

Религия древних фундаментальным образом отличается от христианства или ислама. В отсутствие сакральных записей, священных книг и писаний язычество формировалось на основе изустных мифов и преданий. Главной же особенностью и отличием язычества от современных религий является его «многобожественность». Любой древний народ находился под сенью своего пантеона — «дружного коллектива богов, богинь и полубожков». На протяжении всего своего исторического развития человечество, оглядываясь вокруг, пыталось найти ответы на мучившие его вопросы («Почему идет дождь?», «Куда прячется солнце?» и т. д.) и не находило их. Но ведь кто-то же должен руководить всеми этими природными явлениями, «организовывать их и поддерживать? Кто-то же командует разливами рек и засухами? Кто-то

же метает молнии с неба, принося людям благодатный, живительный огонь? Этим могли заниматься лишь некие силы или существа, живущие где-то там, далеко от нас. От непонимания причин тех или иных природных явлений и родилась вера в волшебных, всемогущих духов. Через какое-то время определенные духи стали «отвечать» за какую-нибудь определенную область жизни людей, животных и природы в целом. Такая «специализация» привела к пантеонам с многочисленными богами, связанными друг с другом сложной иерархической системой подчинения и даже родственными узами (вспомните: Зевс и Гера – муж и жена). Жизнь божественная усложнялась одновременно с усложнением структуры человеческого социума (или наоборот?). С формированием земледелия появились боги, «ответственные» за урожай. Войны и стихийные бедствия породили других богов. А за досугом и развлечениями стали «присматривать» боги третьи. Появился даже бог-виночерпий.

Древние греки верили, что Землю создала богиня-прародительница Гайя. Именно от нее появились все последующие боги, а также природа, природные явления и объекты, «привязанные» к определенному божеству – горы, реки, моря, день, ночь и т. д. Новорожденные боги стали «отвечать» и за абстрактные понятия – например страх, боль, ужас...

Древние греки считали, что богам не чуждо ничто земное и даже человеческое. Будучи бессмертными и всемогущими, они, тем не менее, походили на простых людей. Многие из них совершали такие «небожественные» поступки, что даже нам, смертным, стыдно за них до сих пор.

Иное дело – христианство. В этой великой религии один-единственный Бог, осеняющий всю Вселенную. Его голос мы слышим в священных писаниях, и Он отрицает существование других богов. Он – вне Вселенной, и Он есть Вселенная. Он заботится и беспокоится о людях, предъявляя к ним огромные моральные и духовные требования, ожидая, что каждый из человеческих существ завяжет с Ним свои «персональные» доверительные отношения. В общем, древние не нашли бы в этой религиозной модели ничего привлекательного, ничего человеческого, кроме того обстоятельства, что Бог снизошел на Землю (грубо говоря) человеческим ребенком. Возможно, они также увидели бы во всем христианском учении еще одну «живинку»: в конце концов Бог в человеческом обличи был унижен и распят, как обыкновенный преступник.

Не поняли бы древние и утверждения теолога Карена Армстронга, что «все религии придуманы для того, чтобы научить нас жить в радости, спокойствии и добре посредством наших страданий». Олимпийские боги от своих подопечных – древних эллинов – никаких страданий не требовали.

В самом деле, древнегреческие мифы – это вам не Библия. Никаких нравучений и догматизма. В мифах наделенные человеческими качествами боги, по сути, ничем не отличались от простых смертных, кроме способностей творить чудеса и собственно бессмертия. В 178 г. энциклопедист Авл Корнелий Цельс в своем трактате «Правдивое учение» назвал христианство «чепухой». Какой же всемогущий Бог захотел бы воп-

лотиться в простого человека, причем начать свой человеческий путь в нищей семье, есть обычную пищу, а не пить нектар или вкушать амброзию? Как может простой человек после своей смерти попасть в божественную компанию? В древних религиях, как известно, умершим было уготовано свое определенное место – отнюдь не рядом с богами.

Отчего христианам противно языческое поклонение идолам? Сами они при этом поклоняются распятому телу. Почему они слепо полагаются на веру в догматы, ничуть не требуя их доказательств? Язычники не нуждались ни в какой-либо «вере». Они считали, что их собственный жизненный опыт и так представлял им неоспоримые доказательства существования богов. Язычники были достаточно терпимы к христианам и их учению до тех пор, пока христиане платили той же монетой.

Религиозная угроза

Когда христианство начало свое шествие по задворкам великой империи, утверждая, что есть лишь единственный настоящий Бог, и этот Бог христианский, а все остальные боги – фальшивые идолы, римляне осознали, какую смертельную опасность представляет для них новая зарождающаяся религия. Языческие боги, как считали римляне, помогли их империи встать на ноги, окрепнуть и добиться процветания, длившегося сотни лет, и потому новое учение стало восприниматься ими чем-то сродни терроризму.

Римляне увидели в новой доктрине опаснейшего духовного, интеллектуального монстра, которого необходимо обезглавить, пока он не схватил за горло все государство, пока не успел перевернуть сознание и традиционное мировосприятие граждан империи. Римский ответ раннему христианству был таким же, как и наша реакция на исламский экстремизм – задавить его в зародыше, не дав поднять голову. Правда, над римлянами, в отличие от нас, не довели никакие запреты. Первоначально избиение христианства не было официальной государственной политикой. Скорее, это было некой полицейской мерой, направленной на устрашение или усмирение первых христианских общин, как если бы речь шла о хулиганах или дебоширах. Иногда христиане были даже удобны в качестве «мальчиков для битья», помогавших время от времени выпускать пар из котла общественного недовольства. То есть, когда требовалась большая общественная «порка» или просто образ врага, христиане (да и иудеи) были как нельзя кстати.

Интересно, что приблизительно в ту же самую эпоху (в 186 г. н. э.) среди римлян внезапно появилась неожиданная напасть – в империи распространился новый культ, который стал угрозой для общества еще более страшной, нежели христианство – культ Бахуса. История упоминает о полуденных оргиях-вакханалиях, сдобренных неумеренными возлияниями и безудержным развратом. Такая странная инициатива не насаждалась властью; она шла «снизу» и была похожа на антигосударственный заговор, опутавший многие слои общества – даже некоторых высших чиновников и

многих толстосумов. Государство, усмотревшее в новом культе серьезнейшую для себя опасность, обрушило на «любителей Бахуса» нешуточные репрессии.

Мы не опускаемся до подобных жестокостей по отношению, например, к исламу, хотя прекрасно знаем, что исламские экстремисты с удовольствием стерли бы нас, западных европейцев, с лица земли. Более того, наши некоторые политики по разным причинам вынуждены заигрывать с исламом, будто бы вовсе не чувствуя смертельной угрозы со стороны его реакционнейшей части. Древние римляне таким неоправданно трусливым, пораженческим поведением своих политиков были бы, конечно, сбиты с толку. Новые культы и увлечения, время от времени проникавшие в толщу древнеримского общества, не вызывали у власти ни экстаза, ни благоговения.

Правильно понимать ритуалы

Древние придерживались той точки зрения, что наилучший способ поклонения богам – торжественные ритуалы, такие как жертвоприношения или празднества. Чрезвычайно важно было совершить ритуалы правильно, иначе они «не сработают», а люди и государство в целом останутся без божественного покровительства. Современные же религиозные обряды предполагают минимум публичности (если не брать во внимание многолюдные мессы) и максимум интимности, как, например, индивидуальное чтение Корана или Торы. Видимо, стоит упомянуть о настойчивом использовании латин-

ского языка католической церковью. До сравнительно недавнего времени она настоятельно требовала, чтобы во всех приходах все церковные акты исполнялись на латыни, и только на латыни. Даже в Китае, когда в XVII в. там открылись первые иезуитские миссии, местные священники должны были учить латинский язык. Вся проблема была в том, что они, в силу фонетики китайского языка, не могли правильно произнести слова из чуждой для них речи. Когда китайский священник пытался выговорить «ego te baptizo in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti» («благословляю тебя от имени Отца, Сына и Святого Духа»), у него получалось: «нге нго тэ бапетисо ин номине палетису нге тэ фили тэ сепилитису санкети». Дело тут не просто в косноязычии. Это было бы простительно и даже забавно, если бы за этим не скрывалась теологически обоснованная опасность того, что все мессы, прочитанные на таком «птичьем» языке, просто не имеют никакого смысла, то есть недействительны. Естественно, иезуиты умоляли официальный Рим разрешить проведение служб на китайском языке и, само собой, получили отказ. Природа сакральной службы требует веками освященного ритуала, важнейшей частью которого является веками освященный язык. В наши времена все изменилось – службы ведутся на местных языках, и никого это не смущает, даже католиков. Зато удивились бы древние. Объяснение современных богословов того, что церковные службы должны вестись на языке прихожан, потому что «это соответствует требованиям современной жизни», древние парировали бы так: «Главное, чтобы ритуалы соответствовали требованиям богов».

Мыслитель Исократ, размышляя о причинах возвышения и процветания Афин, высказался следующим образом:

«В религиозных делах (если позволительно начать именно с этого) наши праотцы были необычайно ответственны и сознательны – это касалось и верований, и ритуалов. Они не стали бы приносить в жертву три сотни быков только потому, что это – хорошая идея. Они сделали бы в точности так, как это предписывалось их праотцами. Их единственной заботой было не ослабить и не исказить веру предков привнесением никому не нужных новшеств. Их набожность и вера заключалась не в обожании денег, не в расточительных расходах, а в том, чтобы оставить в неприкосновенности заветы предков. Поэтому благословение небес никогда не обходило их стороной ни в дни пахоты, ни в дни сбора урожая».

Другими словами, если жизнь задается, свидетельствуя о покровительстве высших сил, в ваших же интересах продолжать все так, как есть. Обыденный практический интерес заставляет дружить с богами. Даже ярые критики язычества (о них позже), поразмыслив, глубоко в душе приходили к тем же выводам.

Хорошие стороны жизни

Все большие празднества (или, как говорили сами римляне, «фестивали»), о которых мы знаем, имели религиозную окраску и обычно посвящались одному из богов. Олимпийские игры, например, проводились в честь Зевса, покровителя

Олимпиах, а театральные праздники в Афинах – в честь Диониса. Все это были настоящие праздники, где народ отдыхал и переводил дух после серых, тяжелых, опасных будней. К великому несчастью, празднества зачастую прерывались войнами. Общенародные праздники являлись досугом, удовольствием и свидетельством мирных дней, о которых так красочно сказал Перикл.

В этом смысле языческая религия ассоциировалась с религиозными праздниками, во время которых можно забыть о тяготах жизни. Представьте, что 95 % населения античных государств ежедневно боролись за свой хлеб насущный (в прямом смысле) с единственной целью – выжить, и для них обычный, немудреный досуг был сам по себе непреходящей ценностью. Отсюда колоссальная важность религиозных праздников; боги, по сути, дарили людям чуть-чуть свободного времени. А что дарят нам наши сегодняшние боги? Разве что Рождественские и Пасхальные праздники.

Взять себя в отпуск

Если наш досуг и носит какой-то религиозный оттенок, то прежде всего это связано с Рождеством и Светлой Пасхой. Однако это не имеет ничего общего с тем, что мы называем «отпуском» (если, конечно, отпуск по времени не совпадает с этими великими религиозными праздниками) – несколькими священными неделями, освобождающими нас от производственной тирании и офисных мучений. В эти благословенные

недели мы можем расслабиться и делать все, что нам заблагорассудится, например вырваться из города и почувствовать себя настоящими туристами. Наверное, в этом нет ничего общего с содержанием послания папы римского, приуроченного ко Всемирному дню туриста. В папской булле говорится о том, что туризм должен помогать людям «открывать себя и других через знакомство с другим образом жизни, другими религиями, другим взглядом на мир». То есть папа, сам того не подозревая, определил туризм не как наслаждение, а как некую умственно-познавательную работу. В этом с ним весьма солидарен молодой Сенека, древнеримский философ-миллионер и даже (на короткое время) советник императора Нерона. Сенека считал путешествия занятием бессмысленным и бесполезным.

В письме своему другу Луцилию Сенека описывает последствия отъезда на свою виллу в Номентуме (10 миль к северо-востоку от Рима). Сенека был человеком не совсем здоровым, и в письме он отмечает, что чувствовать физически за городом он начал лучше. При этом он настаивает, что само по себе географическое местоположение никакой пользы не приносит и все зависит от самовнушения и умственного труда. Он рассказывает историю о том, как некто жаловался Сократу, что путешествия не приносят ему никакого удовольствия, на что великий мыслитель ответил: «Ничего удивительного, мой друг, – ведь вместе с собой вы носите себя».

Сенека заключает, что если человек действительно хочет измениться и убежать от своих проблем, то простая смена места и обстановки не поможет – нужно меняться самому человеку: «Представьте, что вы

приехали в Афины или на Родос (для древних римлян понятие почти мифологизированное); представьте, что вы приехали куда-то еще. Какое значение при этом может иметь это ваше новое местопребывание? Какая разница? Туда вы в любом случае привезете самого себя».

Если кто-то страшится бедности, страдает от излишнего тщеславия или ужасается от мысли о своей смерти – туризм здесь не поможет. Путешествия, как кажется Сенеке, никогда и никому не помогли обуздать вредные порывы, облагородить поведение или обострить жизненный слух. Недовольство усугубляется, и в конце концов наступает полное разочарование. Однако, считает Сенека, кое-что из впервые увиденного представляет неподдельный интерес – например Нил и Тигр.

«Но эти впечатления не делают нас ни лучше, ни здоровее. Куда лучше проводить время в изучении наук или чтении трудов умных людей; было бы полезнее понять их мысли и истины, ими открытые. Это есть путь к освобождению сознания от духовного и интеллектуального рабства».

Простая смена сцены не может вылечить больное сознание, точно так же как усилием мысли нельзя вылечить больную ногу. Поэтому папе римскому следовало бы приглашать отпускников посидеть в тиши Ватиканской библиотеки.

Мысли на досуге

Древнегреческое слово, обозначавшее «досуг» («skhole»), лежит в основе таких слов, как «школа», «школьный», «схоластика» и т. д. Од-

ним из последствий «продуктов» досуга в античную эпоху является богатейшая, тончайшая сеть из идей и воззрений, принадлежавших тем, кто брался за разрешение таких проблем, как природа Вселенной или улучшение нравственных законов. Однако необходимое для этих размышлений свободное время (уйма свободного времени) было доступно лишь богачам да тем немногим, презревшим достаток и оставшимся верными науке и философии. Мы даже не представляем, насколько мы – счастливое общество. Любой из нас, пожелавший получить образование, не работает около двадцати лет своей жизни. Добавляем сюда уход на пенсию. В древнем мире на «заслуженный отдых» человек уходил только после своей смерти. Одна ироничная древнеримская эпитафия гласит: «Все человеку надо. Скелет мой красиво лежит, и меня ничуть не беспокоит, что меня перестали кормить. Наконец-то я не страдаю от артрита. У меня нет долгов, потому что я не опаздывал платить за квартиру. Теперь у меня постоянное жилье – и бесплатное!»

Рабство

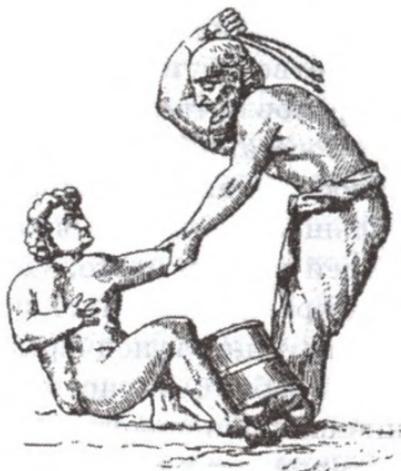
Рабство было в древнем мире совершенно обычным явлением. Большинство рабов приобреталось на невольничьих рынках – мужчины, женщины и дети, плененные в ходе войн либо захваченные пиратами, а затем перепроданные. Они были такими же, как вы и я, с разными интересами и способностями, и отличались от нас лишь тем, что были насильно лишены свободы. И дело здесь не в

расизме (в рабстве находились люди всех рас), а просто в неудачливости, несчастливости судьбы.

В крестьянских хозяйствах рабы исполняли роль тягловой силы, делая то же, что и слуги сотни лет назад. В богатых семействах рабы могли быть кем угодно, даже советниками и коммерческими агентами. Война и пираты

не склонны к уважению человеческой личности, и в рабстве мог очутиться даже Стефен Хоукинг (знаменитый британский астрофизик, больной ДЦП). В качестве кого служили рабы, перечислить невозможно. Они могли быть воспитателями и наставниками господских детей, поварами, прачками, экономами, курьерами, уборщиками, секретарями, массажистами, строителями, финансовыми ассистентами и прочее, прочее, прочее. Прилежные, добросовестные рабы с хорошим характером становились по сути частью семьи. О таких невольниках заботились и даже добивались их свободы.

Хотелось бы отметить две особенности. Древние греки широко использовали рабский труд на серебряных рудниках – то есть на каторжных работах. Древнеримские императоры, например, отбирали умных, интеллектуально развитых рабов для того, чтобы охотно использовать их либо в качестве советников, либо на финансовых позициях.

*Наказание раба.
Рисунок на горшке. Помпеи*

Дело в том, что рабы были бесконечно лояльны и преданны императору, так как их положение в обществе целиком зависело от расположения и капризов патрона.

Восстаний в среде рабов практически не случалось. Главным условием для этого могло быть большое скопление вооруженных подневольных людей в одном месте, например на играх или в гладиаторских лагерях, как в случае Спартака и компании. Еще раз подчеркну: случаи неповиновения среди рабов были чрезвычайно редки. Иное дело – низкая производительность рабского труда и медлительность в работе. Но здесь и комментировать нечего: подневольный труд – он и есть подневольный. Кстати, некоторые свободные бедные семьи доходили до того, что продавали в рабство своих собственных детей либо себя. Так они, по крайней мере, гарантировали для себя и детей кусок хлеба и крышу над головой.

Рассказывая об этом, нужно сделать страшное лицо с некоторым выражением участия и напомнить, какой ужасной была рабская жизнь. (В современной жизни Запада есть схожая проблема – преступный трафик людей. Это ли не рабство в современном обличье?) Уф! Ладно уж! Ни один древний грек или римлянин с моим напоминанием не согласился бы, хотя для них действительно независимость и свобода были высшей ценностью. Ну а нашу обязательную ежедневную работу по указке начальства они называли бы одним словом – «рабство».

Последствия мыслительной деятельности древних (часто на досуге) чрезвычайно богаты, плодотворны и полезны: создание демократических начал,

атомной теории, философии, биологии, логики, прикладной медицины, истории, геометрии, трагедии, комедии, идеи всеобщего гражданства, многих архитектурных и скульптурных шедевров... Древние внесли огромный вклад в наше современное видение политики, государства, закона, образования, городской цивилизации – и все это взросло благодаря силе, глубине и плодотворности греко-римской научной и философской мысли. Классическая латынь и древнегреческий язык оставили свой глубочайший след в мировой лингвистике. Достаточно сказать, что около 1,2 миллиарда человек говорят на языках, произошедших из латинского. Сильнейшее влияние язык древних римлян оказал и на английский язык. Было подсчитано, что около 80 % английских научных терминов восходит к языкам древних римлян и эллинов. Не только научные термины, но и относящиеся к образованию, финансам, культуре, философии, а также многие абстрактные понятия занесены в старый англосаксонский язык церковью, попали к нам во время норманнского завоевания в 1066 г. и в эпоху Возрождения.

Богатые люди древности прекрасно использовали свободное время, раскрывая свой богатый интеллектуальный потенциал, даже если занимались другой важной и трудной работой. Приведу несколько примеров из древнеримской истории:

- Юлий Цезарь, блестящий полководец и безжалостный, дальновидный политик, написал очень важный трактат на одну из самых злободневных тем того времени – о теории лингвистики. Труд был написан Цезарем во время беспримерного перехода через Альпы.

- Цицерон, политик, оратор и законодатель, практически создал основы древнеримской философии.
- Плиний Старший, будучи адмиралом древнеримского флота, написал полную энциклопедию Римской империи. «Перелопатив» тысячи (буквально) книг, он охватил в своем труде все мыслимые и немыслимые стороны жизни своей эпохи: от биографии актеров до производства вина, от свойств капусты до преимуществ сапужной ваксы и размеров континентов. Ему удалось «объять» почти все, не упустив из виду даже мелочи. Из-под пера Плиния Старшего вышли также двадцатитомная история германских войн и тридцатитомная история ранней Империи. Оба труда не сохранились.
- Тацит был ярким политиком, консулом и губернатором, а «по совместительству» – одним из величайших историков.
- Император и философ-стоик Марк Аврелий неожиданно «разродился» трудом о... медитациях. Недаром его называли первым и последним императором-интеллектуалом.

Кто-то сейчас, возможно, хочет выхватить из толпы политиков нечто похожее, но не может. Правильно: таковых просто нет. Нет высокообразованных политиков-интеллектуалов. Есть политики-«профессионалы», являющиеся бледной тенью великих политиков-творцов, таких как Гладстоун, Дизраэли или Черчилль (наверное, сюда можно отнести еще и Хита). Меня восхищают те, кто, управляя древними обществами,

находил время для интеллектуальных изысков и вполне в этом преуспел.

Мы живем в мире, где во главу угла ставится профессионализм, ценится сфокусированность на главных приоритетах. Враг любого дела – дилетантизм и любительство. В нашем современном представлении человек, который берется за все, не добивается успехов ни в чем. Древние греки и римляне на этот счет были того же мнения. У некоего Гиппия из Эллиса, близ Олимпии, известного академика и лектора, был огромный круг интересов: математика, астрономия, музыка, лингвистика, литература, живопись, скульптура и мнемоника (говорят, он мог запомнить с одного взгляда пятьдесят имен). Сам себе он шил одежду, рисовал орнаменты и изготавливал глиняную посуду. Земляки часто просили Гиппия представлять родной город в других городах-полисах. Платон едко высмеивал ученого-«универсала», но пример с Гиппием, конечно, экстремальный, хотя само явление в древности было широко распространенным. Аристотель писал труды по логике, метафизике, биологии, о загадках сна и сновидениях, о предсказаниях, старости, этике, истории, риторике и литературе. Помимо своей деятельности политика и юриста, Цицерон писал стихи (довольно скверные) и большие работы по риторике и философии. Наиболее яркими, по сути шедеврами беллетристики, получались его письма друзьям. От настоящего талантливо-го человека древней эпохи можно было ожидать множества проявлений его талантов и интересов, и, похоже, выдающиеся деятели Возрождения родом оттуда же. Вспомните великого Леонардо.

Критика язычества

Многие древнегреческие мыслители не обошли стороной религиозную тему, оставив нам свидетельства в основном скептического отношения к язычеству. Приведу слова философа Ксенофона (540 г. до н. э.):

«Гомер и Гесиод приписали богам все самые постыдные, самые низменные человеческие качества – вороватость, лживость и склонность к адюльтеру».

Он объяснил также, почему люди представляют богов именно в человеческом облики: «Если бы у скота, лошадей или львов были руки, если бы они могли рисовать и делать то, что делают люди, лошади рисовали бы богов похожими на лошадей, а львы представляли бы своих богов в виде львов».

Продолжает философ Протагор: «Что касается богов, я не способен доказать, существуют они или нет, и если существуют, то на кого похожи. Главные препятствия здесь – сложность самого предмета изучения и слишком короткая жизнь».

С высоты нашей цивилизации мы склонны называть древнегреческую религию сказкой, фантастикой, сборником мифов и преданий, совершенно далекой от научных и исторических реалий (здесь мы приводим мнение Ричарда Доукинса). И вообще, древние религии будто специально созданы для нападок такого рода. Тем не менее для самих греков их религия фикцией не является. В их массовом сознании боги были познаваемы лишь в известных пределах, а все непознанное являлось «тайной», «мистерией» и

вполне укладывалось в рамки логического мышления.

В защиту древних скажем, что религия и не ставит цели полностью соответствовать объективной, научной реальности. Как и все религии, язычество являлось духовной системой, позволявшей людям интерпретировать явления внешнего, материального мира, а также помогало найти им свое место в этом мире посредством чувств, поведения и связей человека в социуме. Мне нравится сравнение религии с языком. И религия, и язык не приносят адепту или носителю никаких проблем до тех пор, пока он не начнет вдаваться в подробности, искать внутренние законы того и другого. Тотчас же все невероятно усложняется, и тогда законы религии и законы языка начинают казаться необъяснимыми и абсурдными.

Оправдывая веру

В то время когда человеческий опыт все более проясняет (и объясняет) суть вещей, никакая религия не предлагает гарантий того, что высшие силы помогут человеку в познании бытия. В этом смысле религия древних греков не отличается от любой другой религии. Как же язычники объясняли «эффективность», «значимость» отношений между богом и человеком? В точности так же, как и нынешние набожные адепты религиозных учений: там, где дела идут плохо, виноват сам человек. «Видно, боги прогневались на нас», – говорили в таких случаях древние греки. Так же говорят

и нынче: епископ Карлайлский заявил, что наводнения в июне 2007 г. стали карой Божией за наше моральное вырождение, оговорившись, правда, что сами потерявшие кров люди ни в чем не виноваты. Верующих людей слова епископа особо не тронули, разве что атеисты, говорят, затребовали статистику, которая доказывала бы связь между разгулом стихии и падением нравов.

Соединяя пропасть между миром и богами

Две тысячи лет неустанных размышлений о божественном начале всего сущего не могли не оставить следа в современных представлениях о природе вещей. Например, наиболее часто звучащие сегодня дебаты касаются взаимосвязи между Вселенной и Богом, между универсумом и высшими силами. Обычно споры поднимают вопрос о соотношении «божественного создания всего сущего» и «естественного отбора», создание и развитие

Греческие боги (слева направо): Посейдон, Аполлон, Деметра, Афродита, Эрос

мира Творцом против абсолютного отрицания какого-либо участия «потусторонних» сил в природных и общественных процессах. Конечно, древние греки не знали, что и через много веков эти дискуссии будут продолжаться, и, без сомнения, с удовольствием приняли бы в них участие.

Древнегреческие мыслители в основном склонялись к гипотезе, что мир устроен в строгом порядке и все в этом мире (включая и человека) имеет свой predeterminedный смысл, то есть все вещи являются частью общего космоса.

В то же время они воспринимали мир как произволение Божие. По их воззрениям, прародительницей всего сущего была «мать-земля» Гайя, которая существовала задолго до многих богов. Совокупившись с Ураном, богом неба, а затем с Хроносом, она произвела на свет всех остальных важных богов и богинь. Об этом поведал нам поэт Гесиод. Так Божие провидение создало тот мир, в котором обитает все живое, в том числе и мы. Древние, таким образом, не разделяли «научное», «рациональное» и «божественное» столь радикально, как это делают современные ученые. Поэтому древнегреческие философы-физики, утверждая, что жизнь развивается благодаря усилиям отдельного человека и всего человечества в целом, оставляли место и для божественного промысла.

Причина и смысл сущего

Древнегреческий историк II в. н. э. Плутарх рассказывает, что Периклу с его загородного имени прислали голову однорогого барана. Пророк

и толкователь Лампон, увидев единственный огромный рог на бараньей голове, интерпретировал этот факт таким образом, что, будто бы в борьбе за влияние на афинский народ из двоих соперников, Перикла и Фукидида (не путать с Фукидидом-историком), победителем выйдет Перикл.

Однако наставник Перикла, ученый Анаксагор (которым, кстати, однажды восхитился Сократ), ничего не хотел слышать об этой чепухе. Он рассек бараний череп, снял кожу и объяснил, что единственный рог вырос совершенно естественным образом вследствие родовой деформации черепной кости. Лампон замолчал, но ненадолго. Вскоре Фукидида подвергли ostracismu, и Перикл, таким образом, стал самым влиятельным политиком в Древних Афинах. Лампон оказался прав.

Плутарх, продолжая свое повествование, утверждает, что правы были оба: Анаксагор – потому что сумел объяснить Периклу, почему вместо двух рогов вырос один; а Лампон – потому что понял, в чем смысл этого удивительного факта. Плутарх указывает, что простое объяснение какого-то феномена не означает автоматического объяснения самого смысла этого феномена. Он приводит параллель с солнечными часами. Вы можете объяснить причину возникновения тени, но если вы не поймете назначения отбрасываемой на часах тени, вы не поймете ни смысла, ни назначения самих часов.

Таким образом, заключает Плутарх, если вам не понятно, как функционирует окружающий мир, вас ужаснет и роль, и значение божественного. Если же вы знаете, как мир устроен, вы отбросите свои суеверные страхи, заменив их «бла-

гочестием, питаемым добрыми надеждами». Значит, божественное находится внутри природы, внутри универсума, а не вне его. По Плутарху, «природа» и «боги» – два понятия, живущие в нерушимой гармонии и по сути, две стороны одной медали. Вывод о том, что боги теснейшим образом связаны с материальным миром, и есть главная идея античной мысли.

Если бы мы спросили у древних: «Что есть окружающий мир – порождение природы или Божьего провидения?», мы услышали бы: «И то, и другое».

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В БУДУЩЕЕ

Ужасные предсказания

Изучая жизнь древних, неизбежно задаешься вопросом: почему в античном мире так неистово верили различным оракулам, предсказателям, прорицателям, гадалкам и прочим колдунам? Мы, современные люди, уверены, что за всеми этими предсказаниями скрывается дремучее невежество, а сами предсказания – совершеннейшая чепуха. Но прежде чем усмехаться, я хотел бы напомнить, что древние мыслители и интеллектуалы также задавались этим вопросом. В своем двухтомном труде «О предсказаниях» (опубликован в 44 г. до н. э., сразу же после убийства Юлия Цезаря) великий древнеримский оратор, политик и философ Цицерон камня на камне не оставил от повального увлечения гороскопами. Определяя прорицательство как «предсказание событий, происходящих случайно», Цицерон

описывает это явление в своем обычном тонком и блестящем стиле:

«Во-первых, ни в одной из областей жизни, которую затрагивает прорицатель, он обычно не смыслит больше или на равных с истинным экспертом. Заболев, человек

идет к доктору; для разрешения загадок природы обращается к ученому; по вопросам добра и зла – к философу; проблемы государственного устройства лучше обсуждать с политиком и т. д. Прорицатель же – дилетант повсюду.

Во-вторых, мы имеем дело с логической ошибкой. Если какое-то событие происходит «случайно», то оно по определению не может быть предсказано; а иначе это уже не «случайность». Если же событие произошло «случайно», – продолжает Цицерон, – то даже сами боги не в силах предсказать его. Куда уж там простому смертному предсказателю! «Divinatio» («предсказание»), таким образом, невозможно, если все происходит по воле случая». Подытоживая все сказанное, Цицерон делает вывод, что все события направляются рукой Судьбы. В таком случае, «трудно узреть, какие преимущества могут дать предсказания человеку, чья участь предрешена. Никакие пророчества не помогут человеку избежать своего рока, и как ужасно, в конце концов, заранее знать то, что должно с вами произойти».

Цицерон здесь явно имел в виду недавнее убийство Юлия Цезаря.

С другой стороны, если слепая Судьба сошла с

*Римские культовые
предметы*

дороги жизни, отойдя на обочину, то ничего не предопределено. В этом случае «предсказание также бесполезно и бессмысленно, так как оно по определению касается чего-то предопределенного; однако ничего нельзя назвать предопределенным из того, что можно предотвратить».

Цицерон рассматривает различные типы предсказаний и предзнаменований – гадание по рисунку молнии, гороскопы, сновидения и т. д. – и во всех видит полную чепуху. Заканчивает он тем же выводом (как и Плутарх), что суеверия могут причинить верящим в них огромный вред:

«Суеверия преследуют вас на каждом шагу, подстерегают за каждым углом – и вот вы уже внемете пророку или всматриваетесь в каждую приметку, приносите в жертву ягненка, слушаете ночных птиц, консультируетесь с астрологом или изучаете след, прочерченный молнией на грозовом небосклоне. Приметы, знаки и предзнаменования следуют неотступно за вами, не оставляя вас в покое никогда».

Однако настоящее знание природы, как считал Цицерон, дает твердые убеждения и дарит вам душевный покой.

Астрология

Древние астрономы имели достаточные познания в законах движения небесных светил, чье строго определенное и предсказуемое движение навело их на мысль о поразительном контрасте с хаосом, царящем на земле. Отсюда оставался не-

большой шаг для признания того, что звездами и планетами, их перемещением на небесной сфере руководит чья-то невидимая божественная рука. Если это так, то светила должны иметь какое-то влияние на земную жизнь. Но какое?

Во-первых, древние греки подметили ощутимое влияние солнца на времена года, а луны — на отливы и приливы. Луну также стали считать «виновницей» утренней росы и свежести; более того, «заподозрили» в руководстве ритмом наступления женских менструаций, а по сути периодами возможного зачатия. Древние увидели, что небесные светила действительно имеют какое-то физическое влияние на некоторые земные процессы. Во-вторых, древние греки, веря в целостное взаимовлияние вещей (они называли это «космической симпатией»), убедились, что все на свете взаимосвязано и взаимозаменяемо и потому имеет отражение в обыденной, привычной земной жизни. Знаменитые «четыре элемента-стихии», из которых, по воззрениям эллинов, состоял космос — земля, воздух, огонь и вода, — в земной юдоли обозначали не что иное, как холод, сухость, тепло и влагу. Посмотрите! Небо состоит из огня (солнца) и воздуха; жизнь зависит от земли и воды; влага имеет женское начало, а сухость — мужское. Продолжив этот логический, скорее даже физический, ряд, мы приходим к выводу, что небеса влияют на жизнь и судьбы людей. Стало быть, если движение светил предопределено божественным промыслом, то и судьбы людей должны быть предопределены движением светил.

Мистика из газет

В свете нападок Цицерона на суеверия, гадания и пророчества кажется еще более странным тот факт, что современный эквивалент прорицательства – астрология – по-прежнему держит человечество в узде или, по крайней мере (если судить по количеству газет, публикующих гороскопы), поддерживает к себе обывательский интерес. Впрочем, говорят, что современная астрология уже не та, что прежде, и якобы ее давно уже заставили понизить голос и спрятаться с глаз долой. Астрологи, мне кажется, прекрасно знают, что с их ремесла давно сорвано покрывало «научности», так как никаких связей между светилами и судьбой отдельно взятого человека с его индивидуальными знаками не установлено, а сами гороскопы не отвечают никаким критериям статистической надежности. Астрологические прогнозы хороши как беллетристические очерки, однако точностью предсказаний в них и не пахнет.

Более того, в современных гороскопах пытаются избежать предсказаний как таковых; предсказаний, которые выразались бы однозначными глаголами будущего времени («Завтра вам позвонит Тэрри Воган, после чего придет и покрасит вашу кухню в зеленый цвет»). Вместо этого вам предлагаются расплывчато сформулированные как бы события, а также предостережения и советы, относящиеся к межличностным связям, надеждам, страхам и другим эмоционально-абстрактным проявлениям человеческой души («Козерогам повезет в деньгах», «Весам

нужно быть осторожнее с незнакомцами» и т.д.). Главное, чтобы все эти банальности были поданы читателю под мистическим соусом. Я считаю, что в целом вся эта околонаучная мишура достаточно безобидна и вреда от нее не больше, чем от каких-нибудь глупых комиксов.

Дельфийский оракул

А как насчет дельфийского оракула? Не он ли предсказал, что Эдип женится на своей матери и убьет своего отца, а «Унесенные ветром» выигрывают на тартановой дорожке в «Коринфском парке» 2 фунта 30 пенсов? Ха-ха-а! В том-то и дело, что древние греки были народом неглупым, а институт дельфийских оракулов пользовался колоссальным авторитетом. Это вам не шутки в стиле волшебницы Мэгги и не что-то вроде превращения Гарри Поттера в цыганку Роуз Ли и обратно. Приведу историю – прекрасный пример, подтверждающий таинственную репутацию дельфийского оракула.

Крез, царь Лидии, искренне уважал все греческое, и однажды он решил выяснить, стоит ли нападать на злейших врагов, персов, а заодно узнать, на что способны великие предсказатели (только в самой Греции их было

*Пифия на треножнике.
Изображение на вазе*

свыше 120 и около 300 – во всем Средиземноморье). Царь послал гонцов, приказав им спросить у оракулов на сотый день после своего выхода из Сардиса: чем он будет занят именно в этот день? В тот сотый день на пустынном морском берегу Крез решил сварить ягненка и черепаху в бронзовом котле, накрытом бронзовой крышкой. К вечеру появился один-единственный посланник, сообщивший, что дорогу к царю ему подсказали в дельфийском храме Аполлона.

Дельфийский оракул за работой

Жрицу-прорицательницу, провозглашавшую предсказания в храме Аполлона, называли пифией. Сейчас распространено мнение, что жрица выкрикивала слова безумным голосом, и виной тому якобы одурманивающие газы (этан, метан либо этилен), выходящие из-под храма Аполлона. Считается, что эти подозрения не лишены смысла: известно, что в небольших дозах эти газы действительно вызывают у людей приступы бешенства. (В старину якобы этилен использовали как обезболивающее средство.)

Мне лично эти утверждения кажутся ерундой. Этилен производится на заводах и не существует в природном виде; правда, это не относится к этану и метану. Даже если отдаленно предположить, что под храмом в Дельфах были трещины и разломы, через которые газы могли проникать в помещения храмового комплекса, я не верю, что концентрация их была велика настолько, что они могли воздействовать на психику людей. Кстати, почему в

транс входила только пифия? Ведь газы вдыхали все присутствовавшие паломники... Также я не встретил ни одного исторического свидетельства о том, что в храме Аполлона вещали на повышенных тонах. Иное дело, что историки сообщают о невнятном, нечленораздельном бормотании пифии. Очевидно, она действительно входила в транс наподобие того, как это делают медиумы; и это свидетельствует, конечно, о ее нетипичном поведении.

Я вообще не отрицаю того, что при отправлении религиозных культов и жрецы, и адепты могут входить в состояние, которое мы называем коротким словом «транс», и это явление мы иногда наблюдаем в деятельности различных сект. Например, в древности поклонницы Диониса (или Вакха – отсюда «вакханки» и «вакханалии») бегали по лесам и горам, издавая пронзительные крики.

И все же такие проявления экстаза (и вообще отклонений) в древнегреческой религиозной жизни были нетипичны. Эллина ждали от пифии громоподобных пророчеств не более, чем мы ждем от нашего архиепископа Кентерберийского брызгания слюной во время исполнения хвалебных псалмов. Скорее всего, пифия действительно давала некие ответы, которые тут же записывались, интерпретировались и доводились до сведения страждущих. Интересно повествует об этом Плутарх. По его мнению, пифия говорит своим голосом, но под действием телепатических импульсов, исходящих от бога Аполлона. «В голове у пифии возникают видения, которые она комментирует самым подробным образом».

Другими словами, пифия, видимо, вводила себя в транс и пыталась, насколько это возможно в таком состоянии, озвучить «увиденное». Без сомнения, у нее имелся определенный талант рассказывать то, что люди хотели от нее услышать, не забывая при этом оставаться таинственной, непостижимой и удивительной. В общем, пифией.

Пораженный, изумленный Крез приказал принести в жертву Аполлону Дельфийскому три тысячи животных и выслать в Дельфы сказочные подарки. Затем он спросил, может ли он теперь атаковать персов? В ответ оракул заверил его, что, пожелав того, он может разрушить огромную империю.

Все мы знаем, чем закончилось его нападение на Персию. Знаем и усмехаемся: «Старый глупый Крез! Надо было спросить – чью империю?» Однако Крез не был так глуп, как нам кажется. Вновь он послал людей в Дельфы, чтобы на этот раз узнать, как долго ему суждено царствовать в Лидии. Оракул ответил, что царствовать он будет до тех пор, пока царем не станет мул. Ответ из Дельф вселил в Креза уверенность, и он, собрав силы, в очередной раз напал на Персидскую империю Кира и в очередной раз потерпел сокрушительное поражение. В третий раз гонцы Креза отправились в Дельфы. Царя, счастливого в богатстве и неудачливого в войне, интересовало лишь одно: что, собственно, происходит? Почему не «работают» предсказания оракула? Из Дельф пришел удручающий ответ: Крез не только должен был спросить «Чью империю?», но и поинтересоваться генеалогическим деревом царя Кира. Дело в том, что мул –

это потомок осла-отца и кобылы-матери. Родители Кира принадлежали разным расам. Следовательно, Кир и был тот самый мул.

Мнение демократии

Вместе с тем древнегреческое Народное собрание в делах политических было склонно полагаться в основном на свои суждения. Религия – это одно, а политика – совсем другое. Если дело касалось критически важных явлений, чья природа оставалась в то время за пределами человеческих познаний – например эпидемий, голода или войны, – афиняне действительно «консультировались» с оракулами. Когда в 481 г. до н. э. войска персов угрожающе приблизились к Аттике, оракулы посоветовали «обратиться к деревянным стенам», позже интерпретированным как «боевой флот». Однако если Собрание было уверено, что в его собственной власти решить какой-либо вопрос, оно к услугам провидцев не прибегало.

Необходимо добавить, что божественное покровительство для афинян, даже серьезных членов Собрания, казалось делом очень важным, и потому о сохранении традиционных религиозных ритуалов (коих было очень мало) заботились с размахом. На проведение празднеств в честь богов, жертвоприношения, игры и прочее не жалели ни денег, ни сил. Храмы поддерживались в надлежащем состоянии (вообще, эта тема поднималась на Собрании на удивление часто, чего нельзя сказать о нынешних временах). За-

бота о тех местах, куда заглядывают боги, никогда не бывает лишней.

В этом смысле нынешняя религиозная жизнь, вернее, наше участие в ней, носит совершенно другой характер. Никто у нас не руководствуется Библией, например, в парламентской деятельности. Афиняне искали у богов покровительства, защиты для своего маленького дома, и они были бы весьма удивлены тому, что наша главная религия – христианство – не предполагает никакой защиты для миллионов своих последователей.

Вглядываясь в настоящее

Прогнозы будущего не являются в наши дни абсолютным приоритетом. Нас больше беспокоят сиюминутные проблемы и вызовы: глобальное потепление, наводнения, извержения вулканов, болезни, голод и так далее. Состояние нынешней науки позволяет делать уверенные краткосрочные прогнозы и, следовательно, вносить адекватные коррективы в деятельность человечества. Например, ученые говорят, что через лет тридцать иссякнут основные запасы нефти – значит, пора осваивать альтернативные источники энергии.

Сложнее обстоит дело с прогнозами долгосрочными. Считается, что через сто лет население планеты (о ужас!) утроится. Но произойдет ли это именно так? Дело в том, что прирост населения в последние годы, хотя и неравномерно, уменьшается.

И совсем невозможно предсказать изменения

в поведении отдельного человека и всего социума в целом. Что нас ждет хотя бы через двадцать лет? Выберемся ли мы из трясины экстремизма и ненависти?

Все эти прогнозы и предсказания – удел научной мысли. В нашей повседневной жизни мы интересуемся вещами более приземленными, более прозаическими – флуктуациями на бирже, например, либо погодой на завтра. Эти мелкие проблемы кажутся нам насущными, жизненно важными здесь и сейчас. Заглянуть хотя бы в завтрашний день – предел наших мечтаний. Ближайшее нас интересует постольку, поскольку таким образом мы хотим управлять нашей жизнью, а значит, ее обезопасить. Конечно же, мы хотим услышать добрый совет от того источника, которому верим. Мы желаем услышать мнение какого-нибудь авторитетного гуру. И все это для того, чтобы почувствовать, что мы контролируем нашу собственную жизнь, а контролируя ее, можем принимать верные решения, даже если впоследствии они окажутся безнадежно ошибочными.

С дельфийским оракулом нам все более или менее ясно. Конечно же, истории о Крезе и Эдипе вряд ли правдивы – скорее это коктейль из преданий, легенд и мифов, дошедших до нас из глубины веков. Возможно, их сочиняли специально для поддержания репутации и авторитета всего института предсказателей. В реальности дело обстояло несколько иначе. До нас дошло около пятисот различных предостережений, ответов и толкований оракулов. Эти документы ясно демонстрируют нам, что оракул – вовсе не провидческая машина или бюро прогнозов.

Люди ходили к оракулу, когда хотели узнать, какому именно богу нужно принести жертву, чтобы, например, морское путешествие прошло удачно. Что нужно делать, если некто совершенно случайно привез в своей повозке священную змею и выгрузил ее вместе с сеном на хозяйственном дворе? Что нужно делать, чтобы помириться с соседями, не уронив достоинства и не потеряв лица? И так далее и тому подобное. Все вопросы задавались оракулу практически по единой схеме: «Лучше сделать то или лучше сделать это?» Считалось, что богам удобнее отвечать на односложные вопросы либо выбирать один вариант из двух. Боги есть боги – если вы неверно построили вопрос или неправильно поняли оракула, то виноваты вы, и боги здесь ни при чем.

Принимая вызовы судьбы

Того, чего люди добивались от оракулов и провидцев, всматриваясь в будущее, хотим и мы – а именно: быть уверенными, что мы справимся со всеми грядущими невзгодами, какими бы они ни были. Для древних, живших в очень «неуютную» эпоху, основной целью было выжить во что бы то ни стало, в любых обстоятельствах.

Древнеримский сатирик Ювенал (ок. 120 г. н. э.) однажды задался вопросами: «А в чем, собственно, причина «хорошей» и «плохой» жизни? как человеческая жизнь связана с божественным и какова здесь роль самого человека?» Размышляя над этими сложнейшими философскими вопросами, Ювенал пришел к знаменитому выводу:

«Mens sana in corpore sano», то есть «В здоровом теле – здоровый дух». Интересно, что он сказал бы о современных мужчинах и женщинах с несомненно «здоровыми телами», бегущих по обочинам задымленных автострад и беспрестанно болтающих по мобильному телефону? А если бы он увидел упитанных и абсолютно здоровых людей, праздно шатающихся по тротуарам в поисках сомнительных впечатлений и приключений? Наверное, он решил бы, что чем сильнее желание иметь «здоровое тело», тем меньше места остается для «здорового духа». «Mens sana in corpore sano?»

В древности хорошее здоровье было чем-то вроде удачи, дара судьбы, счастливого случая и потому ценилось очень высоко. Если человек выживал при рождении, в детстве и болезнях, он мог считать себя счастливым. В тех условиях, в отсутствие аспирина, антибиотиков, анестезии и многого другого, врачи без раздумий «прописывали» физические упражнения.

Сегодня наше здоровье в основном зависит от заботы (и работы) правительства. Цитирую двух профессоров, написавших в «Гардиан» следующее:

«Улучшение здоровья нации... потребует инвестиций в здравоохранение и сопутствующие ему области...социальную и медицинскую реабилитацию, а также оздоровление образа жизни людей, повышение их самооценки и воспитание взаимоуважения».

После этого не ждите, что все повально бросятся в фитнес-центры, перестав переедать и злоупотреблять алкоголем. Зачем, если все за нас сделает государство всеобщего благоденствия?

«Жертвы» и их культура

Немедленная реакция на малейшее неудобство – как это принято в наши дни – разыграть трагедию и пустить крокодиловы слезы. Каждый год, как обычно, происходит отмена либо задержка в проставлении отметки «А», что приводит к потере целого учебного года среди «лучшей и самой талантливой» части британской молодежи. «Как это отразится на нашей карьере, доходах и качестве жизни?» – стонет она, сопровождаемая разногласным хором, состоящим из их родителей, активистов и прессы. Обратите внимание на смелое использование пассивного глагольного залога в описании несчастий, беспомощности и притеснений, испытываемых молодежью. Нам говорят о том, что «миллионы вынуждены сеять бурю». «Вынуждены» – значит, принуждены. Интересно, кем? Кому нужно, например, принуждать меня? Если было бы сказано – «миллионы решили сеять бурю», то это – другое дело. Звучит слабо и не вызывает никакой ярости, никаких волнений, которые только и могли бы принудить правительство искать решение этой проблемы.

Около 60 г. н. э. Сенека написал письмо своему другу Луцилию об общем знакомом по имени Либералис. Сенека пишет, что этот человек был совершенно удручен, узнав, что в одном гордом римском поселении – Лунгдунуме (ныне г. Лион) – случился сильный пожар, отчего поселение буквально выгорело дотла за два дня. Сенека сообщает, что от городка действительно ничего не осталось, кроме пепла; и это событие стало для Либералиса, известного своим твердым характе-

ром и стойким духом, серьезнейшим испытанием – особенно если учесть, что пожар начался совершенно внезапно. «Все неожиданное всегда требует от нас больших жертв. Значит, – заключает Сенека, – ничего не должно быть для нас неожиданным. Мысленно мы должны заглядывать далеко вперед и думать не только о том, что уже случилось, но и о том, что может случиться». Он указывает, что изменчивая фортуна может не только проявиться самым неожиданным образом, но и обратить наши руки против нас самих же или разрушить нашу жизнь до основания. Никто не застрахован от ее капризов, особенно во времена счастья и больших надежд. Ну, а если фортуна бьет, то наотмашь – быстро и жестоко.

Утешением служит то обстоятельство, что крутые повороты судьбы иногда приводят к хорошему итогу. Сенека приводит слова одного из друзей императора Августа, человека, настроенного к Риму недоброжелательно. Этот человек сказал Сенеке, что только потому расстроен видом сгоревших домов, что на их месте римляне построят новые дома, куда лучшие, чем прежде.

В любом случае ум и сознание человека должны быть направлены на то, чтобы понять и принять прихоти судьбы. «Что ж, в такой мир мы явились и по таким законам живем». Другими словами, мы видим у древних проявления чувства собственного достоинства, закаленного в невероятных и бесчисленных страданиях, которыми была полна та давно ушедшая эпоха.

Прискорбная мысль, что человек – хозяин своей судьбы, «красной нитью» проходит через

всю древнюю философию. Древнеримский врач Авл Корнелий Цельс, например, делил людей на «слабых» («большая часть городских жителей и почти все, кто считает себя любителями литературы») и «здоровых» – людей энергичных и самодостаточных. «Слабые не должны перенапрягаться, но им показаны легкие физические упражнения, достаточные для того, чтобы вспотеть». Люди из второй группы, по мнению Цельса, не придерживаются никаких правил, однако желательно, чтобы они вели разнообразную жизнь в городе и за городом. Им показано заниматься сельским хозяйством, ходить под парусом и заниматься охотой.

Философ и при этом не бедный человек, Сенека (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.), бывший однажды даже советником Нерона, расширил и углубил концепцию Цельса, включив в нее интеллектуальную составляющую. Он не отрицал пользы от физических упражнений, но считал, что без ментального здоровья тело «даже очень сильное, здорово настолько, насколько здоровы сумасшедший или лунатик». Фанатики физического укрепления тела непригодны для изучения наук: у них притупляются все чувства, а главное (и это хуже всего), они слепо подчиняются приказаниям своих наставников, чьими главными приоритетами являются пот и бесконечное утоление жажды.

Однако ум требует неустанного труда – день и ночь, хотя полезно время от времени ходить пешком или ездить верхом. Мы должны ограничивать свою плоть и давать волю нашему духу, считает Сенека. Нашей целью должен быть самостоятельный, верящий в себя разум, презираю-

щий мнение толпы или незаслуженные дары фортуны, разум, который ищет истину и счастье. «Выздоровевший разум таковым и останется».

Но вернемся к Ювеналу. «Mens sana» – «здоровый дух» – только одна из его рекомендаций, актуальная и поныне. Он начинает свои пространственные рассуждения с перечисления типажей существующих просителей. Самая распространенная молитва, по мнению Ювенала, – «О боги, дайте мне больше денег!» Но как только кубышка страждущих переполняется золотом, предупреждает он, самое время бить тревогу. Иные мечтают о власти. Все их вождение – воздвигнуть самому себе монумент, который, рано или поздно, рассыплется или будет разбит (участь многих императоров) трусливой улюлюкающей толпой, тоскующей о «хлебе и зрелищах». Ученики молят богов дать им такое же красноречие, как у Цицерона или Демосфена (напоминаю, что искусство убеждения в древности ценилось необычайно высоко). Однако и Цицерона, и Демосфена погубило именно красноречие. А как насчет военных успехов – победа, триумф, слава? Ювенал язвительно высмеивает достижения Александра Великого и Ганнибала («Давайте, давайте, вы, сумасшедшие! Перепрыгивайте через свои ледяные Альпы! Экзальтированные школьники! Давайте больше пищи для книжных заголовков!»).

Долгая жизнь – еще одно страстное желание. «Но какое же удовольствие видеть трясущиеся руки и слышать дрожащие голоса? – иронизирует Ювенал. – Или вам нравятся лысина, тугухость, болезни и умственный упадок? Неужели вы согласны видеть смерть ваших любимых лю-

дей, которые уходят из жизни, будучи гораздо моложе вас?» Родители молят о благополучии и послушании своих детей. Однако, замечает Ювенал, чрезмерная любовь и излишняя опека опасны для детей так же, как сексуальные маньяки и извращенцы.

Так, значит, нет ничего, за что стоило бы молиться? Ювенал заканчивает свое сатирическое произведение своими собственными довольно скромными рекомендациями: «В общем, пусть боги разбираются сами – они дадут нам все, что нам нужно, а не то, что мы хотим. Но если мы действительно хотим о чем-то их попросить, то пусть это будет *«mens sana in corpore sano»*. Просите у богов свободу и смелость, а не пороки и трусость. Отдайте предпочтение геркулесовым трудам, а не восточной роскоши. А более всего пожелайте себе великодушия и добродетели. У госпожи Удачи нет власти, – заключает Ювенал, – это мы сами сделали ее богиней и поместили на небо».

Лорда Байрона настолько впечатлили рассуждения Ювенала, что он даже чуть не распорядился, чтобы на его похоронах читали что-нибудь из произведений великого древнеримского сатирика. Эти мысли достойны того, чтобы взять с собой даже в иной мир.

Потусторонний мир у язычников

В отсутствие святых писаний и общепринятых канонов у язычников было столько же воззрений на жизнь после смерти, сколько было самих язычников. Вот каким представлял загробный мир ве-

ликий Гомер, описывая его в своей бессмертной «Илиаде»:

«Опустившись в подземный мир мертвых, Одиссей (первоначально он решил посоветоваться с провидцем Терезием о том, каким путем вернуться на родину) встретился с душой погибшего Ахилла. Когда Ахилл узнал в Трое, что его любимый компаньон Патрокл погиб в бою от рук троянца Гектора, он поклялся отомстить за друга. Его мать богиня Фетида предостерегла его, что это приведет к его ранней смерти, на что Ахилл возразил: «Тогда я погибну здесь и сейчас, потому что я не предотвратил смерть друга, хотя мог спасти его».

Одиссей приветствует Ахилла, называя его самым благословенным из всех греков, почитаемым, как бог, и царствующим ныне над всеми мертвыми. Ахилл отвечает: «Не пытайся приукрасить меня и мою смерть, блестящий Одиссей. Скорее, я буду работать на бедного крестьянина на его полях как раб за миску похлебки, чем верховодить над безжизненными телами. Хватит! Расскажи лучше о моем сыне...»

Одиссей рассказывает о Неоптолее, который показал чудеса храбрости при взятии Трои. Далее он продолжает: «Вот так все и было, а душа быстрого Ахилла широким шагом помчалась над цветочными полями, радуясь моему рассказу о славе его сына».

По Гомеру, царство Аида было не только местом судилища, возмездия и наказания, но и местом, где существование было серым, никчемным и бессмысленным, потому что в царстве теней никто не хотел быть лучшим и никто не мечтал воспарить к звездам. Однако мертвые могли выражать

свои чувства, и Ахилл в приступе ярости, отвергнув саму мысль о царствовании в преисподней как воздаянии, обратился к памяти любимого сына. Его реакция на новость из мира живых – летящая семимильными шагами над цветущими лугами душа – потрясает меня до сих пор.

Это и есть жизнь! Это и есть настоящая жизнь!

Материя сущего и безбожные мысли

Когда Чарльз Дарвин возвратился из пятилетнего путешествия на корабле «Бигль» и опубликовал свой бессмертный труд «О происхождении видов» (в 1859 г., после двадцатилетних раздумий); когда Эйнштейн показал нам, что $E=mc^2$; когда Стефен Хоукинг написал свою «Краткую историю времени» – никому из них и в голову не пришло сказать: «...И в результате всего этого вы будете выпрыгивать из кровати с блаженной улыбкой на лице, а все ваши проблемы будут скоро решены». Действительно, Стефен Хоукинг о своей теории материи (теории так называемой «вибрирующей струны») сказал следующее: «Она не окажет большого влияния на повседневную жизнь». Именно то же самое думали древние мыслители о влиянии своих исследований и открытий на жизнь обычных людей.

По воззрениям древних греков, как мы увидели в предыдущей главе, вся естественная природа напрямую зависит от деятельности божественных сил; и для того, чтобы понять законы природы, нужно как можно полнее и глубже понимать эти силы. Но понять законы природы, опираясь на понимание божественного провидения, может только человек. Отсюда следует неизбежный вывод: человек также является частью естественного мира, состоящего из триединой цепочки: «божественные силы – природа – человек». Знаменитый поэт Лукреций, например, даже считал, что существует прямая связь между человеческим счастьем и происхождением мира.

Задумавшись о природе вещей, древние греки нашли универсальное теософическое правило, и правило это оказало огромное воздействие на последующее развитие научной мысли: ваши размышления, ваши идеи, ваши открытия и исследования не должны приносить вред или неудобство богам. Это не значит, что нельзя постигать и постичь божественное. В этом смысле ситуация, в которой пребывает любой современный ученый, не лучше и не хуже, чем у их античных коллег. По сути, они находятся в одной лодке. Современный ученый может оказаться христианином, и ему не позволительно сказать: «Простите, дружище, но на этот законный научный вопрос я ответить не могу, потому что это – территория Бога». Законный научный вопрос по определению не может затрагивать эту территорию. А если затрагивает, то вопрос – не научный. Можете древних греков за это устыдить.

Логика: слово и его смысл

У вышеупомянутого правила существует одно очень важное следствие: так как, делая важные умозрительные выводы, вы не можете сослаться на авторитет божественного провидения (концепция, весьма почитаемая религиозными авторитетами, так как она прекращает все споры), вам придется аргументированно доказывать свою правоту, используя нормальную человеческую лексику. Другими словами, вы должны призвать на помощь здравый рассудок или логику – самый мощный аналитический инструмент.

Понятие «логика» – производное от древнегреческого «logos», имеющего два очень разветвленных значения: «слово» («предложение», «высказывание», «речь») и «смысл» («разум», «аргумент», «учение», «суждение», «понятие» и так далее). Возможно, это наиболее значимое и употребляемое в наше время древнегреческое слово, знакомое нам в качестве второй части в многосложных научных словах – «-логия». Например, «биология» – «наука о жизни, жизненных формах». Весьма искусно использовал это понятие святой Павел (помните?): «В начале было Слово...» Неся в массы христианское учение, он прибегнул к эллинскому рациональному мышлению, а точнее, к одному из основных понятий древнегреческой философии.

Понятие «логос» введено Гераклитом Эфесским (кон. VI–нач. V вв. до н. э.), древнегреческим философом-диалектиком. Первоначальный смысл логоса – универсальная осмысленность, ритм и со-

размерность бытия, тождественная первостихии огня. Философы-стоики впоследствии подхватили понравившееся им слово и истолковали его по-своему. Для них логос – это эфирно-огненная душа космоса и совокупность формообразующих потенциалов, от которых в инертной материи «зачинаются» вещи. Христиане же, с легкой руки св. Павла, это понятие донельзя упростили, отождествив его со вторым ликом Троицы. Вот такое емкое и многострадальное слово. В общем, попытка описать логос – это попытка обрисовать Бога. И то и другое можно делать до бесконечности, а вернее, невозможно сделать никогда. Мы же перейдем к другой теме.

Наука как её понимали в народе

Если вы живете в свободном обществе, где власть под страхом наказания не навязывает вам неприемлемые для вас убеждения, традиции или верования, вы вольны думать и действовать так, как считаете нужным. Что касается ваших действий, ваша свобода кончается там, где начинается свобода другого. В ментальной и духовной сфере вас ограничивают ваш внутренний цензор, а также моральный и интеллектуальный авторитет ваших оппонентов – согласитесь, что иногда мы несем такую чушь, что не мешало бы кому-нибудь нас одернуть.

В таком свободном демократичном обществе многое решают публичные споры и дебаты. В этом смысле эллинистический мир был первым, где многие (если не все) темы из любой области жиз-

ни, в том числе (о ужас!) и религиозной, дебатировались публично, на нормальном человеческом языке, на базе фактов и здравого рационального рассудка, а не мистики, суеверий и предрассудков.

Затмения

Солнечные и лунные затмения как события представляют огромный исторический интерес, так как помогают датировать многие события с абсолютной точностью (с ошибкой плюс-минус 1 миллисекунда, тогда как радиоуглеродный метод дает нам точность в 400 лет). А теперь только факты.

Начиная с III тысячелетия до н. э. вавилоняне отмечали движение небесных тел на глиняных табличках (в течение двух тысяч лет), уже к 747 г. до н. э. во множестве хранившихся в двух «библиотеках». Вавилонские астрономы, систематизировавшие всю накопленную информацию, научились с большой точностью предсказывать и солнечные, и лунные затмения. Первый известный нам древнегреческий философ Фалес Милетский, по-видимому, знакомый с методом вавилонских астрономов, сумел предсказать солнечное затмение 28 мая 585 г. до н. э.

И греки, и римляне имели вполне внятную систему датировки. Эта система опиралась на даты затмений, что позволяет нам с небывалой точностью устанавливать время наступления того или иного события. В древнеримской и древнегреческой литературе (нам известной) затмения упоминаются 250 раз, что позволяет нам с уверенностью

отслеживать всю хронологию той эпохи. Например, в одной записке древнегреческий поэт Архилох упоминает о лунном затмении, которое мы можем датировать 6 апреля 647 г. до н. э.

А вот разобраться с календарями довольно трудно. Древние тоже иногда ошибались. Солнечное затмение 14 марта 190 г. почему-то отнесено римлянами на 11 июля, а лунное затмение, датированное римлянами 4 сентября 168 г. до н. э., в действительности случилось 21 июня того же года.

Сами древние видели в затмениях некое проявление божественных сил, некий мистический знак и потому привязывали их к определенным историческим событиям. К примеру, Геродот сообщает, что в то время, когда Ксеркс I, царь персов, вознамерился напасть на Грецию весной 480 г. до н. э., произошло полное солнечное затмение. Смущенный царь спросил у своего слуги Маджи: «Что бы все это значило?» На что слуга ответил, что греческие города сейчас погружены в полную темноту. Однако астрономы знают, что в тот год единственным затмением, видимым с территории Персии, было затмение частное, то есть частичное, и произошло оно в октябре 480 г. до н. э. Полное же солнечное затмение на территории Персии случилось годом ранее – в апреле 481 г. до н. э. Следовательно (не в обиду Геродоту), Ксеркс I мог выступить в военный поход именно в 481 г. до н. э.

Некоторые ученые древности не находили в затмениях ничего мистического. Философ Анаксагор (V в. до н. э.), считавший, что луна светит отраженным от солнца светом, нашел для затмений абсолютно верное объяснение: «Лунные затмения случаются, когда между Луной и Солн-

цем встает Земля...и солнечные затмения происходят, когда новорожденная Луна заслоняет от нас Солнце».

Все сказанное вовсе не значит, что другие народы и общества не могли делать значимых научных прорывов: древние вавилоняне и египтяне, например, добились выдающихся успехов в математике, медицине и астрономии. Как вы думаете, можно ли было построить пирамиды без хороших познаний в геометрии, математике и астрономии? И все-таки именно древние греки первые бросили вызов косности и невежеству. Именно они основали первые научные и философские школы. Именно на земле Древней Эллады наука стала тем, чем является до сих пор – инструментом, позволяющим человеку заглянуть в неведомое.

Тирания чисел

Несмотря на все свои достижения и огромную пользу, наука, тем не менее, не в состоянии помочь человеку разобраться со всеми без исключения проблемами. Да, наука достигла головокружительных высот, но ее методы зачастую пытаются применить там, где она бессильна. Что же я имею в виду?

Известно, что ключ к постижению науки лежит (кроме обычного любопытства) через законы чисел. Пифагор в свое время называл «число» (не математику, не науку в целом, а именно «число») «ключом к познанию мира». В каком-то смысле

он прав. Но склонность видеть мир через призму чисел помогает понять и описать устройство лишь физического мира, но не человеческого общества. Поверить гармонию алгеброй, описать всю сложность и многообразие общественной жизни, используя лишь статистические (а по сути, математические) методы, невозможно, как бы этого ни хотелось властям и администраторам рангом ниже.

Чиновники от образования ввели, например, тестовые экзамены с использованием компьютерных программ, заявляя, что это – как раз то, что нужно британской школе. Компьютер, объявленный чуть ли не очередной победой в вопросах моделирования человеческой жизни, – всего лишь бездушная машина. Как всякой машине, ей не свойственны маленькие человеческие радости. У машины нет и не будет интимной жизни, ей не дано разбираться в винах. Ее никогда не захватит дух от быстрой езды на мощном красивом автомобиле. Одна из главных проблем современного общества – ненадлежащее, антисоциальное поведение отдельных его членов. И что же может помочь решить эту проблему? «Система... Компьютерные программы... такие, где учитываются все антисоциальные элементы и выносятся решения», – неуверенно говорит нам старший констебль. Хорошее слово – «система». Звучит научно и красиво. И что же? Имея такие «системы», полиция не должна теперь искать и ловить преступников?

Другая проблема – деградация и распад института семьи. Всем ясно, и это доказывает статистика (больше красивых круглых цифр!), что наибольшая рождаемость наблюдается в полноценных

семьях. Следовательно, можно заключить, что нужны механизмы (опять нечто бездушно-металлическое), делающие более привлекательным институт семьи; и тогда все проблемы (демографические особенно) – решены. Что же это за механизмы? Ну конечно, говорят нам, это – деньги. Но на деньги можно купить товары или услуги. Прекрасно, что вы можете позволить себе приобрести товары и услуги. Но как именно это обезопасит отдельную семью, весь институт семьи от распада?

К сожалению, неоспоримым фактом является то, что не так уж много людских проблем поддается «научным» решениям. Это не значит, что люди не могут работать над своими проблемами или постигать в процессе работы необходимый опыт. Однако без определенной помощи здесь не обойтись. Не самый худший вариант – обратиться к прошлому: во-первых, изумительное литературное наследие античной эпохи дает нам полное представление того, что означает «быть человеком» и как «функционирует» человеческая личность. И во-вторых, люди в древности набирались опыта и жизненных премудростей из непосредственного контакта с природой и между собой, а не из журналов, газет или телевидения. К тому же они не были ослеплены обещаниями науки или убаюканы пустопорожней болтовней на тему «все идет к лучшему». Лишенные всяких иллюзий, они ежедневно смотрели в глаза опасной, тяжелой действительности.

Оглядываясь на предшествующие времена как на «золотой век», они считали – впереди ждут только «худшие времена». Это был несентиментальный, полный пессимизма, никому ничего не прощающий мир.

Размышления о человечестве и человеческом

Все эти человеческие проблемы поднимаются в вопросах, которые древние греки задавали сами себе: насколько далеко простирается осязаемая связь между Природой и Человеком? Чем быстрее это выяснится, тем лучше для человеческого существования. Таким образом, родилась антонимическая, антагонистическая пара понятий «естественный» – «неестественный» (или, если хотите, «натуральный» – «ненатуральный»), подразумевавшая, прежде всего, «правильный» и «неправильный» пути развития человечества.

Сократ развил и углубил этот вопрос. В одном из своих трудов великий мыслитель отмечает, что было время, когда он восхищался естественными науками и весьма интересовался такими вопросами, как: «Действительно ли именно наша кровь хранит наше сознание? Или же средоточием сознания является стихия воздуха? Или стихия огня? Или это наш мозг поддерживает наши чувства восприятия – зрение, слух, обоняние и осязание? Не здесь ли рождаются наша память, рассудительность и в конце концов наши опыт и знания?»

Далее Сократ сетует на то, что, очевидно, устал от раздумий такого рода. Потому что изучение природы вещей не имеет ничего общего с поиском того, что «считается самым важным в человеке – его убеждения и добродетель». Именно Сократ изменил вектор внимания древнегреческих мыслителей с рассуждений о Космосе на

изучение проблем, связанных с человеком. В частности, его заинтересовало, для чего живет человек, в чем смысл его бытия, его нравственности и добродетели. Как сказал много позже Цицерон: «Сократ спустил философию с небес, переместив ее на улицы городов и даже в отдельные дома. Он заставил философов изучать жизнь человека и его мораль, добро и зло».

В своих размышлениях Сократ обращался к совершенно земным, бытовым проявлениям человеческой деятельности, например ремеслам. Примерный ход его рассуждений был таков: допустим, мы знаем, для чего нужны башмаки. Также мы знаем, какую пользу, какое благо несут нам эти башмаки. Допустим, знаем мы и мастера, который может сделать хорошую пару башмаков. Можем ли мы считать этого человека хорошим? Что же превращает обычного человека в хорошего? Кто помогает ему стать примерным, добродетельным человеком? Для начала, замечает философ, нам лучше определить, что же мы подразумеваем под словами «хороший и добродетельный». В этот самый момент, как мне кажется, и проросли первые побеги, превратившиеся впоследствии в гигантское древо западноевропейской философской мысли.

Эксперты

Вопросы Сократа заставляют задуматься о профессионалах-экспертах, то есть о людях, хорошо знающих свое дело, профессию, ремесло и т. д. В рассуждениях о профессиях и профессионалах

речь шла о представителях обычных, «приземленных» ремесел, например о сапожниках или строителях. А как насчет тех, кто принимает политические или судебные решения?

У Аристотеля на этот последний вопрос был свой оригинальный, глубокий взгляд, которому поаплодировали бы все те телевизионные шоу, которые посвящены поиску расцветающих талантов и приглашающие на передачу зрительскую аудиторию, которая в конце концов эти таланты опускает с небес на грешную землю. Аристотель считал, что одной из главнейших особенностей реальной демократии является то, что чем больше людей участвует в принятии решения, тем вероятнее принятие обоснованного, ответственного решения, потому что много думающих голов гораздо лучше одной, даже самой умной. То же относится к оценке поэзии и театрального искусства.

«Человек, – утверждает Аристотель в своей «Политике», – по своей природе «politikon zoon» (букв. – «животное из полиса», т.е. из города-государства)». Мы могли бы перевести это и более мягко: «социальное существо». Уникальной характеристикой «politika zoa» (так во мн. ч.), как отмечает Аристотель, является «его способность отличать добро от зла, справедливость от несправедливости; и такой взгляд на вещи имеется и у государства, и у простого домовладельца».

Поэтому, считает Аристотель, демократия – наилучшая форма государственного устройства:

«Возможно, что многие из тех, кого никто не назвал бы шумным человеком, будучи собраны для общего дела, действуют гораздо лучше, чем

небольшое количество людей. Точно так же гораздо лучше, когда общий праздник финансируют как можно большее количество участников, чем один, даже очень богатый, человек. У каждого человека своя добродетель и политическая мудрость; а когда они собираются вместе...они становятся единым целым – более сильным и в отношении характера, и в отношении интеллекта. Вот почему большие собрания людей лучше судят о музыке и поэзии: кто-то лучше разбирается в одной части, кто-то в другой, но их общее мнение является точным вердиктом по всему произведению или событию».

Аристотель уточняет, что бывают исключения, потому что «некоторые люди едва ли лучше диких животных», но в общем и целом правило верно.

Действию правила под названием «Спроси у аудитории» наши политики невольно подвергаются раз в пять лет или около того, боясь при этом суда общественности, как огня. Также не в восторге от оценивающих взоров публики поэты, актеры и музыканты. Они предпочитают разглагольствования приплаченных критиков, которым абсолютно наплевать на мнение широкой публики. В конце концов, если эта свора критиков обслуживает интересы шоу-бизнеса, почему бы того же самого не желать деятелям искусств? А кто-то все еще желает видеть, как Брайан Сьюэлл призывает аудиторию нажимать свои кнопки в пользу Рольфа Харриса или Трейси Эмин.

Деятели искусств и науки глазами древних

Древнегреческое слово, смысл которого наиболее близок к значению «искусство» – «*tekhne*» (отсюда – слово «техника»). Аристотель определяет термин «*tekhne*» как «возможность создавать что-либо, руководствуясь рациональным мышлением». В античном мире актер имел такой же статус, как современный врач или автомеханик – то есть положение человека, работающего непосредственно с людьми и для людей. Так что современное, замешанное на чрезмерном обожании и идолопоклонстве, отношение публики к звездам шоу-бизнеса для древних выглядело бы более чем странным. Приведу здесь слова древнегреческого писателя и историка Плутарха: «Ни один из образованных, воспитанных людей с высокими идеалами не загорается вдруг желанием стать скульптором после просмотра работ Фидия и не бросается в омут стихотворчества, прочитав чью-нибудь поэму. Так и должно быть, потому что особенная миссия искусства – очаровывать нас, а создатели произведений не заслуживают нашего восхищения».

Люди действительно восхищаются шедеврами, как восхищаются безупречной работой дантиста, но не самим дантистом.

Как и наш дантист, античные деятели искусств зарабатывали свою репутацию, свое «имя». Искусство не ради искусства, а ради признания, успеха на публике. Архитектурным комплексом, составляющим Парфенон, люди любят на протяжении многих веков. Древнеримские архитекторы

при жизни каждого императора создавали шедевры, созвучные эпохе (хотя мы знаем, да это и не важно, что создавались они в угоду амбициям того или иного диктатора): Колизей Веспасиана, Стена Адриана, Термы Каракаллы, Триумфальная арка Траяна... Строительство (и, естественно, проект) Парфенона было принято прямым голосованием на Народном собрании. Комплекс, несмотря на огромную стоимость, был необычайно популярен в народе. Великий Фидий, говорят, прятался за своими изваяниями и прислушивался к тому, что говорили зрители о нем и его работах.

Новизна и креативность (способность к творчеству) сами по себе не интересовали древних художников и актеров. Их интересовала реакция публики, безразличие которой ставило на карьере артиста большой крест. Действительно, если публике что-то не нравилось, она тут же освистывала и высмеивала неудачливого актера, поэта или циркача. Моральная рана, полученная артистами, иногда доводила их до самоубийства. Огромный контраст с современным состоянием дел, когда какой-нибудь провалившийся поп-деятель ничем особым не рискует, оставаясь на плаву, а точнее, на конвейере под названием «шоу-бизнес».

Однако сократовский вопрос не «испарился» сам собой, и многие последующие философы посвятили его изучению немало времени. Как уже было отмечено, именно к поп-звездам, актерам и гостям многочисленных «ток-шоу» обращаются наши политики и ведущие по самым разным вопросам – от глобального потепления до бедности в Третьем мире. Это, воистину, новое поветрие и

новая модель отношений: «политики – масс-медиа – простые граждане» (или деятели шоу-бизнеса – не простые граждане?). Я уже и не помню, когда это началось. Кажется, с того момента, как премьер Харольд Макмиллан пригласил Веру Линн возглавить «мозговой центр» по изучению и решению проблем, связанных с развитием городских проблем городов, расположенных во внутренних графствах Англии? Или, быть может, все началось в 1967 г., когда лидер «Роллинг Стоунз» Мик Джаггер (естественно, предсказуемо получивший рыцарский титул) в сопровождении известного публициста Марианн Фейтфул совершил посадку в вертолете прямо на лужайку перед домом издателя «Таймс», который и проинтервьюировал поп-идола в компании с архиепископом Кентерберийским о социальных программах «Юф» («Yoof») и «Жизнь или наркотики»?

Так или иначе, вопрос Сократа по-прежнему не потерял актуальности и заставляет нас задуматься о компетентности политиков, в чьи руки мы вверяем нашу безопасность, благополучие и будущее.

Атомная теория

Некоторые древнегреческие философы, в отличие от Сократа, целиком и полностью разделяли идею о полной зависимости человеческой жизни от физических свойств окружающего мира. Одна из теорий на этот счет имела чрезвычайное значение.

Для того чтобы чуть упростить эту сложную

тому, замечу, что первых древнегреческих философов правильнее было бы называть физиками с философским «уклоном», нежели просто философами в чистом виде. И как физики они не могли пройти мимо наиглавнейшего вопроса естествознания: а какое, собственно, вещество лежит в основе всего мироздания, какое вещество самое главное? Предлагались разные варианты ответов, например воздух. Тут же возникал другой резонный вопрос: как эта первичная материя, если она существует, может превращаться в другие известные вещества, скажем, как может воздух превратиться, допустим, в Нила Киннока?

Действительно, проблема превращения одного вещества в другое казалась настолько неразрешаемой, что, по мнению философа Парменида, такое превращение невозможно в принципе. Но поскольку мы живем в мире, состоящем из бесчисленных видов вещества (отнюдь не первородного), претерпевшего изменения, мы входим в очевидный логический тупик – вещества превращаются одно в другое, хотя это невозможно. Значит, мы живем в вымышленном мире, где нет ничего реального!

Вскоре появилась компромиссная теория, гласившая, что главных, основополагающих субстанций – четыре. Это земля, воздух, огонь и вода. Согласно этой знаменитой «теории четырех элементов», все вещества вокруг нас являются комбинацией определенных элементов. Другое решение проблемы через 2200 лет преобразило планету и навсегда закрепило за Древней Грецией репутацию колыбели истинной, серьезной науки. Речь идет об атомной теории. Древнегреческое сло-

во «atomos» значит «нерассекаемый», «неразделяемый» («а» – префикс, выражающий отрицание, и «tomo» – «рассекаю, разделяю»). Теория была выдвинута и развита одновременно двумя афинянами, Левкиппом и Демокритом. В упрощенном виде их идея сводится к тому, что если Парменид прав и превращение из вещества в вещество невозможно, и тем не менее вся обозримая вокруг нас природа состоит из веществ, абсолютно разных по свойствам и внешнему виду (ну ведь состоят же они из чего-то, пусть даже из смеси первичных стихий), то для того, чтобы разрешить это противоречие, нужно допустить, что базовые элементы – основа превращений – настолько малы, что мы не замечаем их (и элементы, и их превращения) с помощью обычных органов чувств. Значит, мир должен формироваться из мириадов *atomoi* (мн. число), группирующихся и перегруппировывающихся между собой.

Ошеломляюще, но теория абсолютно верна, хотя авторы об этом даже не подозревали и тем более не могли это проверить экспериментально. Но разум и логика привели их к фундаментальной истине. Интересно, что здесь они не остановились, и дальнейшие рассуждения позволили сделать им вывод, что если существует безграничное число атомов, обращающихся в бесконечном пространстве, то, следовательно, должно существовать бесконечное число иных миров. Читаем в одном древнем источнике следующее: «Есть неисчислимое количество пространств, различающихся между собой своими размерами. В некоторых космосах нет ни луны, ни солнца; в других – они есть; а в третьих мирах – им нет числа. Расстояния между

мирами различны, и располагаются они очень неравномерно. У них разный возраст и, следовательно, разная степень зрелости. Некоторые космосы только родились, а некоторые готовятся умирать. Сталкиваясь друг с другом, они самоуничтожаются. В некоторых космосах нет ни животных, ни растений; а в некоторых нет даже воды».

Невероятно, но мы словно цитируем отрывок из современного учебника по астрофизике. В то время, когда многие верят, что Вселенная родилась в результате «Большого взрыва» около пятнадцати миллиардов лет назад, а два ведущих космолога недавно высказали предположение, что космос проходит в своем развитии определенные циклы расширения и сжатия, постоянно «умирая» и восставая из пепла. Приятно осознавать, что современная наука наконец-то взяла рациональное зерно из воззрений древних.

Из известных нам ученых, живших в эпоху Возрождения и полностью разделявших атомарную теорию, я бы отметил великого Френсиса Бэкона (1561–1626 гг.). Однако именно французский иезуит Пьер Гассенди (1592–1655 гг.) впервые написал комментарии по этому вопросу, вынужденно модифицировав и приблизив теорию к Христову учению. Эта работа попала в поле зрения талантливейшего Роберта Бойля (современник Ньютона и поначалу такой же отчаянный алхимик), который сделал выдающиеся физические и химические открытия (особенно в области физики газов) и окончательно похоронил учение Аристотеля. Через некоторое время теория «микроскопических частиц» стала находить все больше и больше веских доказательств, стала «обрастать

мудростью», усложняться, и наконец в 1803 г. Джон Дальтон выдвинул современную атомную теорию, основанную на верном утверждении, что каждый химический элемент или простейшее вещество состоит из «его» индивидуальных атомов, которые нельзя ни создать, ни разрушить.

Если бы Аристотель, чей непререкаемый авторитет и чье веское слово оставались в западноевропейской научной мысли законом на протяжении свыше 1500 лет, принял атомарную теорию, то технологическая революция в Европе произошла бы гораздо раньше XVIII века.

Выводы из гипотез

Зная, что атомарная теория строения вещества абсолютно верна, сейчас действительно трудно поверить, что даже такой неоспоримый гений, как Аристотель, мог ошибаться, настаивая на своей «теории четырех элементов». Дело в том, что в самом сердце древнегреческой научной и философской мысли был некий изъян (впрочем, характерный не только для античной, но и для всей средневековой науки), устраненный только в эпоху Возрождения. Я имею в виду, конечно, отсутствие научных опытов и экспериментов, то есть серьезной доказательной базы.

Древнегреческие философы имели возможность лишь пассивно наблюдать за окружающим миром, время от времени выдвигая основанные на этих наблюдениях гипотезы. Так вот: выдвинув очередную гипотезу, они делали далеко идущие выводы (дедукция), используя имеющиеся в их

распоряжении факты и предположения. Современные математики сказали бы, что они занимались интерполяцией на основании ненадежных данных. Однако они никогда не проверяли свои гипотезы на предмет истинности, правдивости. То есть если сама гипотеза ошибочна (к примеру: «Вселенная состоит из четырех элементов-стихий»), то и выводы из этой гипотезы также ошибочны.

В гипотезе как научном методе построения предположений нет ничего плохого. Мы используем этот метод до сих пор. В царстве астрофизики, космологии и космогонии («территория» Стефена Хоукинга) гипотезы выдвигаются чуть ли не каждую неделю; и не просто выдвигаются, но и делаются определенные выводы, которые, рано или поздно, будут нуждаться в проверке и доказательствах. Отличие современной науки от средневековой, и тем более античной, в том, что на проверку современных гипотез (другими словами, на эксперименты) тратятся огромные средства и используются разнообразнейшие инструменты и методы (начиная электронными супермикроскопами и суперкомпьютерами и кончая космическими зондами, телескопом «Хаббл» и строящимся ядерным коллайдером). И все это для того, чтобы добыть неоспоримые факты, которые либо подтвердят, либо разнесут выдвинутую гипотезу на мелкие осколки. Представляю, что «натворили бы» древние греки, окажись в их руках хоть малая толика современных приборов и инструментов, особенно если учесть, что все опыты они сдобрили бы своими математическими расчетами. В этой связи хочу напомнить, какие математики блистали на древ-

ней земле Эллады – Эвклид, Архимед, Фалес и многие, многие другие.

В том-то все и дело, что, пока не появилась эффективная научная методология, предполагающая разностороннюю проверку любой гипотезы (либо до ее полного опровержения, либо до ее подтверждения и возведения в ранг аксиомы), пока не появились точнейшие и чувствительнейшие средства измерений и приборы, позволившие заглянуть в микромир и на объекты, находящиеся от нас на чудовищных расстояниях, нельзя было проверить ни одной научной гипотезы. Удел древних ученых – делать умозрительные выводы из тех немногих фактов, находившихся в их распоряжении. Иногда никаких фактов не было вовсе. Аристотель, конечно, знал об атомной теории, но находился в логическом тупике, не видя связи этой теории со своей теорией «четырех стихий». Для того чтобы сблизить обе теории, он даже добавил пятый элемент-стихию – «aither», то есть «эфир». Отсюда все его ошибочные выводы и заключения.

Как ни странно, метод «гипотеза – дедукция» используют в своей работе и сегодняшние политики. Вот вам, к примеру, гипотезы, родившиеся в недрах Консервативной партии: «Рынок сам решит все проблемы», «Чем меньше государство и чем меньше налоги, тем счастливее живет народ и тем успешнее функционирует экономика». Социалистические гипотезы звучат совершенно по-иному. И где же правда? Правильный ответ необычайно важен, потому что выводы, сделанные из ложной гипотезы, так же ложны, а это может привести к серьезным последствиям. Или же неверны обе гипотезы?

Может ли кто-нибудь решить наши проблемы за нас? Весьма вероятно, что нет. Уже древние греки знали, что красивую, устраивающую всех гипотезу, от которой зависит вся ваша система ценностей, обычно не ставят под сомнение. Но весь ваш мир может исчезнуть, взорваться, коллапсировать – и где окажетесь вы? Прекрасный пример, который я хочу привести: государство считает, что все дети от пяти до шестнадцати лет должны ходить в школу. Системе британского обязательно государственного образования уже 130 лет, и ее никто не ставит под сомнение и не задает лишних вопросов. Неудивительно, что мы имеем 10 процентов отстающих от программы учеников. Они были и будут всегда. Об этом говорит статистика. Эти десять процентов будут отстающими по определению. Их так называет наше статистическое ведомство. И как же реагирует на это правительство? Оно вливает в образование еще больше денег.

Отчего бы не отбросить гипотезу о пресловутых «десяти процентах»? Или попытаться взять другой курс? Куда подевался наш замечательный британский прагматизм? Местные сообщества в Аттике, состоявшие, как правило, из нескольких домовладений, улиц или деревень и являвшиеся наименьшей административной единицей, *demes*, посылали в Афины своих юношей, достигших восемнадцати лет, для прохождения экзаменов по физической подготовке. Те *demes*, чьи посланцы экзамены проваливали, нещадно штрафовались. Вот если бы правительства, постоянно хвастающие своей заботой об образовании, штрафовались учениками-выпускниками, чьих познаний и оценок

не достаточно ни для поступления в университет, ни для поисков приличной работы!

Древние римляне, как и греки, нашли бы обязательное государственное образование неприемлемым. Вероятнее всего, они ввели бы контрактную систему, позволяющую желающим получать образование в том виде и объеме, каком они пожелают.

Удивительно, но из, казалось бы, сугубо научной теории, какой является атомная теория, выросло знаменитое философское учение, эпикурейство, названное так по имени своего основателя – древнегреческого мыслителя Эпикура. Один из его известнейших последователей – великий древнеримский поэт Лукреций (I в. до н. э.), написал удивительную шеститомную поэму «*De rerum natura*» («О природе вещей»), где он раскрывает суть учения Эпикура, его взгляд на окружающий мир, на функционирование и законы этого мира. В поэме подчеркнута связь между атомным строением всей природы и эмоциями человека. Кстати, именно этот труд попал в руки Гассенди, предопределив дальнейший ход научной мысли и всей истории науки.

Лукреций рассуждал следующим образом: человек проводит свою жизнь в борьбе за благополучие, известность, власть, честь, удачу, славу и т. п. Стремление это понятно и оправданно. Но почему мы с таким энтузиазмом участвуем в этой бесконечной (некоторые говорят – «крысиной») гонке? Потому что мы с ужасом думаем о неизбежной смерти; и эти ужасные мысли мы подсознательно компенсируем стяжательством и накопительством. Мы противопоставляем смерти веществен-

ный мир, хватаясь за него, как за спасительную соломинку. Далее Эпикур предполагает, что если весь окружающий нас мир – Вселенная, люди и даже боги – состоит из неделимых и неизменяющихся частиц (атомов), то, приходя на свет, мы складываемся из атомов, а уходя из этой жизни, мы распадаемся на те же самые атомы. Выходит, что нет и не может быть никакой загробной жизни. Тогда не стоит бояться смерти – атом к атому, пылинка к пылинке, – равно как не стоит бояться богов, если они, как и люди, слеплены из атомов.

Кто-то спросит: «Разве, будучи составленные из атомов, боги не продолжают следить за нами и нашими действиями недремлющим оком? Разве они равны нам?» По мнению Лукреция, совершенно не важно, из чего сделаны боги. Они по определению совершенны и во всем превосходят людей. Человеческий же мир несовершенен. В нем полно болезней, преступлений, невзгод и т. д., поэтому богов не интересует обычная человеческая жизнь. Они хотят быть в стороне от людских забот и жить в своем отдельном мире.

Из чего же тогда состоит жизнь богов? Из сплошных удовольствий? Из бесконечного выяснения матримонимальных отношений? Из праздного услаждения своих чувств, желаний и похоти? «Божественное» витание в облаках и чрезмерные удовольствия и есть, в представлении многих, суть эпикурейства. Этакая смесь из сибаритства и безудержной тяги к роскоши. Однако с этим не согласен сам Эпикур. Он утверждал, что праздный образ жизни дарит лишь временное удовольствие, а в долгосрочном плане не приносит ничего, кроме разочарования, скуки и душевной боли. Мы

должны освободить нашу жизнь от тревог и дурных предчувствий. Это значит, что нам следует избегать неисполнимых желаний и пустых надежд (таких, как богатство и высокое положение в обществе), ведущих, рано или поздно, к горькому разочарованию и душевному опустошению.

Прекрасный пример того, что Эпикур расценил бы как «вредоносную вещь, ослабляющую наш разум и ведущую нас к разложению», находится сейчас прямо передо мной: это – популярное издание на тему «как не отстать от моды». И это печатают в третьем тысячелетии? В моих руках – глянце-вый журнал, где навязываются двадцатка самых престижных автомобилей и обойма самых «продвинутых» компьютерных продуктов. Там же можно узнать, что самым модным туристическим направлением является Япония (а что, если вы сами японец?). Основными правилами эпикурейства я назвал бы следующие:

- Стремиться ко всему натуральному и полезному – еде, напиткам, здоровому сексу.
- Избегать того, что кажется натуральным, но является вредным – то есть изысканной еды, крепких напитков и случайных половых связей.
- Но более всего необходимо избегать того, что является и неестественным, и ненужным, а именно: всего того, что мы можем увидеть в модных журналах.

Такая линия поведения помогает обуздывать наши желания, жить в мире с окружающей действительностью, быть здоровым, в меру любопытным и даже читать иногда Лукреция и Эпикура.

Стоицизм как противоположность эпикуреизма

Стоицизм как философское течение разработан Зеноном (335–263 гг. до н. э.), который основал в Афинах (ок. 300 г. до н.э.) свою собственную школу. Зенон проповедовал свое учение прямо среди колонн величественного афинского здания. «Колонна» по-древнегречески – «sto». Отсюда название этого течения древнегреческой философской мысли. Стоики верили, что боги суть некий божественный разум, который руководит всеми событиями и ведет за собой все сущее во Вселенной. По мнению стоиков, человек наделен рациональным мышлением – частью божественного ума. Они также считали, что высшим итогом рационального ума является совершенство, а сами люди – граждане космоса, уравненные перед законом, будь то свободные или рабы, мужчины или женщины, греки или варвары. По сравнению с совершенством и добродетелью все остальное – богатство, положение в обществе и т. д. – совершенно не важно.

Стоицизм поднял многие философские вопросы – например: каким образом иррациональное вообще может существовать во Вселенной? Важным следствием учения, по мнению Цицерона, стал такой взгляд на вещи, когда «мир является общим домом и для богов, и для людей». Этот взгляд со временем развился в такие концепции, как мировое гражданство и общий закон для всех народов.

Знаменитый проповедник стоицизма Эпиктет родился рабом во Фригии, грекоговорящей провинции в Малой Азии (в окрестностях современной Анкары). Уже в зрелом возрасте его продали доверен-

ному лицу императора Нерона, и сам же Нерон вскоре освободил будущего учителя из рабства. Эпиктет основал в Греции частный университет, который в свое время удостоили своим вниманием и посетили даже императоры – Адриан и Марк Аврелий.

Эпиктет утверждал, что у всех есть выбор – плыть по течению (проповедник любил использовать в своих рассуждениях эту метафору) и действовать осмысленно, рационально и быть счастливыми; или же плыть против течения, действуя опрометчиво, нерационально и влача при этом жалкое существование. Нам самим решать, куда и как нам двигаться. Иными словами, стоики предлагали людям разобраться в себе и решить, какие чувства нужно обуздывать и контролировать, чтобы принять наиболее верное решение. Две вещи, по определению стоиков, могут вызвать у человека регресс и потерю самоконтроля – это необузданные эмоции и чрезмерные желания. Поэтому Эпиктет советовал своим слушателям «терпеть и ограничивать себя».

Стоики верили и в судьбу, и в волю. Для объяснения этого парадокса они просили адептов представить себе воловью повозку с привязанной к ней на длинном поводке собакой. У собаки есть сколько угодно свободы бегать, как угодно и куда угодно настолько, насколько это позволяет делать длина поводка. Однако общее, генеральное движение собаки предопределено движением повозки. Повозка – это фатум, судьба. А собака может бегать, прыгать, лаять, быть вполне довольной собой, бороться с поводком или быть несчастной. Все зависит от нее самой.

Эпоха Романтизма, начавшая свое победное шествие по Европе в XVIII в., фактически покончила с

духом и учением стоицизма. Абсолютно противоположный классическому рационализму, Романтизм открыл в людях и обществе такие невиданные доселе качества, как творческая свобода, непосредственность, искренность, эмоциональное раскрепощение, сострадание, мечтательность, стремление к добру и правде – то есть все те простые человеческие качества и чувства, которые мы называем в совокупности «жизнелюбием и добродетелью». Готфрид фон Гердер отозвался на знаменитую фразу Декарта «Я думаю, следовательно, я существую» своей не менее крылатой: «Я существую не для того, чтобы думать, а чтобы быть, чувствовать и жить!» Такое отрицание рационального – «делаем, потому что так хотим, а остальное – будь как будет» – древние греки восприняли бы как явный регресс в человеческом поведении и даже приближение к поведению животных. Может, это и перебор, но, в конце концов, именно дух романтизма, как мне кажется, создал за последние столетия западноевропейскую ментальность, для которой характерна и склонность к мечтательности и фантазии. Пример тому – современная концепция наших чиновников от образования: «каждый ребенок – гений».

Древние были уверены, что «благочестивая, хорошая жизнь» не может быть прожита без тесной связи с физической природой Вселенной. Но природа склонна преподносить человечеству неприятные, иногда страшные сюрпризы, с которыми порой справиться невозможно – боль, болезни, эпидемии, стихийные бедствия, смерть... Поэтому, учитывая, что природу не переделать, человек

должен был научиться выживать в данных конкретных условиях. Единственный способ выжить в тяжелых обстоятельствах – найти в себе духовный стержень, внутренние источники силы и воли, позволяющие человеку подняться над природой и обстоятельствами.

Не проиграй!

На всем протяжении своей жизни человек ждал неприятностей не только от природы, но и сородичей. Особенно это касалось такого конкурентного общества, каким было общество древнегреческое, где любая победа в какой-либо деятельности была высшим мерилom успеха, а унижение соперников и конкурентов – и вовсе настоящим наслаждением. Однако кто-то выигрывает, а кто-то, соответственно, проигрывает. В Древней Греции, как и в любом другом обществе, люди учились проигрывать. Видимо, можно констатировать, что в нашем бизнес-сообществе (и не только в нем) сложилась своеобразная культура проигрыша, жизненного неуспеха. Люди стремятся остаться на плаву или хотя бы, как говорят на Востоке, «не потерять своего лица». Сплошь и рядом мы слышим то ли отговорки, то ли оправдания в стиле «я пытаюсь проводить больше времени с семьей», «я пытаюсь попробовать себя в разных ипостасях» или «я не хочу участвовать в этих крысиных бегах и переезжаю в деревню». Знаменитые древнегреческие слоганы «Никаких излишеств» и «Познай себя», начертанные на стенах храма Аполлона в Дельфах, можно, видимо, рассматривать в каче-

стве своеобразной психологической помощи для не особенно преуспевавших людей. Два этих высказывания я рассматриваю как две стороны одной монеты. Они призывают человека определиться, решить для себя, что ему можно, а чего нельзя делать в жизни, то есть, по сути, сформировать для себя рациональную линию поведения. Известный автор как бы советует паломникам: «Без эксцессов и без глупостей, пожалуйста!».

Истеричный пример незнания (и непонимания) себя был преподнесен недавно мистером Оззи Осборном. Этот знаменитый поп-певец ведет на ТВ «реалити-шоу», то есть шоу без участия профессиональных подставных актеров в режиме реального времени (представляю, как восхитился бы Платон противоречивостью используемых терминов). Его очередное шоу снималось в Северной Дакоте, и шеф местной полиции, искавший способ вручить ордера на арест сотне местных мелких преступников, догадался прислать им приглашения на встречу с популярным певцом. Тридцать человек, откликнувшись на приглашение, были тут же арестованы, а мистер Осборн взбешен: «Шериф Лэйни должен извиниться передо мной за использование моего имени в своих профессиональных целях. Я не хотел, чтобы меня использовали как приманку для ареста людей. Оскорбили не только меня, но и всю мою аудиторию».

Подумать только, какие зигзаги судьбы! Возможно, впервые в своей жизни мистер Осборн сделал что-то полезное для общества, поспособствовав поимке преступников. Что же здесь оскорбительного? Давайте обратно в телевизор, мистер Осборн! Вам лучше и не знать себя.

Старость

Все издания твердят, что, благодаря развитию медицины в частности и улучшению жизненных условий вообще, продолжительность жизни резко увеличилась и относительным долголетием сегодня никого не удивишь. Видимо, бессмертие станет рядовым медицинским фактом в ближайшее столетие. (Бессмертием я называю возраст в 250–300 лет. Куда уж больше!). А вот Адам (прожил 930 лет) и Мафусаил (дожил до 969) назвали бы эту цель – прожить 250–300 лет – чересчур скромной. Но и эти парни в момент смерти казались бы зелеными юнцами по сравнению с шумерскими царями, один из которых, Эн Мен Лу Анна, замахнулся на возраст в 43 200 лет!

Однако разгневанный Бог в свое время отсортировал и приструнил библейских героев, укоротив продолжительность их жизни. Например, Авраам одолел планку в 175 лет, Исаак дотянул до 147, а Иосиф и вовсе почил в бозе в какие-то «несчастливые» 110 лет. Считается, что для человека тот же Бог «назначил» предел в 120 лет. Древние греки «установили» свой предельный возраст – 70 лет, что, в общем-то, соответствует современным реалиям. Кстати, есть абсолютно точные свидетельства того, что некоторые эллины доживали и до ста лет.

Примерно 40 процентов британцев имеют возраст за 50 лет. Здесь подчеркнем, что именно этот демографический нюанс – 40 процентов населения возрастом за 50 лет – для древнегреческого общества был недостижим. В античную эпоху, в силу самых различных причин (отсутствие доступной

медицинской помощи, полуголодная диета, бесконечные войны и т. д.), существовала колоссальная смертность в самых «цветущих», деятельных возрастах; но более всего – в младенчестве. То есть до семидесяти и даже до ста лет древние греки доживали, но очень, очень немногие. Так что дряхлый, немощный старец в Древней Греции был все же редкостью. Во многих древнегреческих текстах пожилым человеком («presbeutes») назывался всякий, кто достиг тридцатилетнего возраста.

В древнем мире люди среднего возраста «выжимали» из себя все, что было возможно. Успеть создать семью и оставить потомство, пока есть силы и здоровье, пока (слава богам!) человек еще просто жив. Интересно, что Пифагор, считая, что человек должен доживать до 80 лет, делил человеческую жизнь на несколько этапов: 0–20 лет – детство; 20–40 лет – отрочество; 40–60 лет – молодость; 60–80 лет – старость. А вот что в анекдотическом ключе рассказал о жизни некоего зрелого человека поэт-баснописец Бабрий (150 г. н. э.): «Человек был в средних летах – уже не молодой, но еще не старый. На голове его росли черные и седые волосы вперемешку. Он по-прежнему пил вино и занимался любовью с двумя женщинами, молодой и старой, по очереди. Молодая хотела, чтобы он всегда выглядел молодо, и поэтому выщипала у него все седые волосы. Старая женщина хотела, чтобы он выглядел пожилым, и сделала то же самое с его черными волосами. В результате человек стал совершенно лысым».

Если кому-то и суждено облысеть, то лучше описанного способа не найти. Шутка, конечно. Между прочим, древние усматривали прямую

связь между количеством растительности на голове и сексуальной активностью. Некоторые древнегреческие ученые предполагали, что семя образуется в теменной и лобной частях мозга. Во время интимного акта семя закипает и прижигает корни волос, вследствие чего волосы лишаются своих корней и активно выпадают. То есть налицо связь между облысением и мужской силой. Не этим ли объясняется тот странный факт, что владельцы бойцовых собак так любят бриться наголо?

Если кого-то тяготит возраст, доверьтесь классификации Пифагора. Помните, что только в 60 лет у человека заканчивается молодость и начинается старость.

Достойная смерть

В древнеримском обществе страх перед смертью приравнивался к позору. Презрением же к смерти римляне демонстрировали не только свое мужество, но и власть над природой и временем. Само поведение человека на смертном одре, по их мнению, наглядно характеризовало и личные качества умирающего, и весь его жизненный путь.

Приведу пример с Катонам Старшим. Несмотря на довольно благодушное к нему отношение со стороны Юлия Цезаря, он поклялся выйти из-под власти того, кого считал жестоким тираном. Катон попытался вонзить в себя меч, но большая рука помешала ему довести самоубийство до логического конца. Срочно вызванный врач зашил образовавшуюся кровоточащую рану, но вскоре Ка-

тон вскрыл ее перед своими ошеломленными друзьями и умер в страшных мучениях.

Здесь мы видим пример стоического мужества. Катон сдержал свое слово – он предпочел смерть несвободе. В широком смысле, в Древнем Риме даже последние минуты жизни человека могли стать демонстрацией его убеждений, нравственной силы и личного мужества.

В наши дни, когда ученые без конца предупреждают нас о вреде бекона (холестерин!), всего мучного и сладкого (диабет!), а звезды поп-культуры наперебой рассказывают нам о том, как они «победили рак», смерть никто не героизирует и не идеализирует. Пережившие смертельную болезнь люди напуганы сами и пугают других. Как посмотрели бы на них древние римляне? Думаю, с отвращением. Как писал молодой Сенека: «Целью жизни является смерть. Как в театре, так и в жизни – не важно, сколько длится пьеса; важно – насколько она хороша... И постарайтесь, чтобы она увенчалась достойным концом».

ДОКТОР ВАС СКОРО ПРИМЕТ

С природой шутки плохи

Так как в древнем мире приветствовался «естественный порядок вещей», современная медицина с ее чудесами, наподобие пересадки сердца и других органов, в глазах древних римлян и эллинов выглядела бы таким же извращением, как, например, атомная бомба, самолеты или спутниковое телевидение. Правда, сегодня появились альтернативные области медицины, порой совершенно враждебные медицине официальной.

Что же касается медицины как таковой, то есть науки, теории и практики, призванных лечить больных людей, древнеримские и древнегреческие врачи позеленели бы от зависти, узнав о сегодняшних технологических достижениях. Моральную же, технологическую, концептуальную основу античного врачевания как искусства можно было бы выразить словами александрийского лекаря Герофила (III до

н. э.): «Лекарства – это руки божьи». Другими словами, древние врачеватели не вмешивались в промысел божий (природу), а всем своим искусством и доступными им возможностями помогали самой природе в деле лечения больных. Один античный врач пояснил, что природа призывает раскрывать ее секреты и тайны, но однажды постигнув их, удастся лечить людей быстрее и лучше, как если бы за дело бралась сама природа. Поэтому мы можем охарактеризовать древнюю медицину как неразрывный тандем, связку «врачеватель плюс природа», где «рукой богов и природы» являются не только лекарства, но и сам лекарь. Уже в те времена было известно, что вмешательство в «натуральный порядок вещей» чреват самыми страшными последствиями. Сегодня мы находим тому точные и яркие подтверждения – отторжение инородных органов при пересадке и ошибки при переливании крови.

Глобальное предупреждение

В наши дни самым кричащим примером «мести» природы за вмешательство в ее дела является так называемое «глобальное потепление» (если это потепление действительно спровоцировано насыщением земной атмосферы парниковыми газами). Древние, у которых было весьма смутное представление о глобальных физических процессах, узнав всю подноготную, с восхищением аплодировали бы борцам за чистоту окружающей среды и прочим антиглобалистам.

Землю, как считали древние греки, создала прабогиня Гайя. Они также считали, что человек

мог существовать на Земле-Гайе, лишь если бы он был с ней заодно, признавал и почитал ее. Богиня-праматерь отвечала людям той же монетой. Но мать-природа не всегда дружелюбна к человеку. Яды, всепожирающий огонь и разрушительные землетрясения – предупреждение: «Человек, не будь алчным». «Если люди собрались копать землю в поисках золота или железа, – объясняет Плиний Старший, – им следовало бы знать о последствиях: эти вожаделенные металлы, скорее всего, принесут зло (золото ведет к роскоши и разврату, а железо – к войне)». Другими словами, любое вторжение в природу влечет за собой моральную оценку, а значит, у такого вмешательства должны быть определенные рамки. Природа обязательно отомстит за ее бездумную эксплуатацию.

Философ-стоик Сенека, размышляя о морали, указывал, что существует взаимосвязь между порочной человеческой натурой и землей: земля постоянно разрушает человеческую личность и стремится вывести новую породу людей, пока человек остается в состоянии упадка или даже вырождения. Он предполагал, что мир исчезнет тогда, когда на всей земле круглый год будет свирепствовать зима, погаснут солнце и звезды, а всемирный потоп и катастрофическое землетрясение сметут с лица земли все живое. Древнеримский поэт Лукреций, преданный последователь Эпикура, считал, что земля медленно, но верно деградирует. В конце концов ее ждет неминуемая смерть и полный распад на мельчайшие частички, из которых она была первоначально сложена – атомы. Похоже, и Сенека, и Лукреций оба правы.

Медицинские мифы

Хотя и преданные своему делу, античные врачеватели, тем не менее, не могли и не умели полностью излечивать людей с точки зрения современной медицины. Замечу, что врач – это профессия, предполагающая не просто тесный контакт с какими-то людьми; чаще всего эти люди – нездоровые и потому страдающие. Клиенты врача, а попросту пациенты, зачастую хотят услышать приободряющее слово, а слышат другое: «Простите, но с вами происходит что-то непонятное. Я постараюсь сделать все возможное, но успеха не гарантирую». Перед нами – перестраховка вкупе с ободрением страдающего пациента и напусканием «словесного тумана» (наверное, чтобы никто не усомнился во врачебной компетенции лечащего).

Некомпетентность древних врачей меня лично не удивляет. В то время, когда ученые и философы искали истину в «природе вещей», врачеватели пытались использовать те же принципы и концепции, но применительно к человеческому организму. Античные медики понятия не имели, как функционирует организм в целом (впрочем, не знали биологи, анатомы и физиологи об этом вплоть до XX века). Однако у них было одно бесценное преимущество – в их руках могло находиться огромное количество научного материала, то есть человеческих тел, живых и мертвых, в том числе и их собственные.

Здесь я должен заметить (войдя в противоречие с самим собой), что материала в руках древних исследователей было много, но изучить живые

человеческие тела и трупы можно было только «со стороны». Препарировать тела нельзя было категорически, поэтому врачи могли наблюдать лишь внешние проявления работы организма – открытое кровотечение, раны, высыпания, удушье, переломы, лихорадочный жар и тому подобное. Поэтому вокруг человеческого тела, а точнее, его работы и устройства, ходило так много мифов, легенд и небылиц. Об этом мы можем прочитать, например, в гомеровской «Илиаде», где поэт описывает драматический, но абсолютно неправдивый случай. Здесь Патрокл бросает в Цебриона камень, и: «Не напрасно он швырнул этот булыжник с острыми краями в Цебриона, знаменитого внебрачного сына Приама. Цебрион, возница Гектора, еще держал в руках натянутые поводья, когда камень угодил ему прямо в лицо, разбив обе брови и лобную кость. Глаза его от страшного удара выпали из глазниц и потерялись в дорожной пыли».

Не пробуйте сделать это в домашних условиях, как говорят в некоторых экстремальных телешоу. Все равно не получится. Никакой прямой удар в лицо не может выдавить глаз, прикрепленный изнутри к костным стенкам глазниц шестью плоскими мышцами, от которого во внутреннюю полость черепа уходят масса кровеносных сосудов и глазной нерв.

Медицинские гипотезы

Итак, перед нами древнегреческий врачеватель, задумавшийся о работе организма, а также о болезнях и способах их излечения. Как и другие

античные мыслители, он пытается построить правдоподобную гипотезу и сделать из нее адекватные выводы. С чего же начать? Есть три очевидные отправные точки. Во-первых, известны условия, при которых организм функционирует совершенно исправно, то есть человек здоров. Во-вторых, мы знаем, что может войти в тело – твердая пища, жидкости и воздух, и что выйти – кал, моча, пот, кровь, лимфа, желчь и т. д. И в-третьих, всем философам и ученым известно, что вся природа и вместе с ней человеческий организм функционируют как единое целое.

Образ жизни

Один из разделов медицины известен под названием «диететика» – слово, производное от древнегреческого «*diaita*», то есть «образ жизни». Отсюда и слово «диета». Сегодняшняя мода заставляет людей тратить огромное количество времени и денег на гимнастические залы, инструкторов, диеты и бутылированную воду («Срок хранения до 2009 года», уверяют нас. Удивительно, как это капиталисты могут так точно предсказать дату, когда испортится субстанция возрастом в миллионы лет). В античную эпоху также понимали значение здорового образа жизни; врачи наблюдали за питанием пациентов и совершенно обыденно рекомендовали им, хотя бы время от времени, заниматься физическими упражнениями. Особо следили за пищеварением своих подопечных. Кстати, «пищеварение» по-древнегречески – «*pepsis*». Отсюда научный термин «пептиды» и название популярного напитка «Пепси».

Отмечу, что крайности даже в таком деле, как «оздоровление», не приветствовались и тогда. Медицинские тексты полны указаний на пагубный эффект «оздоровительных» излишеств, абсурдность и бесполезность чрезмерной заботы о красоте своего тела. «Накачивание» груды мышц, «бодибилдинг», «культуризм» (хотя в те времена, конечно, не знали таких слов) – все это древние отвергали начисто, если не считать, конечно, оздоравливающего эффекта практически любых физических упражнений. Польза, а не бессмысленная погоня за показной красотой.

Еще одно существенное замечание: древние (не только римляне и греки) прекрасно знали, что в случае заболевания человека существует не очень много возможностей для его лечения, что круг этих возможностей ограничен. Отсюда понимание древними важности профилактики. «Лучше не болеть вовсе», «болезнь легче предупредить, чем лечить» – мысль, звучащая рефреном во всех античных медицинских трудах и трактатах. Эта мысль актуальна и сегодня, несмотря на колоссальные возможности и успехи современной медицины. Болеть не хочется никому. Болеть не выгодно никому... кроме фармацевтических компаний. На наших болезнях они делают свои деньги. За редким исключением, производители лекарств не предлагают ничего нового для профилактики заболеваний. То же касается средств ранней диагностики и предупреждения – работы ведутся крайне медленно, чему способствует и не очень умная политика государств в этой области. Во многих странах от изобретения нового препарата до его внедрения проходит пять лет, а в некоторых – и все

десять. Так что можно умереть, но так и не дожидаться помощи (в лечении СПИДа и онкологических заболеваний, например).

Четыре темперамента

Ну, а что если вы все-таки заболели? Вас нужно лечить. Но как? Что мы вообще знаем об устройстве и работе человеческого организма? Наш задумчивый доктор склонен считать, как и большинство ученых той эпохи, что теория «четырех элементов - стихий» носит универсальный характер и, естественно, применима к строению и функционированию человеческого организма. Вспомним: вся природа состоит из комбинаций четырех стихий – огня, воды, земли и воздуха. Если теория верна, то эти комбинации обязательно проявятся в жизнедеятельности организма. А пожалуйста – вот они! Во время болезни у человека повышается температура – это проявляет себя стихия огня. Иные болезни бросают человека в дрожь, но он остается холодным. Это – проявление стихии земли. Иногда человек обливается потом – берет свое слово стихия воды. А как насчет сочетания стихий? Когда из раны сочится кровь, мы видим комбинацию жара и влаги, то есть огня и воды. Если выделяется мокрота и слизь (по-старому, флегма) – это сочетание стихий земли и воды. То же касается проявлений «желтой желчи» (симптомы – бледность, тошнота, подавленность) и «черной желчи» (в этом месте наш доктор говорил бы с нескрываемым ужасом). Еще мы слышали бы, что в здоровом теле все стихии живут в гармонии друг с другом, ни-

как себя не проявляя. Как только равновесие стихий нарушается, «выпячивается» одна из них (жар или холод, влага или сухость), больному организму нужно давать то, что компенсировало бы разбушевавшуюся стихию. Появился жар – давать лед; бьет холодная дрожь – накрыть больного толстым одеялом для согревания. Также, в зависимости от появления той или иной стихии, нужно давать ему соответствующую еду и питье.

Как прекрасную иллюстрацию всему сказанному приводим выдержку из совершенно типичного медицинского наставления той эпохи:

«Зимою ешьте как можно больше, а пейте, насколько это возможно, мало. Лучше, если бы это было неразбавленное вино... Что касается зерновых, ешьте хлеб; также жарьте мясо и рыбу, ешьте как можно меньше овощей. Такая диета будет сохранять тело теплым и сухим. С наступлением весны больше пейте жидкости, желательно воду. Можно есть немного мягких лепешек и чуть-чуть овощей. Ешьте меньше мяса, которое лучше не жарить, а отваривать... Летом переходите на ячменные лепешки, разбавленное вино в больших количествах и только отварное мясо. Такая диета нужна для того, чтобы тело оставалось прохладным и легким во время жаркого и сухого сезона. С наступлением осени и зимы делайте все наоборот... человек будет здоровым, а в холодное и влажное время года не будет мерзнуть...»

За некоторым исключением все это с позиции сегодняшнего дня выглядит наивным, однако отлично укладывается в господствовавшую в античную эпоху теорию «четырех стихий». Кстати, последователи антропософической доктрины до сих

пор считают древние медицинские рекомендации правильными и рациональными. Очевидно, теория «четырех стихий» имеет такой отзвук и влияние еще и потому, что прекрасно укладывается в новомодную теорию об определяющем значении числа «четыре» для возникновения и развития всего сущего: четыре возраста у человека, четыре буквы в имени Бога (YHVH), четыре ветра, четыре стороны света, четыре символа Грааля, четыре Евангелия и так далее. Может, мне добавить сюда рок-группу «Fab Four»? Не смейтесь! Чем не боги, каковыми сегодня себя считают многие поп-звезды?

Древняя медицина и современный язык

Попробую объяснить, каким образом древние языки по-прежнему влияют на языки современные.

Состояние здоровья, по мнению античных врачей, сильно зависит от соотношения четырех жидкостей, циркулирующих внутри тела (и здесь это число «четыре»!) – крови, слизи, желтой и черной желчи. «Жидкость», «сок» на латыни – «humor», а на древнегреческом – «khumos». «Человек с юмором» – это, по сути, признание того факта, что у человека все нормально не только с чувством юмора, но и с балансом жидкостей в организме.

- Если у вас много крови (на латыни «кровь» «sanguis»), то вы – сангвиник.
- Если у вас много флегмы (то есть слизи), то вы спокойны и рассудительны, то есть флегматик.
- Если у вас превалирует черная желчь (по-

древнегречески «черный» – «melaina»; «желчь» – «khole»), то вы – меланхолик.

- Если вы полностью находитесь во власти комбинации черной и желтой желчи, то вы – ярко выраженный холерик.

Я перечислил четыре основных темперамента, классификация которых не претерпела изменений и по сей день. Остается добавить, что люди в подавляющем большинстве своем являются носителями не одного какого-то ярко выраженного темперамента, а их определенных комбинаций, иногда совершенно причудливых. Между прочим, эта классификация лежала в основе медицинской практики многие сотни лет до тех пор, пока француз Пастер не показал, что самочувствие человека зависит не от преобладания одной внутренней жидкости над другой, а от маленьких вредных существ – микробов. Случилось это лишь в 1878 г. (год опубликования его теории возникновения инфекций).

Медицина хорошая, плохая и траволечение

Получается, что на протяжении тысячелетий от лекарей, по сути, не было никакого толка. Даже в Средние века, в лучшем случае, у больного пускали кровь, а обычным рецептом от немощи была, например, высушенная лягушачья лапка, спрятанная под подушкой. Тем не менее болеть и умирать никто не хотел, и потому репутация врачей была необыкновенно высокой.

Как я уже упоминал, средства и методы лече-

ния в основном были совершенно бесполезными, зачастую даже вредными, если не считать... трав и траволечения.

Люди использовали лекарственные растения для лечения многие тысячелетия. Информация о полезных свойствах трав передавалась из уст в уста в течение многих поколений, как мифы, легенды или предания. Возьмем обыкновенное неказистое с виду растение – лук-порей. Эту траву широко использовали для остановки носового кровотечения, смягчения кашля, болей в груди, для лечения язв, ожогов и угрей. В сочетании с козьим молоком лук-порей применяли от боли в ушах, а вместе с молоком женским – против головной боли. Кроме того, лук-порей использовали при люмбаго, почечных коликах, а также для смягчения последствий от ядовитых укусов. Отваром из этого растения закрашивали седину; этим же отваром устраняли похмелье. Лук-порей добавляли в салаты-афродизи-аки. Также было замечено, что от его частого потребления улучшается голос. Теперь мне понятно, почему в Уэльсе так много прекрасных певцов с красивыми голосами.

В то же время древним было известно много растений, которые купировали боль, лечили раны, обладали контрацептивным действием (оливковое масло), способствовали абортам, облегчали состояние человека при таких серьезных заболеваниях, как пневмония, язва желудка, глазные болезни и многие другие. Древние лекари знали, что кора ивы помогает при жаре и боли (в синтезированном виде активный компонент коры ивы получил торговое название «аспирин»). До сих пор в Италии, в окрестностях легендарных Помпей, люди соби-

рают и используют те же травы, которыми лечились их далекие предки – древние римляне. Это и папоротник адиантум, и петрушка (оба растения применяют при менструальных нарушениях и угрозе выкидыша). Это и полынь обычная (помогает при колите – воспалении кишечника), и плоды каштана (помощь в переваривании и стимулировании кишечной деятельности). Собирают здесь и аптечную ромашку (цветки хороши и при бессоннице), и цикорий (желудочные заболевания), и цикламен (смятые листья, вложенные в ноздри, просветляют ум и память). Нельзя не упомянуть масло живокости (использовали в качестве инсектицида), листья и плоды инжира (применяли для сведения бородавок и в качестве легкого послабляющего), салат-латук (годен при многих дисфункциях – начиная болью в желудке и кончая упорной бессонницей), лавровый лист (боли в кишечнике). И уж, конечно, любимейшее растительное лекарство древних римлян – вербену аптечную. Лекари без малейшего сомнения назначали отвар этой травы для лечения всех внутренних органов, в особенности печени. Лекарственные растения, которые были известны античным медикам, можно перечислять еще долго.

Несмотря на ошибки и, зачастую, неосведомленность и некомпетентность, древнегреческие и древнеримские врачи, как настоящие ученые-натуралисты, набирались практического опыта и потихоньку делали свои удивительные открытия. Медицина тогда не шла вперед семимильными шагами, но то, что смогли открыть древние, имеет непреходящую ценность и поныне.

Аристотель о душе, или Проблема аборт

Аристотель утверждал, что душа («psyche» по древнегречески; на латыни – «anima») есть «тонкое наполнение тела, выполняющее желания грубых органов». Другими словами, душа – это, по Аристотелю, обязательное условие правильного функционирования организма. Нет души – значит, человек болен. Его организм не выполняет определенные функции. Какие это функции? Аристотель называет четыре: питание, восприятие, движение и разум. Здесь же он выстраивает иерархию этих функций – сначала питание (здесь он упоминает почему-то овощи), способность к восприятию, затем к движению (Аристотель называет это «уподобление животным») и, наконец, наличие интеллекта (прерогатива человека).

Душа, по Аристотелю, не имеет физической, материальной основы. Это неуловимая, невосприимчивая нами субстанция, определяющая работу внутренних органов человеческого тела и способность к умственным и творческим деяниям самого человека. Далее: душа неразрывна с телом, как ноги неразрывны с ходьбой. Теория Аристотеля довольно сильно отличается от учения Платона, который считал, что душа не просто присутствует в любом человеке, но и, предназначенная только ему, предвосхищает его рождение и позволяет ему жить после смерти. Таким образом, по Платону, душа никогда не живет в отрыве от «своего» тела. Откуда же берется душа и каким образом она сопровождает человека еще до его рождения? Аристотель считает, что любой талант, любая

функция, любые способности приходят к человеку еще в утробе матери, причем каждая функция проникает к плоду в определенной стадии беременности. Когда будущий человек является всего лишь эмбрионом, он находится целиком во власти питательной функции. Эмбрион появился, он развивается, и ему нужно усиленное питание. Затем, по мере развития, будущий человек начинает двигаться; тогда же появляются первые признаки восприятия окружающего мира – тактильные ощущения. Плод вертится в утробе матери, касаясь стенок матки различными частями своего тельца. И наконец, на сороковой день после зачатия, в эмбрион вселяется разум. У эмбрионов-девочек этот момент происходит на девяностый день.

Философ и теолог Фома Аквинский в XIII в. подхватил воззрение Аристотеля о вселение души в только что зачатый плод, дополнив его религиозным смыслом. Согласно средневековому мыслителю, душа человеческая – не только средоточие вполне мирских возможностей и способностей, но и некая вечная, осененная божественным провидением субстанция, единственно имеющая непреходящую ценность для Бога.

Видимо, отсюда все эти нескончаемые дискуссии, страсти, запреты и даже репрессии, касающиеся абортов. Вселилась уже или нет душа в шестинедельный плод? Человек он уже или всего лишь желеобразный сгусток? Жаль, что такие вопросы обычно отдаются на откуп бесстрастной науке.

В развитии принципиальных, основанных на опыте и практике медицинских постулатов особую роль сыграли два человека: грек Гиппократ с остро-

ва Кос (V в. до н. э.), чья деятельность была столь важна, а этика столь безупречна, что клятва, названная в его честь, повторяется в устах всех начинающих медиков планеты, и Гален, грек из Пергама, последователь Гиппократата, живший (и построивший свою врачебную карьеру в Риме во II в. н. э.) много позже своего учителя. Гален оставил нам достаточно схоластичные, но богатые, глубокие труды по медицине (и не только по медицине. Лексический состав, использованный им при написании трудов, насчитывает около трех миллионов слов). Среди прочего Гален первым из врачей заявил о неизбежном взаимодействии сознания и тела, а также о сильном влиянии эмоций на состояние организма, например сильного испуга или возбуждения (сегодня это называется модным словечком «стресс»).

В трудах Галена мы находим, например: точное описание всей значимой симптоматики (дыхание, сердцебиение, дрожь, окраска кожных и слизистых покровов); добросовестное описание всех стадий развития болезней (нужно заметить, что древние греки вообще были сильны в диагностике); определение здорового и нездорового климата; описание местностей с точки зрения вероятности возникновения там болезней и эпидемий (греки ничего не знали о малярийных комарах, однако упорно подозревали связь между вспышками малярии и болотной сыростью). Гален дал четкое описание переломов и вывихов. Все нервы в зависимости от их предназначения он разделил на сенсорные (чувствительные) и моторные (видимо, догадываясь, что мышцы сокращаются под действием нервных импульсов).

Из способов лечения, за которые ратовал Га-

лен, отмечу прижигания – своеобразный аналог современной лазеротерапии. Прижиганием чистили кровоточащие раны и устраняли различные кожные новообразования (папилломы, бородавки и т. д.). В одном труде советуется прижигать геморроидальные узлы, шишки и вздутия раскаленным докрасна железным прутом. Там же рекомендуется «разрешать пациенту и даже понуждать его кричать во все горло во время этого процесса, чтобы не слишком напрягались мышцы ануса». Да, представляю страдания этих бедолаг.

Зачатие, беременность и роды

В древности рождением детей преследовались две важнейшие цели: первая – появление детей продолжало родовое генеалогическое древо; вторая цель – «обеспечение» людскими ресурсами военных потребностей государства. Интересно, что всякий афинянин, решивший занять руководящий пост, должен был пройти собеседование, где его спрашивали об отце, матери, более дальних предках, о религиозных верованиях претендента, о месторасположении семейных захоронений, о том, как претендент заботится о своих родителях и т. д.

Зачатию, вынашиванию, родам, родовспоможению, то есть всему, что сейчас называют «акушерство и гинекология», посвящено огромное количество древних медицинских трактатов.

Ниже я приведу несколько распространенных в древности рекомендаций, которые зиждутся на трех гипотезах-предположениях (кстати, мы находим очень мало других, конкурирующих, взглядов

по этой тематике). Во-первых, согласно теории «четырех элементов-стихий», мужчины – это нечто горячее и сухое, а женщины – холодное и влажное. Во-вторых, мужчины – существа правосторонние, а женщины – левосторонние. И в-третьих, дети происходят только от мужского семени, тогда как женщина является лишь вместилищем таинства деторождения. Поэтому очень важно, чтобы она хранила, не выплескивая, семя в себе. Итак:

- *Возраст.* Аристотель называет восемнадцать лет наилучшим возрастом у женщин, когда они могут начинать свою детородную функцию; для мужчин это – тридцать восемь лет. В этом случае они оба достигнут конца репродуктивного возраста одновременно.
- *Матка.* Древнегреческие врачи полагают, что причиной бесплодия является блуждание, излишняя подвижность матки. Если матка долго не используется, она высыхает и начинает искать более влажное место внутри тела. Блуждание матки, как считали древние, и вызывает все эти женские недомогания – головную боль, учащенное сердцебиение, нервозность, истерию и даже попытки самоубийства. (Кстати, слово «истерия» происходит от древнегреческого слова «*hystera*», то есть «матка».) Если дать женщине понюхать какую-либо субстанцию с отвратительным запахом, то ее блуждающая матка может вернуться на свое место. Хорошие, приятные запахи, наоборот, притягивают матку, как бы вынуждая ее уходить со своего места. Сексуальная жизнь и зачатие возвращают матку туда, где она и должна быть.

- *Оплодотворение.* Ключевой вопрос здесь – чисты ли, проходимы ли маточные трубы? Одним из способов проверки проходимости труб был следующий: в самое начало маточной трубы вставляли зубчик чеснока, и если в женском дыхании появлялся специфический чесночный запах, то считалось, что трубы чисты.
- *Половые связи.* Самое лучшее время для половых сношений – сразу же после менструаций. Для того чтобы был зачат мальчик, мужчина должен есть твердую, горячую, желательно острую пищу, спать на правом боку и перевязать свое левое яичко (весельчаки, конечно же, найдут этот совет как минимум забавным). Женщины, в свою очередь, должны на некоторое время воздерживаться от влажной пищи, купания и мытья волос. Им рекомендуется сразу после полового акта скрестить ноги и не делать никаких тяжелых физических усилий. Семя должно быть горячим. Аристотель считал, что от мужчины с длинным penisом забеременеть сложнее, потому что семя, доходя до конца пениса, охлаждается и уже мало годится для оплодотворения. Так что размер мужского достоинства очень даже имеет значение.
- *Беременность.* Аристотель рекомендовал беременным женщинам делать нетяжелые, не изнуряющие физические упражнения, но не перенапрягаться умственно, так как это может плохо отразиться на здоровье еще не родившегося ребенка.
- *Контрацепция.* Широко используемым эффективным контрацептивом являлось оливковое масло. Мужчина же должен был пить

отвар жимолости в течение тридцати семи дней либо съесть жареные яички кастрированного мула вместе с корой ивы (весельчаки, где вы?). «Coitus interruptus», то есть «прерванный половой акт», почти не практиковался. К слову, презервативы были изобретены еще в XVI веке (из тонких бычьих кишок), но широкое распространение получили лишь после того, как в 1844 г. изобрели вулканизацию природного каучука, а другими словами, получили новый материал – резину.

Долой ожирение!

Иногда у меня создается впечатление, что наше правительство тратит большую часть своего рабочего времени в Великой Битве с Ожирением. Битва эта длится уже много лет. Противник серьезен, и борьбе с ним (с переменным успехом) не видно ни конца, ни края. О вреде лишнего веса мы слышим каждый день, и считается, что это самый грозный враг нашей нации. Кстати, древние доктора также считали ожирение отклонением от нормы и даже видели в нем угрозу для здоровья. Гиппократ, например, знал, что внезапная смерть распространена в основном среди тучных людей. И Гиппократ, и Аристотель считали, что ожирение у женщин вызывает бесплодие – у древних причина более чем веская для борьбы с этой напастью. Любопытно, что сегодня и излишнюю худобу мы считаем аномалией и совсем не разделяем похвалу в адрес скелетообразных моделей со стороны деятелей высокой моды и масс-медиа. И уж тем более, мало кто из нор-

мальных людей считает их эстетично или сексуально привлекательными. Есть прекрасное древнегреческое слово – «anorexia» («отсутствие аппетита»). Мы слышали, как модели (и не только) изнуряют себя голодом и жесточайшими диетами; однако я почему-то не слышал со стороны медиков ни единого слова упрека. А что же древние? Гиппократ, например, считал, что чрезмерные физические упражнения для похудения не возбраняются в молодости, но совершенно недопустимы в старости. Особенно осторожны пожилые люди должны быть с диетами: «Диета, которая вызывает излишнюю потерю веса, так же опасна, как и перекармливание истощенных людей».

В Древней Греции ожирение ассоциировалось с роскошью и праздным образом жизни. Возле Александра Птолемея, грекоговорящего царя Египта, всегда находились два человека, которые в любой момент могли помочь патрону выйти из покоев для отправления естественных надобностей. Огромного Дионисия, тирана Гераклеи, во время сна покалывали тонкими иголками в особые точки, спрятанные в жировых складках. Близкие опасались, что слоноподобный Дионисий попросту задохнется от храпа во сне. Таким образом он дожил до пятидесяти пяти лет, тридцать три из которых правил Гераклеей «с благородством и достоинством». Жившие в Италии задолго до римлян этруски изображали на надгробиях усопших различные бытовые сцены, в том числе дружеские обеды и ужины аристократов, на которых те предстают в облики огромных жирных туш, возлежащих, как морские котики, на низких лавках.

Переместимся в древнюю Спарту, известную своими жесточайшими обычаями и законами в области воспитания молодежи. Так вот, там каждые десять дней выстроившихся нагишом воинов проверяли на предмет лишнего веса. Не появилась ли у кого-нибудь на животе подозрительная складка?

А как же все-таки можно сбросить вес? Вот советы медиков, занимающихся этой проблемой: «Полные люди, желающие похудеть, должны заниматься физическими упражнениями на голодный желудок; приступать к еде можно, лишь отдышавшись... Желательно питаться один раз в день; избегать купаний; спать нужно на жесткой кровати и носить как можно меньше одежды. Люди, желающие поправиться, должны все делать наоборот».

В этой же статье специалист советует быстро ходить зимой и медленнее летом. Чем полнее человек, тем с большей скоростью ему надлежит передвигаться. Да, насчет ходьбы. По-моему, это единственный способ чего-то добиться, и никаких автомобилей, естественно. Древнеримский врач Авл Корнелий Цельс, сам много ходивший пешком, рекомендовал худым людям больше отдыхать, больше есть и не бояться запоров. Тучным же людям доктор советовал всегда и везде спешить, а также заниматься физическими упражнениями, не жалея ни сил, ни времени.

Победит ли в этой Великой Битве наше правительство? Такое было бы возможно, если оно запретило бы людям иметь автомобили – без сомнения, самое великое (в социальном плане) и самое пакостное (в плане экологии и гиподинамии) изобретение, когда-либо сделанное человеком.

Перерыв на обед с бокалом вина

Ослабляя время от времени накал беспримерной борьбы с обжорством, правительство с неменьшим задором набрасывается на другую острую проблему – пьянство и алкоголизм. Под огонь критики и нравоучений попадает даже славная привычка пригубить бокал вина или кружку пива после напряженного трудового дня. «Алкоголь медленно убивает», – говаривало французское правительство в пятидесятых годах прошлого века. «Ну, так мы никуда и не торопимся», – отвечали широкие трудящиеся массы.

Древним грекам также хорошо были известны последствия всеобщих попоек. Во многих сценах гомеровские герои едят и пьют горячительные напитки, сидя за общим столом. Сам автор «Илиады» считал, что совместные трапезы и возлияния укрепляют между воинами дух братства, взаимопомощи и преданности общему делу. В милитаризованной, воинственной Спарте коллективные выпивки не преследовались, но и не поощрялись, и в этом смысле спартанцы представляли собой пример скромности и умеренности. «Их воины пьют лишь столько, сколько достаточно для подъема боевого духа и для выражения дружелюбия и симпатии к своим боевым товарищам».

Древние эллины иногда, конечно, напивались. Не без этого. Они пили алкогольные напитки, полученные не с помощью перегонки спиртосодержащих веществ, а посредством ферментации (попросту, брожения), то есть в основном вина, содержавшие не более восемнадцати объемных процентов этилового спирта. Следует добавить, что напитки эти, к тому

же, разбавлялись водой в больших сосудах в соотношении две, а иногда три части воды к одной части чистого вина, и, быть может, поэтому мы не находим ни одного(!) документального свидетельства о существовании в Древней Греции алкоголизма как заболевания.

Интересно, что любой мужчина мог без приглашения явиться на общественные застолья с обильными возлияниями – так называемые «симпозиумы» (древнегреческое слово «symposion» – дословно «совместная пьянка»). Серьезным людям советовали не задерживаться на симпозиумах после выпитого кубка с вином, потому что: «Четвертый выпитый кубок ведет к оскорблениям, пятый к шумливости, шестой к буйству, седьмой к позору, восьмой к судебной повестке, от девятого начинается страшная рвота, а десятый выпитый кубок ведет к безумию и раскидыванию вокруг первых попавшихся под руку предметов».

По окончании симпозиумов подвыпившая толпа растекалась по тихим ночным улицам Афин, не без приключений, конечно. Интересно, что Платон, например, одобрял такие общественные посиделки, естественно, при определенных условиях. Этой темы он коснулся в последнем своем большом труде – «Законы»: «Употребление опьяняющих напитков – это целая наука, важность которой, надеюсь, не нужно объяснять какому-нибудь законотворцу. Я имею в виду именно употребление вина для опьянения».

Важнейшим условием, по Платону, является контроль над длительностью опьянения, и тогда оно может быть не только приятным, но и полезным. И все-таки лучше вообще не пить, советует великий философ. Если, даже будучи навеселе, вы

легко чувствуете себя в дружеской компании, то представьте себе, как хорошо и приятно вам будет с теми же самыми друзьями, когда вы будете совершенно трезвы.

Платон считал, что особенно строго должна контролировать себя молодежь, хотя выпивать чуть-чуть не вредно. Вино устраняет в человеке внутренние запреты, и тогда этот человек выглядит в своем истинном свете. Применительно к молодежи вино позволяет учителю увидеть потаенные уголки в душе захмелевшего ученика, увидеть особенности его характера, отчего учитель может лучше узнать своего ученика, внося нужные поправки в процесс воспитания и обучения. Далее Платон, развивая свою мысль, указывает, что слегка выпивший молодой человек становится более мягким, податливым и поэтому более восприимчивым к советам и наставлениям; учитель же (не возбранялось выпить и им) – менее сварливым и строгим.

То есть, другими словами, опьянение может помочь обучению. Этот совет Платона вреден и опасен для улицы, но, может быть, его когда-нибудь испробуют в школе? Почему бы и нет?

Наркотики или просто лекарства

Как мы уже видели, лекарственные растения в древности использовались исключительно широко. Среди них были и такие растения, которые мы сегодня назвали бы наркосодержащими, то есть растения, служащие сырьем для изготовления наркотических веществ. Одно из таких веществ – опиум (от древнегреческого слова «орiон») – ис-

пользовалось в качестве седативного, обезболивающего и снотворного средства. В современной фармакологии опиум является исходным сырьем для получения сильнейших обезболивающих – морфина и кодеина. Значит ли это, что в древние времена наркомания была явлением обычным?

Боюсь, что нет. Дело в том, что для наркотического применения данные вещества (то есть исходные наркосодержащие вещества) требуют тщательной и довольно сложной многоступенчатой химической очистки, что, согласитесь, для древних римлян и греков было делом недоступным в силу отсутствия необходимых знаний. Они (это доподлинно известно) попросту выжимали и использовали белую жидкость – маковый сок – как сильноедействующее успокоительное и снотворное средство. Кстати, именно поэтому латинское научное название мака – «*papaver somniferum*», то есть «вызывающий сонливость». В этом случае говорить о наркомании, то есть болезненном привыкании к наркотическим средствам, не приходится. Без сомнения, к наркотикам в древности относились гораздо спокойнее и лояльнее, чем в наши дни. Чего боялись в реальности – так это «странных», пришедших извне религий, верований и ритуалов, угрожающих добродетели прекрасных гречанок. Считалось, что женщины очень падки на алкогольные напитки, секс, различные удовольствия – и вообще чрезвычайно легко поддаются внушению и соблазнам. Поэтому все эти «женские» культы с полуночными таинственными ритуалами, групповой истерикой и танцами в обнаженном виде древним грекам казались в высшей степени подозрительными.

И все же... Одно доказательство употребления наркотиков именно по своему предназначению (как это мы понимаем сегодня) все-таки имеется. И доказательство это исходит из уст самого Геродота. Он описывает, как скифы «курили» каннабис (то есть высушенные стебли и листья определенного сорта конопли). Они кидали сухие измельченные части этого растения на раскаленные камни внутри шатра и вдыхали выделявшийся дурманящий «пар». Варвары – что с них взять... До таких вещей греки не додумались.

Жизнь навсегда

У древней медицины было по крайней мере одно большое преимущество перед медициной современной: врачеватели занимались делом, а не саморекламой, и никто не смущал людей газетными статьями типа: «С одной стороны, бросающая в дрожь перспектива, что через пять лет благодаря геной инженерии мы сможем излечивать буквально все болезни. С другой стороны, не менее шокирующее известие об «исследованиях в Швеции, которые показали», что натуральные продукты, объявленные «полезными для вашего здоровья» всего лишь несколько месяцев назад, на поверку оказались абсолютно вредными (то есть ровно наоборот)».

Если ученые медики не могут определить, полезен продукт или нет (я лично всегда сначала смотрю на этикетку, выуживая информацию о составе продукта), то как можно верить их способности совершать медицинские чудеса и подвиги через считанные годы? И что еще может выясниться

через пять лет? То, что вода – убийца всего живого? И что человечество должно как можно быстрее найти замену кислороду, который в XXI в. вдруг окажется вредным, ядовитым газом?

Наркомания сегодня

Лишь в XIX в., когда наука достигла определенных высот, в химических лабораториях путем тонкой очистки сумели выделить из опиума так называемые «опиаты» – морфин и кодеин («положительные» вещества), а также героин («плохое» вещество, прием которого внутрь навсегда превращает человека в раба этого зелья). Много позже наркотики были признаны социально опасными веществами, прием которых вызывает у человека глубокую физическую и психоэмоциональную зависимость. Человека как бы «насаживают» на наркотический крючок, «сорваться» с которого самостоятельно практически невозможно. Более того, наркоману требуются все большие и большие дозы. Постепенно он переходит с так называемых «легких» наркотиков на более «тяжелые». В конце концов наступает полная деградация личности и смерть.

Наркотики – удовольствие не из дешевых; их оборот в денежном выражении исчисляется сотнями миллиардов долларов. Выращивание, лабораторная переработка и дальнейшая контрабанда являются основой благосостояния целых стран и даже регионов мира. (Вспомним страны «Золотого Треугольника», колумбийскую сельву или Афганистан). Борьба с незаконным оборотом этого

страшного зелья официально ведется с 1930 года, когда было создано Федеральное бюро по обороту наркотиков, а наркотрафик попал под жесткий прессинг американских властей. Война эта не затихает и по сей день.

Медицинская этика

Говоря об успехах медицины, мы подразумеваем не только профессиональные навыки врачей и новейшие методы лечения или диагностики болезней, но также и дружеские, сердечные, теплые отношения между врачом и пациентом. К этим отношениям всегда было приковано внимание любого общества, и потому, начиная с незапамятных времен, шаг за шагом, в течение многих столетий выработывались основные этические правила врачевания. В частности, этой теме посвящены дошедшие до нас три древнегреческих трактата, где указаны главные принципы, правила и нормы поведения врача. Например:

- Врач должен выглядеть здоровым, чистым и упитанным; либо его пациенты подумают, что он не способен позаботиться даже сам о себе.
- Он должен быть серьезным, строгим, оставаясь при этом дружелюбным и незаносчивым.
- Он должен быть морально непогрешимым и способным контролировать себя из-за достаточно близких отношений с пациентом.
- Врач должен знать, когда говорить, а когда хранить молчание. И уж конечно, он не дол-

жен быть секретным сотрудником или осведомителем.

- Он должен мужественно терпеть выходки пациентов, в том числе и ложь. Больные часто лгут, уверяя врачей, что принимают прописанные лекарства. Если пациент не принимает непонравившееся лекарство, он может умереть, и тогда весь позор ляжет на лечащего. Поэтому врач должен лечить пациентов, сохраняя твердость и спокойствие, соблюдая предписанный порядок и уделяя им столько внимания, сколько необходимо.
- Врач должен быть кратким, убедительным, приятным в общении, внушающим доверие и умеющим хранить чужие секреты. В том помещении, где врач обследует больного, не должно быть ни шума, ни суеты. Он должен обращать внимание даже на такие мелочи, как опрятная одежда.

Соблюдение всех этих правил, написанных две с половиной тысячи лет назад, сделает честь любому современному доктору. Хотя упитанным быть вовсе не обязательно.

Клятва Гиппократова – честь или лицемерие?

Все писанные и неписанные медицинские этические нормы сошлись воедино в знаменитой Гиппократовой клятве (IV в. до н. э.), которая и стала эталоном поведения медиков всех последующих поколений. Однако, вдаваясь в детали текста клят-

Гиппократ

вы, находишь несуразицы, которые невозможно объяснить здравым смыслом. На это указывает и профессор медицины Кеннет Саундерс:

- Дающий эту клятву присягает на верность языческим богам Асклепию и Панацее. Но теологические изыски не занимают никакого места ни в трудах Гиппократа, ни в тру-

дах современных медицинских светил.

- В тексте говорится, что врач должен уважать своего учителя, учить ремеслу врачевания своих сыновей и сыновей своих друзей. Об уважении к кому-то еще, кроме своего учителя, – ни слова.
- Следующее довольно щекотливое место: врач клянется помогать и не вредить пациенту, используя «pharmakon». Это слово означает и лекарство, и яд – в зависимости от дозировки. Все бы ничего, если бы за словами клятвы скрывалось лишь желание оградить пациента от смерти. Ничего подобного. В ту эпоху врачи частенько «помогали» больным добровольно отправиться в мир иной.
- Врач обязуется не провоцировать у пациента аборт (так было в древности, но не сейчас) и не использовать нож (то есть не прибегать к хирургическому вмешательству – полный абсурд).
- Врач обязуется не вступать в интимную связь со своими пациентами, будь они рабы или свободны, и никогда не распространять то,

что услышал своими ушами. Какая интимная связь? Какие рабы? Как это все понимать сегодня?

Другими словами, эта клятва, вернее, этот античный текст совершенно не подходит для современной эпохи, возможно, кроме нескольких положений. Так для кого же была составлена эта клятва? Наиболее распространенная и принимаемая версия гласит, что, скорее всего, это была клятва врачей – последователей Пифагора, который, как известно, не признавал ни суицид, ни аборт, ни кровопускания. Почему-то текст этой клятвы приписали Гиппократу и сделали универсальным.

В 1997 г. Британская Медицинская Ассоциация проанализировала его и нашла слишком длинным, помпезным, недемократичным, подобоострастным и даже несколько политизированным. В итоге на свет появилась «новая редакция» привычного текста – клятва Гиппократа по-британски:

«Медицинская практика – это привилегия, которая подразумевает большую ответственность. Всякий врач должен осознавать свой долг помогать больным людям, не делая им вреда. Я обещаю, что мои медицинские знания будут использованы исключительно на благо людей, и это – моя главная забота. Я обещаю слышать их и заботиться о них в меру моих сил и возможностей. Я буду честным, уважительным и сострадательным по отношению к своим пациентам. В экстренных случаях я буду действовать быстро, решительно и сделаю все от меня зависящее, чтобы оказать неотложную помощь людям, которые в ней нуждаются. Я прило-

жу все усилия для того, чтобы были соблюдены права всех моих пациентов, включая тех, кто даже не всегда может позвать на помощь либо находится в стесненных условиях; тех, кто испытывает ментальное нездоровье; тех, кто находится под следствием или в заключении; тех, кто парализован либо не может отвечать за свои слова и поступки.

Мои профессиональные действия, суждения и оценки будут честны и независимы от любого политического диктата либо общественного или финансового статуса пациента. Я обещаю не искать никакой личной выгоды, а лишь выполнять свой врачебный долг.

Я признаю абсолютную ценность человеческой жизни. Там, где законодательно разрешены аборты, я обязуюсь практиковать их в рамках этики и закона. Я обязуюсь также не назначать бесполезное или вредящее лечение либо такое лечение, которое отвергнет информированный и компетентный пациент.

Я буду убеждать своих пациентов в пользу профилактики болезней, а также всячески поддерживать в них стремление получить как можно больше медицинской информации. Я обязуюсь как можно более правдиво и компетентно отвечать на вопросы пациентов и уважать все их решения, если только они не несут угрозы другим людям. Если я не буду согласен с просьбами пациентов, то должен буду объяснить им причину отказа. Если мои пациенты имеют умственные ограничения, я буду предлагать им самим принимать свои собственные решения, если только на это у них будет воля и желание.

Я обязуюсь сохранять в тайне все, что касает-

ся моих пациентов. Если это по каким-то причинам невозможно, то я должен разъяснить пациентам эти причины.

Я должен осознавать ограниченность моих знаний и поэтому обязуюсь прислушиваться к советам моих коллег. Также я обязуюсь признавать свои ошибки. Я буду искать информацию о новых достижениях и открытиях в медицине для того, чтобы, будучи информированным, применять эти меры на практике. Я обязуюсь вскрывать недостатки и предоставлять информацию о них тем, кто обладает достаточной компетенцией для улучшения ситуации. Я буду поддерживать уважительные отношения с коллегами по работе, информировать их о новых достижениях в медицине и, в случае необходимости, учить их тому, что хорошо знаю сам.

Я буду поддерживать уважительные, дружеские отношения в том коллективе, где мне предстоит работать. Я обязуюсь воздействовать на тех руководителей, чья политика может нанести вред обществу, а также выступать против тех руководителей, чья политика нарушает признанные мировым сообществом права человека. Я буду противиться тем решениям руководства, которые вступят в противоречие с интересами моих пациентов, а также с моей профессиональной этикой».

Не пародия ли это на клятву Гиппократова? После прочтения этого огромного, пространного и неудобоваримого вышеприведенного текста я нахожу классический вариант клятвы образцом ясности, краткости и здравого смысла.

ЭПИЛОГ, ИЛИ ИДЕАЛЬНЫЙ МИР

Будь у древнего грека или римлянина такая возможность – совершать путешествия сквозь толщу веков и тысячелетий, – он обязательно переместился бы к нам из своей эпохи, чудовищно далекой и непонятной. Он явился бы к нам из мира, где единственным источником света и тепла был огонь, разжигание которого было столь серьезной проблемой, что его приходилось поддерживать непрерывно столько времени, сколько это было возможно. Он пришел бы к нам из мира, где единственным источником энергии была мускульная сила человека или животных (и совсем мизерная доля от общей вырабатываемой энергии приходилась на энергию ветра и воды). Никому не удавалось двигаться по земле со скоростью более пяти миль в час, потому что такова была максимальная скорость повозки, запряженной парой волов (мы не будем брать во внимание скорость передвижения всадника, потому что лошадьми владели немногие богатые люди).

Нет ни одного серьезного аспекта нашего материального мира, который не показался бы «забредшему» к нам эллину или римлянину чистой фантастикой, магией и волшебством – начиная с транспорта, электричества, оружия и телефона (какой там Интернет! Пришельца из прошлого можно было бы убить простой демонстрацией примитивного телефона), кончая операциями на открытом сердце, телевидением, а также неслыханным зрелищем свободно восседающих в барах женщин. Не ускользнул бы от древнего грека тот факт, что мы до сих пор читаем Гомера; а римлянин изумился бы не меньше грека, узнав, что мы читаем и Вергилия. «Почему? – спросили бы они удивленным голосом. – Зачем это вам?»

И это далеко не все, что могло бы ввести наших гостей из прошлого в полубормочное состояние. Они были бы чрезвычайно удивлены, узнав, что человек XXI в. может лишиться сна и покоя, потеряв свой мобильный телефон (для начала, конечно, не мешало бы объяснить гостям, что это такое). Поразила бы древних и социальная апатия, и упадочническая мораль, и невежество, и полная деградация института семьи. «Откуда у вас столько уныния, – спросили бы нас древние, – когда весь мир находится у ваших ног, когда ваша жизнь так легка и устроена, когда любой ваш каприз удовлетворяется в мгновение ока?»

Но как только посланники древности оправились бы от первого шока, они непременно нашли бы ответы на все эти вопросы (так же, как находим их мы). Есть, конечно, о чем поговорить, когда дело касается материального мира и физического благополучия; однако все рассуждения о

физическом и плотском в конце концов сводятся к простым вещам, не имеющим никакой физической подоплеки (о выбросах гормонов, наподобие серотонина, умолчим), – моральному удовлетворению, удовольствию и счастью. То есть для человека во все времена нужна была пища не только физическая, но и духовная. Вот почему мы до сих пор читаем Гомера и Вергилия – чтобы найти в их трудах ответы на мучающие нас вопросы.

И все-таки вопросы, поставленные древними... Причиной нашего «уныния и социальной апатии», как справедливо показалось бы нашим гостям, является наше раболепие перед властью предержавшими. Такими нас воспитала наша система, которая, решая за нас все наши насущные вопросы, практически не дает нам никакого голоса. Не вовлеченные ни в какие процессы народовластия (а нас специально держат как можно дальше от реальных рычагов управления обществом), мы жалуемся, ругаемся, выдавливаем из себя проклятья и выпускаем пар недовольства, но упорно продолжаем идти своей раз и навсегда проторенной дорогой конформизма.

Вот такое у нас «государство всеобщего благоденствия», основа которого – никем и ничем не подтвержденная гипотеза, что «оно знает лучше». И неудивительно, что сегодня превалирует лозунг «Пусть это чертово правительство продолжает все делать по-своему. Это их ответственность, и мне нет до них никакого дела».

Однако для доказательства этой гипотезы государство все время клянчит у нас деньги, а выклянчив, тратит миллиарды и миллиарды фунтов на удовлетворение своего «видения», то есть того, что

хочет сделать для нас (не спрашивая при этом нашего мнения и не интересуясь тем, что мы в действительности хотим от него). Между прочим, «видения» бывают, в основном, у сумасшедших. Не отсылать ли наше правительство почаще к докторам, чтобы они помогли ему избавиться от этих «видений».

В результате постепенно у нас отняли желание самостоятельно принимать решения, касающиеся нашей судьбы. Правительство теперь говорит: «Смотрите! Мы оказались правы! Мы действительно нужны нашему народу для того, чтобы делать для него все, что необходимо!» Мозги наши промыты так основательно, что уже никакое правительство не может положиться на нас, нашу волю, наши знания и самодисциплину. Оно уже просто не в состоянии нам помочь.

Ах, какой замечательный у меня получился политический манифест! И как же преуспело наше «государство благоденствия» в выдавливании из нас последних остатков воли и даже самого нашего желания продемонстрировать, что все-таки мы сами являемся хозяевами своей жизни! Нет. Наше правительство – наш хозяин; в этом его сущность и предназначение. Если это так, то оно должно вернуть нам наши деньги. Недавно кто-то вообще предложил упразднить национальную здравоохранительную систему, а на возвращенные нам из бюджета деньги мы лечили бы сами себя. Ну, так когда там начнут переводить деньги на наши счета?

В том-то и дело, что мы попали в полную зависимость от правительственных решений за наш счет, о чем кричат даже газеты. «Что правительство собирается делать с пенсионным обеспечением, образованием, здравоохранением, транспорт-

ной инфраструктурой?» – вопрошает «Дейли телеграф».

Правительство само плодит проблемы, так с какой стати мы должны верить, что оно эти проблемы способно разрешить? Зачем оно, скомпрометированное, вообще нужно? Вы же больше не вызываете кровельщика, залатавшего прошлой осенью черепицу на крыше вашего дома так, что потом всю зиму с потолков падал настоящий дождь? А наше правительство – ничего, сидит себе. Вот такую ситуацию греки и римляне называли бы рабством и были бы правы. При этом наши политики смеют призывать нас к более активной позиции. Есть один ответ на эти призывы: он называется «демократия», и правительству этот ответ явно не по нутру.

Изучая античную эпоху, мы попадаем в мир, где ни один правитель и ни одно правительство не ставило своей целью «повысить налоги и сборы». Говоря словами Оливера Летвина, «античная власть фокусировала свое внимание не столько на экономике, сколько на образе жизни своих подданных в целом». К тому же тогда не было ни христианства, ни экономических теорий, ни индустриализации, ни революций, ни политического романтизма, ни специальных знаний по психологии. А как древним повезло, что у них не было полноценной денежной и банковской системы, которую один из президентов назвал «более опасной, чем оккупационная армия... Распространившийся принцип безоглядно тратить заемные деньги подкладывает под будущее мину, которая неминуемо взорвется, причем в огромных масштабах» (Томас Джефферсон, 1816 год). Насколько мы понимаем сегодня, в эпоху «глобализованного»

мира, устоявшаяся всемирная финансово-банковская система может привести к тому, что какая-нибудь пустяковая проблема в США может наотмашь ударить не только по экономике любой страны, но и по всей мировой экономике в целом.

Другими словами, наши предки жили в совершенно другом мире, не имея и доли того, что мы имеем сегодня; а главное, не было такого информационного «загрязнения», последствия которого мы испытываем каждый день. Древнюю девственную тишину не нарушали крикливые голоса политиков, морализаторов, кликуш, пиарщиков, советников и разного рода медиа-средств во всех своих тлетворных проявлениях.

Блестящий ум, выразительность и энергия классических античных авторов (даже без учета их влияния на почти всю западноевропейскую философскую мысль) делает их необычайно острыми, свежими и своевременными даже сегодня, когда никто ничего толком не знает, однако норовит принять свое, пусть и «слепое», решение и проявить свою, пусть и малопродуктивную, волю. Зато без всяких помощников и посредников. Сегодня в «Гардиан» существует приложение под названием «Fish», то есть «Рыба». Так и называется – «Рыба». Силуэт рыбы там присутствует в качестве фона на каждой странице и, в общем-то, эстетического впечатления от издания не портит. (Для тех, кто не знает, что такое рыба, объясняю, что это такая скользкая штука с жабрами, которая плавает в воде). Откройте первую страницу издания, и вы увидите большой заголовок – «Где купить рыбу». Эх, увидел бы это Вергилий...

Возможно, самое большое удовольствие – это

жить в мире, свободном от власти телевидения, за-
силья знаменитостей и вакханалии рекламы; в об-
щем, всего того, что формирует «потребительскую
мечту», вдохновляющую среднего британца XXI
века; мечту о вечной молодости, вечной привлека-
тельности и вечного потребления («вы есть то, что
имеете»), вторгающуюся в каждый аспект жизни и
разрушающую все, что требует долгого труда и упор-
ства, в том числе человеческие отношения, и, как
следствие, надежду на долгое счастье. Главное свой-
ство мечты состоит в том, что, проснувшись, вы вы-
тряхиваете ее из головы, как назойливое наважде-
ние. Хорошо описал эту «культуру ирреального»
Платон, и, как всегда, блестящими аллегориями.

В своей «Республике» Платон сравнил нормаль-
ную человеческую жизнь с жизнью узников подзе-
мелья. Прикованные цепями к пыточным столбам
с самого рождения, люди видят только стену напро-
тив себя и ничего более. За их спиной разворачи-
вается кукольное представление, а позади кукол го-
рит факел. Освещенные колеблющимся факельным
светом кукольные зверюшки и человечки отбрасы-
вают свои тени на ту самую стену, на которую взи-
рает все закованное в цепи человечество (чем не
кино?). Люди могут видеть только то, что им пока-
зывают на стене, а слышать – только эхо тех слов,
что произносят кукловоды. Это и есть нормальный
человеческий опыт. Реальность как театр теней.

Теперь представьте, рассуждает Платон, что од-
ного из узников освободили из кандалов. Обернув-
шись назад, он с удивлением увидел горящий факел
и, с неменьшим удивлением, кукол-марионеток,
подвешенных на веревочках. «Это и была настоящая
жизнь?» – пронеслось у него в голове. Представьте,

что нашего героя повели к выходу из подземелья, на свежий воздух, к дневному свету. Как вы думаете, выдержат ли его глаза солнечный свет, не ослепнет ли наш узник в первые же мгновения нахождения в настоящем, а не фальшивом мире? Конечно же, ослепнет. Пройдет немало времени, прежде чем его подслеповатые глаза привыкнут к дневному свету.

А теперь представьте, что его должны вернуть назад, в пещеру. Какими словами он оценит теперь никчемное существование в затхлости темного узилища? Едва привыкнув к темноте, он объяснит своим товарищам по несчастью, что сцены «жизни» на стене – это всего лишь тени от играющих кукол-марионеток. И что, по-вашему, ответят его друзья? Они рассмеются и скажут ему, что он уходил наверх лишь для того, чтобы вернуться с «большими глазами». Если бы они только могли дотянуться до своего товарища, который хотел освободить и вытащить их на волю, они непременно убили бы его.

Этой притчей Платон предвосхитил телевидение и мир, созданный вокруг него. Недавно в этой порочной индустрии произошел скандал, участниками которого были не только прямые виновники, но и те, кто этот скандал покрывал, прикрываясь своей должностью.

Майкл Грейд («ITV»), который всю сознательную жизнь мастерил абсурдный театр теней в затхлом медийном подвале, недавно помпезно заявил: «Доверие между телеведущими и аудиторией имеет непреходящую ценность». Для кого это «непреходяще», простите? И насчет доверия... День, когда мы «доверимся» масс-медиа, будет для нас самым черным днем.

Как бы невероятно это не звучало, мистер Грейд,

вы – всего лишь бледная тень от Марка Томпсона, гендиректора Би-би-си, который постоянно предлагает экономить деньги, продолжая платить ничтожному, высокомерному Джонатану Россу, ведущему безмозглое чат-шоу, миллионы фунтов в год, урезая при этом бюджет популярной программы «Сегодня» (общая стоимость – 5 миллионов фунтов в год). Заявляя, что «честность, благородность и уважительность» и есть те «ценности», которые люди, спонсирующие Би-би-си, находят в деятельности этой уважаемой организации (и откуда он это знает?), он продолжает: «Однако (восстановление доверия) это не вопрос привлечения или внедрения какой-то новой культуры. Скорее, это вопрос возрождения и усиления тех ценностей, культуры и традиций, которые сложились на Би-би-си».

Что правда, то правда: «культура и ценности» у таких людей, как мистер Росс, состоят в основном из фантазии, невежества, упрямства, вульгарности и лжи. А что еще могут ждать Платоновы «жители подземелья» от таких теледеятелей? И это в то время, когда смертельные вирусы, вырвавшиеся из телевизора, заполняют почти каждую детскую спальню (незачем теперь удивляться, что наши дети не умеют читать). Под видом детских развлекательных передач правительство заставляет производителей ставить на сигаретных пачках пугающие надписи, уговаривает средний класс «завязать» с пагубными привычками, а ожирение рассматривает как угрозу, равную глобальному потеплению! При этом об интеллектуальной, моральной и духовной деградации наших детей и взрослых, настоящих рабов и заложников телевизионной «культуры», – ни гу-гу...

Пока комнатный телевизор смотрится в зерка-

ло, висящее на противоположной стене, и надувает щеки от «непреодоляющей важности служения обществу», семь громов – обитателей телевизионно-развлекательной «культуры» по первому же зову строятся в ряд: Пошлый, Дрянной, Грубый, Мерзкий, Убогий, Безвкусный и Подлый. В самом деле, многие, кто смотрит ТВ, знают, что эта болезнь неизлечима. Она поражает всех и каждого; а найти противоядие трудно, если возможно вообще. Те немногие, кто посещает Национальную галерею, жалуются, что там на стенах висят все те же старые картины. Телевидение прекрасно владеет оружием, позволяющим завоевывать умы и сердца зрителей – никогда не считать людей глупцами с дурным вкусом. Недооценка зрительского ума и чувства вкуса ни к чему доброму не приводит. И наоборот – легкое заигрывание с аудиторией («Какие все собравшиеся на нашем шоу и у экранов телевизоров умные люди!») позволяет ввести в черепную коробку обывателя очередную дозу наркотического яда. То-то же ужаснулись бы древние греки и римляне от нашей маниакальной телезависимости; а еще более от того, что мы, в общей своей массе, падки на пошлость и безвкусицу. И это в то самое время, когда многое действительно прекрасно и доступно всем.

Такую гипотетическую реакцию древних можно объяснить тем, что мы окружены чудесами, до которых любой из нас может, образно говоря, дотянуться рукой – начиная снимками взрывающегося звездного скопления в 650 тысячах звездных лет от нас и кончая искусственными сердечными клапанами и концертами Шуберта. Никогда еще информация (и дезинформация) не была такой доступной, как сегодня.

И что же нам со всем этим делать? Деградировавшие и оболваненные масс-культурой, мы настоящие чудеса давно променяли на мусор в яркой упаковке, утешая себя фантазиями и мечтами о гламурной жизни, о том, что для нас нет ничего невозможного; и все это без усилий, простым нажатием одной заветной кнопки. И все это сейчас же, немедленно. И желательно, чтобы за все это заплатило правительство.

Ну, и стал бы я голосовать за Цезаря? Держу пари, что стал бы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. Две столицы – Рим и Лондон	5
2. «Хлеба и зрелищ»	32
3. Древний Рим и налоги	63
4. Государственный контроль	99
5. Власть – народу! Афины в 508–323 гг. до н. э. .	116
6. Закон и правосудие	145
7. Преступление, наказание и образование	170
8. Игры знаменитых	211
9. Война и мир	236
10. Прелести язычества	259
11. Вглядываясь в будущее	282
12. Наука и жизнь	303
13. Доктор вас скоро примет	338
Эпилог, или Идеальный мир	372

Научно-популярное издание
Серия «Историческая библиотека»

Питер Джонс

ГОЛОСУЙТЕ ЗА ЦЕЗАРЯ

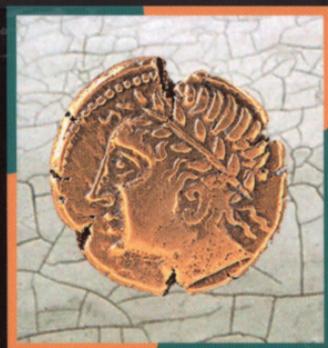
Ответственный редактор *Ю. Г. Иванов*
Дизайнер обложки *Е. В. Михалкина*
Технический редактор *М. Г. Потапова*
Корректор *Г. В. Селицкая*

Подписано в печать 09.12.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная. Объем 12 печ. л.
Тираж 4000 экз. Заказ 3104.

«РУСИЧ». Лицензия ИД № 04277 от 15.03.2001.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.
E-mail: info@russitch.ru (редакция).
E-mail: salerus-smol@rambler.ru (отдел реализации).
Тел.: (4812) 68-36-87, 68-36-86, 21-41-00.
www.russitch.ru

Издано при участии ООО «Харвест».
ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1,
корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

Голосуйте ЗА ЦЕЗАРЯ

В наши дни богачи хвастаются тем, как много они зарабатывают. Во времена Древнего Рима они хвастались тем, как много они тратили на других людей.

Питер Джонс

ISBN 978-5-8138-0956-9

9785813809569